

Людмила Рублевская

Авантюры
Прантиша Вырвича,
школяра и шника

GUEST

Людмила Рублевская

**Авантюры Прантиша
Вырвича, школяра и шпика**

«Электронная книгарня»

2011

Рублевская Л. И.

Авантюры Прантиша Вырвича, школяра и шпики /
Л. И. Рублевская — «Электронная книгарня», 2011

ISBN 978-985-90377-3-3

В историко-приключенческом бестселлере известной белорусской писательницы Людмилы Рублевской описываются увлекательные события, главными героями которых стали беглый студюзуз Менского иезуитского коллeгиума Прантиш Вырвич и доктор Балтромей Лёдник из Полоцка. Приключения белорусских авантюристов не менее увлекательны, чем похождения французских мушкетеров или русских гардемаринoв.

ISBN 978-985-90377-3-3

© Рублевская Л. И., 2011
© Электронная книгарня, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	26
Глава пятая	38
Глава шестая	45
Глава седьмая	56
Глава восьмая	64
Глава девятая	75
Глава десятая	81
Глава одиннадцатая	88
Глава двенадцатая	98
Глава тринадцатая	105
Глава четырнадцатая	114
Глава пятнадцатая	124
Глава шестнадцатая	132
Толкование некоторых исторических терминов	143

Людмила Рублевская

Авантюры Прантиша Вырвича, школяра и шпика: роман приключенческий и фантасмагорический

Медный шелег – это вам не серебряный грош... И тем более не червонный талер.

Но чтобы определить, куда двигать дальше от этой неудобной развилки, где только и есть что три осины, покосившийся деревянный крест да огромная, как саксонская кровать короля Августа, и бездонная, словно карманы его фаворитов, лужа, то и медяк согдится.

Прантиш – вчерашний ученик Менского иезуитского коллегиума, а сегодня – пройдоха, голодранец, бродяга, галыганец и как там еще чувствовала его торговка булками на Нижнем рынке, и что впереди – неизвестно, ведь в восемнадцать лет даже святой Франциск Ассизский имел в голове ветер, а в руках – чарку вина...

Правда, вином, сладким да соблазнительным, подобно яблоку в руке прабабки Евы, видимо, угоститься Прантишу придется еще не скоро... Имеем в виду – за собственный счет.

Но где-нибудь да и найдется дармовой кубок для не очень-то крепкого, однако ладного голубоглазого школяра с улыбчивым ртом и упрямым русым чубом...

Где?

Прантиш подкинул шелег вверх. Назад он вернулся будто бы неохотно, несколько раз перевернувшись в воздухе – ясное дело, компании, даже такой же медной, в суме хозяина ему не предвиделось. Лихой всадник с мечом на тусклом диске монеты скакал в сторону Воложина. А может, Варшавы... Или Дрездена...

А почему бы школяру, который основательно овладел кухонной латиницей, не дойти до Дрездена или даже до Рима? Повсюду найдется жирная торговка булками, которая иногда теряет бдительность ради весьма полезной для разгона апатии и сжигания лишней желчи перепалки с соседками по базару, и уж, ясное дело, совершенно не способна догнать шустрого, как ртуть, потомка обнищавшего шляхетского рода Вырвичей герба «Гиппоцентавр» – на котором уже несколько столетий кентавр с благообразным, кротким лицом замахивается мечом на собственный хвост, превратившийся в клыкастого дракона. Отец, пан Данила Вырвич, а он часто после корчмы уподоблялся побитому дракону, говорил – изображение на их гербе означает, что в каждом прячется и ангел, и скот покорный, и зверь хищный, и чтобы оставаться человеком, надобно всегда иметь при себе сверкающий меч шляхетской чести и отваги...

Осины жалостливо зашуршали узкими листьями, будто костельные кликуши в спину заскулили: ой, пропадет, сломает шею, погубит душу свою непокура чубатая...

А Прантиш перекрестился на скособоченный крест с остатками оброчного рушника, лет двадцать назад сотканного ткачихой, опасавшейся, что не поведут к венцу – или что не вернется из славного королевского войска ее милый... Поправил на голове шапку шляхетскую с настоящим, хоть и молью побитым, сободем и желтоватым диамантовым гузом – единственным, что, кроме потемневшего от времени прадедового золотого перстня-сигнета да сабли с выгравированным на эфесе гербом, сумел подарить сыну-студизису старший пан Вырвич. Старательно начищенный Гиппоцентавр был во время срочной ретирады позорно покинут в конvente – общежитии коллегиума... Вспоминая об утраченном шляхетском оружии, Прантиш подавил горький вздох и пошагал – туда, куда дует ветер и летят первые осенние листья, и облака, и птицы Симург, и мечты недоучек иезуитского коллегиума.

Глава первая

Как Прантиш купил алхимика

Карета была роскошной – и грязной. Грязной, как мужицкий кожаный лапоть – поршень. Из-за налипшей грязи нельзя было рассмотреть даже герб на дверках. А кони сытые, резвые... Жижа била фонтаном из-под копыт... Эх, если бы здесь кусты на обочине, да сумерки, да кони немного замедлили... Тогда бы Прантиш прицепился к экипажу, и с помощью святого Франтасия доехал хоть до Каменной Горки. Но было светло, а кучер сердито посматривал по сторонам, как филин в поисках неосторожной мыши. Прантиш тоскливо глядел вслед карете, когда вдруг... Неужто святой Франтасий поспособствовал? – кучер, услышав окрик хозяина, натянул вожжи... Карета остановилась. Но мудрый школяр не спешил подбегать – мало ли чего заблагорассудится панам? Может, злобу на ком-либо сорвать захотелось... Известно, шляхтич к шляхтичу должен обращаться «пан-брат», как к равному, независимо – магнат ли ты или «посконный», у которого ни одного холопа не имеется. Но в действительности шитый золотом кунтуш облезлому соболу не ровня. С братьями Володковичами, что с Радзивиллами водятся, столкнешься не в добрый час, не приведи Господь – сто и одна плеть обеспечены... Не за понюшку табаку, для форсу. А из окошка кареты между тем высунулось усатое лицо путешественника. Лицо красное, усы пшеничные длиннющие, на шапке диамантовый гуз со сливу, и от злости чуть не огнем дышит. Остановился краснолицый взглядом на Прантишевой шапке шляхетской, несурзано со школярской мантией сочетаемой... Золотой сигнет не пропустил, который на Прантишевом пальце поблескивал тускло – недаром шляхтич скорее с голоду сдохнет, чем без знаков своего звания останется. Парень в очередной раз пожалел, что сабли нет. Эх, где ты, сабелька... Пусть черная, не парадная, в ножнах из кожи угря... Без коня тоже плохо, но всегда сорвать можно, что проиграл верного дрыганта в карты. А шляхтич без сабли – все одно что голый.

– Эй, ты, гицель! Школяр! Тебе говорю, не луже. Подойди. Фортуну свою лови!

Ага, фортуна... Такой красномордый разве что кулаком в рыло одарит.

Но Прантиш осторожно приблизился, готовый мгновенно отскочить.

– Что, у иезуитов учишься? – скользнул путник взглядом по Прантишевой одежде. – Шляхтич?

– Шляхтич! – гордо ответил Прантиш, положив руку с сигнетом на воображаемую саблю.

– А деньги имеешь, бездельник? Стоять! – рявкнул, заметив, что школяр при неделикатном вопросе о деньгах отпрыгнул на три лужи, а Прантиш в свою очередь заметил самое досадное, что можно увидеть на пустом осеннем большаке – а именно ствол направленного на него пистолета. Тут особо не побегаешь... Да и кучер вон какой грозный, и тоже с пистолетом за кушаком – этот не замедлит по хозяйскому приказу погнаться.

– Ты что, думаешь, пан Агалинский грабить тебя будет? Я продать одну ценную вещь желаю. Ну, хоть какая ломаная полушка имеется?

Прантиш неохотно полез в карман.

– Вот... Шелег...

– Мать Божая Ченстоховская! Целый шелег! – пистолет затрясся в руке краснолицего – так захохотал. – Слышь, звездочет? Я продам тебя за целый шелег! – добавил он, повернувшись к кому-то в карете.

Потом снова спросил у путника:

– Как тебя зовут? Имя скажи!

– Прантиш Вырвич, славного рода Вырвичей из Подневодья, герба «Гиппоцентавр»!

– Пусть будет Вырвич... Записывай... – последнее снова было сказано к неизвестному в карете.

Прантиш тоскливо поглядывал по сторонам, высматривая спасение. Вдруг дверка с заляпаным грязью гербом распахнулась, и князь Агалинский выволоч из кареты тощего немолодого типа в длинной черной одежде, похожей на мантию преподавателя коллегіума, с бритым по немецкому обычаю лицом. Мужчина посматривал колючими темными глазами из-под отросших черных лохм таким ненавистным взглядом, что Прантишу показалось – сейчас услышит привычный окрик: «Это самый ленивый студіозус от Тибра до Борисфена! Березовых розг ему...» Между тем пан Агалинский могучей рукой едва не оторвал за загривок типа от земли, хоть тот был выше его на полголовы, и толкнул в грязь, просто под ноги школяру.

– Давай шелег, сударь!

Прантиш протянул на ладони свою последнюю монетку... Агалинский взял ее двумя пальцами:

– Вот! Небо свидетель, слово шляхтича: с этой поры мерзавец Бутримус принадлежит тебе, делай с ним, что хочешь, – и полез назад в карету, насмешливо выкрикивая на прощание. – Вот где счастье, парень, привалило! Это ученый муж, алхимик. Он тебе золота наварит – засыплешься! Не забывай только бока ему подправлять дубиной, чернокнижнику проклятому!

Из кареты просто в лицо Прантишу вылетел бумажный свиток, тот еле успел его поймать.

Кучер тоже подарил на прощание ошалелому Прантишу очень неприятную ухмылку, дернул вожжи...

Только когда карета отдалилась на расстояние свиста, Прантиш немного очухался и перевел взгляд на свою новую собственность.

Человек молча поднялся на ноги и отряхнул длинную черную свитку. Его нос напоминал клюв хищной птицы, губы презрительно поджаты... Так что Прантишу показалось – это не он купил лохматого проходимца, а совсем наоборот. Может, пока не поздно, стоит удрать от этого типа подальше? А вдруг он действительно колдун... Прантиш развернул свиток: это была оформленная как положено бумага на владение слугою мужского пола Балтроем Лёдником, мастером тайных наук, доктором и толмачом, который по причине невозможности выплатить долг в двести дукатов дал присягу служить своему пану пожизненно, без платы и права уйти, и пан может распоряжаться им, как ему угодно. Имя Прантиша немного криво вписали на положенное место, чернила еще не просохли, и последняя буква фамилии имела размазанный хвостик, будто ее задержали, когда она собиралась убежать с подозрительного листа.

Между тем алхимик вперился в своего нового господина мрачным пронзительным взглядом. Молчание затянулось, как варшавский сейм. Его нарушил Бутримус.

– Ну?

Прантиш растерялся.

– Что собирается делать мой господин? Здесь ночевать, или как? Пан Прантиш, мать Божья... Только безмозглого мальчишки мне не хватало во владельцы.

Голос звездочета даже скрипел от презрения. Вырвич обиделся. В конце концов это не его только что продали как лапотного мужика, а спесивого доктора. Нужно показать ему, кто на каком шестке будет ночевать!

– Куда прикажу, Бутримус, туда и пойдем... В ближайшую корчму, например.

– Было бы кстати, чтоб вы называли меня доктором, – мрачно промолвил слуга Прантиша. – Докторского звания меня никто не лишал, так же, как Платон не перестал быть философом, когда его тоже продали в рабство. – Помолчал, неохотно продолжил: – Корчма – это неплохо. Последний раз я ел... Давно, короче. Но за что там резвиться? Вы же, как я понимаю, последний шелег потратили на мою драгоценную персону?

Прантиш озадаченно хмыкнул. Действительно, денег нет. А пан обязан заботиться о своих слугах. Какое уважение к пану-голодранцу, который и себе куска хлеба не купит? Правда,

сейчас Прантиш был богаче своего батяни на целого слугу! У пана Данилы Вырвича ни одного холопа не осталось, если не считать старой Агаты, все спустил на шинок.

– А у вас... у тебя есть деньги?

Доктор ошпарил юношу взглядом.

– Если бы у меня были деньги, меня бы здесь не было. Ну что же, двинем в корчму.

И побрел в сторону Воложина, как черный аист с перебитым крылом, не обращая внимания на школяра. Прантиш растерялся. А что, если доктор набросится, бумагу о купле отберет, порвет, убежит? Тощий, но жилистый и злой, как борзая. Прантиш так бы и сделал на его месте. Ясно, что холопское положение этому типу внове.

Но школяр – это вам не жирный карась, которого запросто можно неводом хапнуть. Главное, не напугать этого... Бутримуса. Дойти с ним до людного места. А там – перепродать хоть кому. Он же ученый, лечить, видимо, умеет, звезды читать... И Прантиш бодро догнал своего слугу, который флегматично разбрызгивал ногами осеннюю жижу.

– Пан Агалинский говорил, ты золото делать умеешь. Это ты его обманывал, видимо? Наш профессор Кумоцкий говорил, что это байки да мошенничество, в действительности никому не удавалось создать ни крупинки искусственного золота!

Доктор одарил школяра еще одним острым презрительным взглядом, хоть вместо гвоздя в стену вбей, приостановился, пошарил в тайных карманах своего балахона и достал маленькую стеклянную бутылочку, не больше мизинца.

Прантиш жадно всмотрелся... В бутылочке темнело что-то похожее на черный уголь. Доктор потряс содержимое, и школяр заметил в черном золотые искорки. Если это золото, то за него и булки не дадут... Губы Бутримуса искривила горькая улыбка.

– Да, судьба зло шутит над теми, кто отдается гордыне ума и считает, что ему под силу взнудать стихии, созданные Богом... В этом мизерном сосуде, юноша, десять лет моей жалкой жизни, все мое родовое имущество и, наконец, мои достоинство и воля... Щепотка золота, смешанного с пеплом... Я действительно стою не больше шелега.

Сверху посыпались мелкие, как прозрачные маковые зерна, капли дождя. Бутримус спрятал бутылочку в карман и двинулся дальше, и летел за ним осенний ветер, как местечковый недоросль за юродивым, и дразнился прозрачным языком и дергал за полу... А Прантиш подумал про то, о чем всегда думает уверенная в себе сильная молодость, встретив чье-то взрослое разочарование: «Я никогда таким не стану. Со мною ничего подобного не случится».

Слова из алхимика приходилось вытягивать как мед из колоды – с осторожностью, решительно и с риском быть ужаленным.

Бутрим Лёдник был сыном полоцкого скорняка. Тот имел маленькую мастерскую по выделке шкур и большие надежды на расширение дела. Но единственный сын, который получил звучное имя Балтроем, отца сильно разочаровал, так как от воних сырых шкур весь покрывался болячками и обмирал, как барышня после десяти мазурок. Единственное, на что был способен – смешивать разные соли и жидкости... Но скорняка из него не вышло бы никогда, хоть с самого всю кожу сдерни. Недотепу пришлось отдать в ученики к чудаковатому владельцу книжной лавки и переплетной мастерской купцу Ивану Реничу. Добрейший человек, только странный: идет улицей, в книгу нос уткнув, ночами в трубу на звезды смотрит, ящериц и других тварей в банках со спиртом держит, да еще глаз все время дергается, будто на него невидимая муха садится. Одно слово – некому рассудка прибавить, потому как с маленькой дочкой остался, так новую женщину в дом и не впустил. Жена от чудака самым бесчестным образом с заезжим уланом сбежала. Так Ренич, вместо того, чтобы в суд подать на блудницу, да чтобы за волосы домой притащили, за прелюбодеяние по закону отвечать заставили – только слезу утер да отмахнулся от предложений: пусть, мол, живет госпожа Ренич как хочет, как ей счастливей. А еще подозрительно, что с евреями дружит, с аптекарем Лейбой сколько вечеров за учеными разговорами провели! Говорит – все мы Божьи существа, всем Господь одну землю

дал, в одном городе поселил, на один рынок ходим – и нечего нам делить, когда враги нашу землю поделить мечтают. Не иначе – каббалист и чернокнижник.

Вот здесь, среди тяжелых фолиантов и уютных томиков ин-кварти, псалтырей с золотыми буквицами и философских трактатов с загадочными рисунками, Бутрим себя и нашел, до книжной науки оказался очень сообразительным, и в создании чернил разных... Трактат Теофила «О разнообразных искусствах» выучил он наизусть лет в двенадцать, и умел составить краску «посх» первого и второго рода, и краску виридоновую, и аурипигмент... Изучил также «чем владеют греки в отношении разных красок и смесей, что знают в Тоскане о финифти и разных видах чернения и чем выделяются арабы в своих кованных, литейных либо чеканных изделиях, каким разнообразием сосудов, гемм, резной кости с золотом и серебром знаменита Италия, как любят во Франции разные украшения в окнах и насколько в чести утонченные работы из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня в Германии». А аптекарь Лейба научил его разбираться в зельях и микстурах, составлять тинктуры, рассказал о соотношении в организме жидкостей, иначе – гуморов, а именно крови, желтой желчи, черной желчи и слизи, а еще научил латыни и древнееврейскому...

Иван Ренич способности парнишки заметил, сердцем к нему привязался, теперь было ему с кем вместе на звезды смотреть и заспиртованных ящериц изучать. Бутрим усвоил все переплетные приемы и мог работать теперь на хозяина. Но жажду знаний Ренич считал главным достоинством человека, поэтому выделил деньги на обучение юного Бутрима, а кое-что прибавил и аптекарь Лейба. Пришлось скорняку смириться с тем, что сын пойдет по ученой части. Закончил Лёдник Полоцкий коллигиум, получая на каждом курсе золотую медаль, потом отправился в университет в Праге, закончил там факультет искусств, изучая семь свободных наук и царицу наук – философию, потом перебрался в Лейпциг, поступил на медицинский факультет... Новые и новые знания пьянили сильнее вина. Обрел докторскую цепь на грудь, но более, чем богоугодное лекарское дело, захватили его науки тайные. И прежде всего – алхимия. Найти философский камень! Какая высокая цель жизни! А что, даже другой полочанин, славный Франциск, сын Скорины, несколько лет жизни на обретение того камня угробил, перед тем как начал книги печатать. Год за годом Бутрим приближался к разгадке... Путешествовал, знакомился со знаменитыми мыслителями и алхимиками, видел такое, что земному глазу видеть не должно. И на войне пришлось побывать, и чуму встретить, из плена убегать, и во дворцах красоваться. Даже к бешеному Мартину Радзивиллу попал, который чернокнижием занялся и к себе всех знатоков тайных наук созывал... И едва уцелел, ибо утомленный красотой многочисленных «кадеток» князь чего-то неземного захотел. И чего-то забрал в голову, а скорее натрепал ему от зависти кто-то из ученых коллег, что молодой Лёдник может вызвать для панского утешения Сильфиду, воздушного духа красоты необычайной, который одарит земного любовника способностью летать и язык птичий понимать... Вот только не желает Балтромей признаться в этом своем умении, чтобы единолично прелестями духов воздушных пользоваться. Так что когда не менее бешеный брат Мартина Героним Радзивилл, по прозвищу Жестокий, вместе со вторым братом, гетманом Михалом Радзивиллом, и племянником Каролем взяли штурмом Мартинов замок, а ученую шайку разогнали, Бутримус воспринял это как спасение, потому что хозяин всерьез намеревался пустить упрямого алхимика на ингредиенты для опытов.

Пока муж ученый по миру бродил, и молодость прошла, и родителей черная оспа забрала – толку-то, что сын на лекаря выучился. Но не было времени горевать. Алхимик засел в родительском опустелом доме и начал Великое Действие – добывать философский камень... На редкие составляющие ухайдакал и свои и родительские деньги. Дом и мастерская пошли в залог. Но этого не хватило. А тайный процесс был уже на той стадии, когда нельзя отойти от пылающего тигля, когда нельзя прерывать дело. Бутрим постепенно прекратил лечить даже самых богатых клиентов. И наконец заложил одному из них – пану Агалинскому – последнее, что

имел: себя самого, пообещав, что вот-вот сумеет превращать железо и олово в самое чистое на свете золото, и тогда расплатится сполна. А иначе будет служить ему до гроба.

Агалинский ждал целый год. Наконец, золото сверкнуло в углях тигля... Но когда пан осознал, сколько будет стоить одна монета из такого искусственного золота, и сколько лет нужно собирать на нее блестящий металл – разъярился и затребовал долг. И Лёдник перестал быть вольным человеком.

В ужасе Бутрим оглянулся на свою судьбу... И понял, что это – Божья кара. Он дал себе слово, что больше никогда не пойдет против Божьего промысла, не станет не только заниматься алхимией, но даже и составлять гороскопы, навсегда отречется от колдовства и гадания.

Пану Агалинскому эти перемены очень не понравились. Получалось, что не только золота, но и предсказаний согласно звездам от Бутрима не дожждаться. Агалинский пригрозил, что отдаст упрямого звездочета служить на конюшню. Но раскаявшийся алхимик только нудел о Божьей воле и грехе чародейства, читал каноны святому Киприану, который когда-то сжег собственные магические книги, и никакие уговоры, даже по ребрам и по спине, на него не действовали. А поскольку знатоком различных ядов Лёдник был выдающимся, также его подозревали в способностях к сглазу и черным заговорам, то Агалинский стал бояться кусок в горло класть. Тогда и пообещал пан на горячую голову, что продаст бесполезного должника первому же прохожему на этой дороге. Вот и получилось то, что получилось...

Прантиш быстренько прикинул: если бы в корчме его слуга начал составлять за деньги гороскопы, можно было бы неплохо заработать... Кто же не хочет заглянуть в будущее! Даже отец Прантиша, пьянь и буян, на каждый большой праздник заказывал себе предсказание у аптекаря из ближайшего местечка, который подрабатывал звездочетом. Но если этот упрямый Лёдник астрологию отринул, можно использовать другие его навыки...

– Послушай, Бутрим, а ты лекарскую науку не забыл?

Алхимик презрительно хмыкнул.

– А что, пан разболелся?

– Не дождешься! А вот в корчме, куда мы придем, больные обязательно найдутся. И заработаем денег! Только вот что... – Прантиш в задумчивости взлохматил русый чуб, выбивавшийся из-под шапки, как будто мало этой же работы наделал ветер. – Кто же поверит, что известный доктор – слуга школяра... Чтобы к тебе пошли пациенты, нужно напустить важности. Ты, главное, молчи и рецепты помудрее да поудивительнее выписывай на латыни. А я сам все скажу.

Бутрим мрачно оценил проворные ухватки своего господина, заглянул в его голубые глаза, такие честные, что сразу хотелось ощупать свои карманы, и тоскливо вздохнул:

– Что-то мне подсказывает – сто раз я пожалею, что пан Агалинский не послал меня служить на конюшню.

Глава вторая

Как Бутрим Лёдник и Прантиш Вырвич в корчме гуляли

Если бы Прантиша спросили, в чем глубокий философский смысл существования природоной корчмы, школяр, не задумываясь, ответил бы: в том же, в чем смысл жемчужин, нанизанных на нитку. Зачем нитка, если на ней не будет жемчужин?

Эта корчма под звучной вывеской «Рим» была не самым шикарным заведением... Три ободренных тополя жались к стенам, будто пьяные гости. Зато у самой корчмы стояло несколько экипажей – от скромной таратайки до основательной кареты, хоть и без гербов. А это был добрый знак – есть с кого брать подати!

Воздух в корчме можно было резать ножом. Сразу чувствовалось, что любимые блюда завсегдатаев – капуста и шкварки, а любимые напитки – пиво и водочка. Стекланный бог имел здесь постоянную паству. «Три! Восьмерка! Венера! Собачьи очи!» – выкрикивали игроки в кости. Слепой певец, худой как тростина, с вытянутым бледным лицом, в сопровождении скрипки и басетли-контрабаса выводил тонким голосом «Дороту». Старый шляхтич с обвислыми усами, в сарматском наряде, мех на котором моль побила, словно Михал Глинский – татар под Клецком, с самой кислой миной потягивал пиво. Молодая симпатичная хозяйка корчмы с черными волосами, убранными под ослепительно-белый чепец, почтительно выслушивала его ворчание о всеобщем падении нравов.

Лекарь и его «ассистент» скромно уселись за угловой столик, едва не теряя сознание от соблазнительных запахов, и Вырвич начал разведку. Пятеро мужиков, похоже, с Городенщины, подозрительно оглядывались по сторонам, очевидно испуганные слухами о невероятных проходимцах, которые ждут честного христианина в каждом шинке. Этих дикарей развести на что-либо было мало надежды. От городенцев явственно несло козлиным салом, которым простолоудины, отправляясь в путь, смазывают одежду от паразитов. А вот трое шляхтичей, самозабвенно занятых игрой в кости, были очень обнадеживающей компанией, алмазные гузы на их шапках посверкивали, как искорки, и не попробовать обчистить их карманы – просто грех... Правда, не видно было никого даже отдаленно похожего на личность, что могла бы приехать в шикарной карете без гербов, которая стояла у корчмы. Шляхтич в побитых молью мехах был точно не из таких. Видимо, особо важные гости отдыхали на втором этаже, где находилось несколько комнаток. Может, удастся сбить алхимика тем гостям? Прантиш, как парень совестливый, не прочь был подыскать лекарю приличных хозяев. А тот фацет за столиком под самой лестницей, похожий на «юриста из палестры», мелкого чиновника, который выполняет черновую работу в суде, непременно доносчик: вон как прикидывается, будто ему безразлично, что вокруг него говорят, а сам так и шарит блеклыми глазами, выискивая крамолу. Этого нужно остерегаться... Неизвестно, на кого работает. 1759 год от Рождества Христова, времена смутные, московские войска так и рыщут по стране, одни магнаты сотрудничают с россиянами, другие интригуют против, сеймы срываются один за другим... В Пруссии война, король-саксонец удрал из своего Дрездена в Варшаву. С собственным народом сладить не может, а до здешнего ему и совсем как до сухой груши... Он даже по-польски, сидя на польском троне, не научился изъясняться, не говоря уж о белорусском языке. А соседи, слабость власти почуяв, не прочь снова погулять по литвинским землям. Потому что земли эти искони на перекрестке, добывают их, как философский камень – упорно, столетиями, не жалея средств и жизней человеческих, и если бы из костей и крови вырастали белые деревья с красными листьями, как в бабкиной сказке, то пуши и леса земли этой напоминали бы красное море...

Прантиш оглянулся на Лёдника: тот сидел, выпрямив спину, будто готовился принимать экзамены, и даже по сторонам не смотрел, казался здесь в своей черной хламиде таким же обычным, как пушка на току. Черноволосая корчемница, которая сновала между столами с кувшинами пива, будто легкий челнок между камышами, подозрительно скользнула глазами по темной фигуре в углу... Прантиш понял, что надо начинать свое дело. Сорвал шапку с облезлым сободем и торжественно махнул ею, будто вызывал бога северного ветра.

– Уважаемые господа! Только сегодня, проездом в Париж из Лемберга – известный лекарь пан Балтроеус Лёдник, мастер исцелений, знаменитый алхимик и звездочет, который лечил королей и князей. Любую болезнь он узнает и назначит лекарства от нее! Меня вылечил за один день от самой жестокой лихорадки! Всего три шелега за консультацию!

Лёдник поджал губы, будто его обзывали висельником, но поесть, видимо, хотел и он, поэтому достал из карманов своей замусоленной черной свитки бумажки и карандаш, положил их перед собою на стол, готовясь выписывать рецепты.

– Пан-брат, а от нарывов в горле пан лекарь поможет? – настороженно спросил старый шляхтич, отодвинув бокал пива.

– От всего! – уверенно подтвердил Прантиш. – Три шелега!

К заезжему эскулапу потянулись клиенты. За старым шляхтичем, который, очевидно, все еще вместо носков приказывал насыпать в свои сапоги перетертую солому, – игроки в кости, за ними – чернобородый извозчик, у которого ломило руки перед дождем, потом – две женщины-кухарки... Даже миловидная хозяйка корчмы долго сидела перед алхимиком, и тот терпеливо проверял ее пульс по очереди на обеих руках. Деньги брал Прантиш, и вскоре идея продать лекаря уже не казалась ему столь удачной. Если вот так водить его по шинкам да застенкам, как цыгане медведя, то можно неплохо жить! Лёдник обслуживал больных наилучшим образом. Важно выслушивал, ошупывал, сурово допрашивал и выписывал мудреные рецепты, кому *oleum mentha*, кому *unguentum commune*, кому *syropus koraiba*. Под его взглядом люди мельчали, как школяры, но и в спасение верили легко, по тому же принципу, по которому считается, что чем более горькие лекарства, тем они сильнее. Лёдник одному перевозчику даже руку поврежденную ловко вставил на место, покрутив и дернув. Сразу было видно, что лекарю не внове никакие раны.

Прантиш заказал пива и свиных ребрышек с капустой столько, сколько могли съесть двое очень голодных мужчин. Конечно, рядом с лекарем не сел – где это видано, чтобы шляхтич ел за одним столом со слугою! Особенно согревала мысль, что кичливому доктору, наверно, доводилось садиться за один стол с такими родовитыми личностями, которые Прантиша, сына обнищалоного шляхтича-пьянчуги, и на крыльцо не пустили бы... Если бы не приходилось изображать из себя ассистента, Прантиш показал бы холопу его место! А пока просто пристроился подальше... Заметил, что слуга его, прежде чем пододвинуть к себе тарелку, перекрестился по-православному обычаю, щепотью.

Пиво было не самым поганим, не заяц сварил, но Прантиш заметил, что молодая корчемница, которую, как узнал проворный школяр, звали Адэля, несколько раз бегала наверх с кувшинчиком, куда наливали вино из особого бочонка. Вино, очевидно, куда как вкуснее, чем то пиво. Прантиш решил, что лучший способ отведать доброго напитка – подкатиться к хозяйке. Но та только поморщила вздернутый носик: мол, уважаю вашу милость, но не для пана деликатесы, титулованными панами выкупленные.

Между тем Адэля в очередной раз, цокая по ступеням красными каблучками, которые так соблазнительно показывались из-под складок юбки, побежала наверх, на этот раз не так быстро, потому что серебряный тазик в ее руках был полон теплой воды. Точно – наверху благородная дама... Прантиша так и подмывало посмотреть на таинственную незнакомку. А может, через Адэлю предложить ей услуги своего лекаря, вот и будет предлог для визита?

Вырвич оглянулся. Лёдник мрачно уставился в бокал, будто хотел увидеть сквозь него свое жалкое будущее... Но в бокале пенилось всего только не самое лучшее пиво. Музыканты завели очередную песню, заплакала скрипка, загудела басетля, задрожали по углам вечерние тени, которых не могло разогнать трепетное пламя бледных свечечек, готовящихся стать грязными лужицами воска.

Куды едзеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
На кірмаш, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом¹.

Алхимик провел длинными пальцами по худому лицу, будто не узнавая себя. Полез в карман и достал маленькую стеклянную бутылочку... Прантиш знал, что в ней.

А што вязеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Воз дзяўчат, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.
Пачым цэніш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Па чырвонцу, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом².

Скрипка рыдала, будто была живым существом, которое потеряло самое дорогое. За соседним столом даже притихли на мгновение голоса игроков в кости. Бутрим поднес бутылочку близко к глазам, встряхнул, вглядываясь в свое последнее золото... Даже издали Прантиш видел, как кривятся его губы.

Куды едзеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
На кірмаш, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.
А што вязеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Воз хлапцоў, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.
Пачым цэніш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Па талеру, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом³.

Кого-то продают за талер, а кого-то и за шелег, всем есть цена в этом не лучшем из миров... Басетля глухо поддакивала высокому голосу слепого певца. Прантиш нащупал в кар-

¹ Куда едешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / На ярмарку, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. (бел.)

² А что везешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / Воз девчат, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. По чем оцениваешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / По червонцу, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. (бел.)

³ Куда едешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / На ярмарку, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. А что везешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / Воз парней, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. По чем оцениваешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / По талеру, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. (бел.)

мане башенку – кубок с астрогалами, игральными костями. Может, присоединиться к компании? Иногда удавалось же выигрывать да мошенничать, если не наткнешься на более сильного мошенника. В коллегииуме он и еще один щавлик с младшего курса, Михась Мицкевич, тоже из небогатой шляхетской семьи, были самыми сильными игроками. Мицкевич, правда, особенные способности имел: три раза подряд мог «венеру» выбросить – все шестерки, и никто не поймал его на шельмовстве. Тот щавлик твердо намеревался, когда подрастет, ехать в Лемберг, учиться у лучших шулеров и потом королей обыгрывать. Прантиш же мечтал стать славным воином, завоевать богатство и титулы саблей, которую, кстати, тоже в ближайшее время стоило раздобыть. Выпитое пиво приятно кружило голову и вынуждало к подвигам.

Черноволосая корчемница снова спустилась вниз и налила в кувшин из маленького бочонка особого вина. Прантиш сразу же подскочил к молодке, как аист к луже с лягушками, затараторил, забалагурил... Но хозяйка заведения и сама имела язычок острый, как сабля королевского улана, и голубые глаза Прантиша никак не могли пробиться к ее закаленному опытом корчемного ремесла сердцу. Это она шляхтичу отказывает? Эх, была бы у него сабля!

Кувшинчик в руке Адэли притягивал, как горячая смола – пылинку... Женщина ловко уклонилась от нахального юноши и двинулась, оглядывая свое хозяйство, как гетман – поле битвы. Поравнялась со столом, где сидел Лёдник... Что-то тихо сказала ему... И – что такое? Поставила перед Прантишевым слугой заветный кувшинчик!

Школяра пронизало злобой. Балтроем поднял на женщину темные глаза:

– Простите, пани, я сейчас не могу позволить себе токайское.

– Это угощение от меня пану лекарю!

А с какой наигранной стыдливостью произнесла! И даже будто невзначай прижалась к чародею! Прантиш ничего не мог понять. Он, Вырвич – юный, веселый, красивый, а доброе вино на дармовщину достается старому мрачному чернокнижнику с клювастым носом! Что он – присушивает женщин латиницей? Или носит с собою мясо молодого жеребенка, высушенное в новом глазурированном горшке, или волосы с конца волчьего хвоста, а может, собственную кровь, выпущенную в пятницу, смешанную с заячьими ядрами и печенью голубицы, да в порошок превращенную, подсыпает женщинам?

Еще немного пошептавшись с лекарем, Адэля ушла, даже не взглянув на голубоглазого чубатого школяра. Лёдник проводил ее взглядом, неспешно налил вина, красного и густого, как кровь, в свой опустелый бокал, даже какое-то мечтательное выражение появилось на лице... Вспомнил, очевидно, свои золотые деньки, когда еще и не такое вино смаковал. А смолы тебе горячеей!

Прантиш рванулся вперед и выхватил бокал просто из-под носа алхимика. Глядя в глаза своему слуге, неспешно выпил. От злобы даже хорошенько не распробовал. Но вино, кажется, отличное... И крепче пива. Значительно крепче. Брякнул пустым бокалом о стол. Лёдник, будто изучая редкую болезнь, смотрел на господина. Снова налил полный бокал. Протянул руку...

Прантиш снова опередил слугу. Медленно поднес бокал к губам, выпил, не отрывая взгляда от черных глаз, в которых больше всего на свете хотелось увидеть вместо затаенной искры насмешки – настоящую обиду. Но держать взгляд на одной точке становилось все тяжелее, лицо мерзавца Балтроема начало каким-то непонятным образом двоиться.

Пустым бокалом стукнул о дубовый стол. Лёдник снова промолчал, посидел, опустив голову. Прантиш, немного пошатываясь, нависал над ним угрожающе, как циклоп над Улиссом. А что – он, пан Вырвич герба «Гиппоцентавр», сильный, большой... Ух, какой хват! Что перед ним какой-то доктор, даже если и в Праге учился! В голове играли скрипки и волынки, пол пошатывался в такт музыке, так что пришлось опереться обеими руками о стол.

Алхимик, как ни в чем не бывало, опять наполнил бокал. Прантиш снова успел первым, хоть и расплескал драгоценной жидкости... Но его руку вдруг стремительно, как клещами, перехватила рука лекаря. Лёдник холодно промолвил, не глядя на школяра:

– Думаю, вашей милости уже достаточно.

– Да т-ты как посмел! Да я т-тебя... Хам... Плет-тей попр...про...

Однако язык не успевал за возмущенными мыслями, мир вокруг зашатался, как отражение в вешних водах. Вырвич только осознал, что кто-то взвалил его на плечо самым позорным образом, как мешок с горохом, и куда-то понес. Да еще низкий голос где-то рядом ворчал:

– Глупый мальчишка...

На этом длинный день приключений для Прантиша Вырвича завершился.

Глава третья

Как Прантиш познакомился с воеводовой дочкой и едва не потерял алхимика

Утро началось с головной боли. Этакое нормальное шляхетское утро. Прантиш еле продрал свои когда-то яркие голубые глаза. Он лежал в кровати не самой шикарной, но все-таки в кровати, а не на полу... Хоть и на извечном для придорожной корчмы сенном тюфяке. Похоже, им выделили, как почетным гостям, комнатку на втором этаже. Адэлина любезность? Память понемногу возвращалась, и это не радовало. Неужто его сюда принес Лёдник? Прантиш вспомнил, как выхватывал бокалы из-под большого носа доктора с радостным чувством, что это настоящий подвиг, и щеки загорелись от стыда. А где этот доктор? Не сбежал ли? Вырвич попробовал приподняться, но от этого мир поплыл купальским хороводом, даже отблески пламени костра примерещились... О, Боже, как болит голова!

– Что, наискался пан *in vino veritas*? – насмешливый голос рядом воспринялся с облегчением. Школяр повернул голову, от чего в глазах потемнело. Когда туман рассеялся, Прантиш понял, что доктор, уже без своей черной мантии, в одной белой рубаше и саксонских портках, размещивает в кубке какой-то отвар, от которого идет запах собачьей мяты.

– И часто пан Вырвич доходит до такого состояния? – насмешливо проскрипел алхимик.

– Я не люблю быть таким... Таким, как мой отец...

Вырвич сразу пожалел о своих словах... Вот оно, что у трезвого на уме..., *embritas et amor cuncta secreta produnt*. Но Лёдник даже не хмыкнул. Только спросил, продолжая что-то взбивать в кубке:

– А вот что мне интересно... Мой пан такой боевитый, а без сабли. Видимо, в геройской сече свое оружие оставил?

– Ага, в сече... – вот же умеет человека уколоть. – В конvente забыл.

– Значит, убежать пришлось... Неужто дочку какого-то профессора соблазнил?

Злые слова Лёдника, однако, звучали скорее ворчливо, нежели издевательски, тем более что сам он сунул под нос господину глиняный кубок с отваром.

– Поднимайся... Пей...

И даже помог приподняться. Прантиш торопливо глотнул горячую душистую жидкость – страшно сушило... В глазах почти сразу прояснилось, утихла головная боль. Хорошо иметь своего лекаря!

Между тем Лёдник смотрел на юношу как-то странно.

– И ты не спросил, что в кубке? Не приказал мне отпить самому? А если бы я тебе яду подлил?

– А что, ты мог? – весело спросил Вырвич, откидываясь на тюфяк. Алхимик молча стоял над ним, худое лицо его еще больше вытянулось... И Прантиш вдруг понял, что лекарь не привык, чтобы ему вот так верили. Видимо, среди не самых приятных ближних терся...

– Можешь быть спокоен, пан Франциск, я подавал людям только лекарства... – голос алхимика звучал глуховато, будто он все еще был под впечатлением.

– А я и не переживал! – Прантиш сладко потянулся. Знает же алхимик свое дело! Даже тошнота прошла... Эх, как хорошо, когда тебя не будят едва не с первыми петухами, чтобы вставать на уроки... Сейчас бы саблю в руки, да на коня, да чтобы за тобою верное войско! Где та сабля с выгравированным на эфесе Гиппоцентавром...

– Кстати, я не Франциск, а Франтасий!

Лёдник искренне удивился.

– Тоже православный?

– Вырвичи веры не меняют! – гордо сообщил Прантиш. – А мой святой покровитель, мученик Франтасий, ух какой святой! Ему и его сподвижникам римляне в головы гвоздей набили, а потом отрубили. Так мученики головы подняли и к своему епископу Франтону распрощаться пришли. Вот что вера творит!

Вырвич зевнул, но спать больше не хотелось. Лёдник завязывал мешочки с сухими травами, из которых варил отвар, и молчал, как стена. Надо же, какой нелюбопытный... Или нарочно притворяется.

– Никаких профессорских дочек я не соблазнял, потому что не было случая, – лениво нарушил молчание Прантиш. – А удирать пришлось... из-за Вороненка.

– Птицу на лекцию притащил? – пробурчал лекарь. – Шут...

– Вороненок – так моего приятеля прозвали... Ну не то, чтобы приятеля... Как с таким дружить... Он горбунком был. Хворенький такой, смешной... Но умный, холера.

Прантиш закрыл глаза, чтобы до черточки представить лицо бедного Вороненка.

В действительности его звали Денисием. Был он из семьи небогатой, но все-таки не такой бедной, как Вырвич, который попал на учебу только благодаря крестному-писарю. Оба были из православных семей, иезуиты брали учиться всех, рассчитывая, что к окончанию занятий каждый схизматик убедится в правильности католической веры.

С Прантишем вообще получилось досадно – среди его однокурсников оказался сын пана из соседнего имения, который не раз видел, как Прантишев отец вывозит на свое поле навоз, торжественно воткнув в кучу на возу саблю. Если шляхтич при сабле – значит, нету шляхетской чести урона! Вырвичу жизни не стало – дразнили его Навозником, нос зажимали, стоя рядом... Только Прантиш никому обиды не спускал. Даже если сразу не осилит, если самого побьют скопом – потом все равно достанет, по одному отследит... Все время ходил побитый, сидел на ослиной скамейке, кожаной дисциплины испробовал – специальной плетки... Зато издеваться над ним осмеливались только за глаза. А над Вороненком не издевался только ленивый. А он и слова никому не скажет, только улыбается, глазастый, востроносенький, бледный, даже светится... И не плакал никогда, и не жаловался... Зато в учебе – первый. Все или над книжкой, или над тетрадью склонится, пишет что-то, скребет пером... Однажды увидел Прантиш, как несколько студентов прижали Денисия к стене и начали ему «горб равнять». А тот только смотрит во все глаза да губы поджимает, чтобы не закричать... И что-то Прантиша как рукой за сердце схватило. И он разогнал шутников, сам трепку получив. Ушел, конечно, не ожидая благодарности от Вороненка... А на следующий день тот подсказал ему все спряжения латинского глагола «глядеть». Так и завязалась меж ними дружба-не дружба. Просто Прантиш не мог видеть, как Вороненка бьют, а тот за него уроки делал да рассказывал столько удивительных историй, что если бы на лекциях такие – Прантиш бы первым учеником был. Вороненок где-то прочитал трактат Альберта Великого «Книга тайн». И они всерьез обсуждали, где взять специю под названием физалис и жир дельфина. Потому что если слепить из смеси этих веществ зерна, подержать над огнем, разведенном на коровьем навозе, и дым от этой радости заполнит помещение, все, кто находится там, покажутся друг другу великанами в облике коней и слонов. Вот бы такое чудо сотворить на занятиях по латыни! А еще можно взять кровь осла, жир морского зайца и цветок клена, смешать, поджечь у собственной кровати... И во сне увидишь, что тебя ждет в будущем. Прантиш и Вороненок долго гадали, что это за чудовище – морской заяц, однако заменить на другие ингредиенты не решились.

Но встречались они для бесед только тогда, когда никто не видел – Прантиш уже имел свою банду, несколько ребят особо отчаянных, которыми верховодил, и боялся унижаться в их глазах нестоящей дружбой. А Вороненок покорно принимал такое отношение. В нем даже тени воинственности не было. Похоже, и оружие в руках держать не умел, даже палку-пальчатку, на которых извечно дрались школяры, оттачивая благородное искусство фехтования. Единственным его боевым снаряжением был странный бронзовый стержень, похожий на гвоздь, который

Вороненок использовал в качестве закладки для книжек. Однажды он объяснил Прантишу, что это не просто гвоздь, а стило – древнегреческий инструмент для писания! Им выводили буквы на восковых табличках, и Вороненок тоже пробовал этим стилем царапать на мягких липовых дощечках стихи – утверждал, что таким образом лучше всего ощущает мудрость античных поэтов. Прантиш подумал, что стилем совсем не обязательно пользовался древний поэт, им мог подсчитывать прибыль какой-либо афинский торговец зеленью, или ковырять надоевшие уроки такой же школяр, как они... Или вообще эта штукавина не имеет никакого отношения к Греции, а бедного калеку менский купчина просто обманул... Слишком она была тоненькая, в пальцах еле удержишь, такой писать неудобно. Но Прантиш о своих сомнениях промолчал, справедливо считая, что отбирать у младенца погрешку слишком жестоко.

Наставник латыни пан Бонифациус, который заискивал перед богатыми наследниками, сильно не любил Вороненка, который в его глазах оскорблял сарматский идеал шляхетства. Прантиша пан тоже не любил и не раз лупил по рукам кожаной дисциплиной. Но Вороненок его особенно раздражал, так как мог дать ответ на любой самый сложный вопрос, даже прицепиться было не к чему. И когда однажды ребята на уроке латыни выпустили в классной комнате ворону, пан Бонифаций обвинил во всем бедного Вороненка – на что шутники и рассчитывали. И отправил беднягу в карцер, предварительно безжалостно отхлестав.

А Прантиш промолчал... Не попробовал защитить Вороненка... Доносить на товарищей – это же бесчестье! А взять на себя... Значит, признаться, что судьба уродливого калеки тебе не безразлична, что Навозник тянется к навозу.

В карцере бедный Вороненок так простыл, что уже не пришел в себя. И так кашлял как в бочку, а тут... Сгорел за три дня. Прантишу только и осталось, что его тетрадка с каракулями... Отрывки историй, стишата, непонятные формулы... Родственников у Вороненка не было, никто из-за его смерти не разволновался.

Прантиш понял, что значит по-настоящему презирать себя. Он должен был что-то сделать, чтобы уменьшить чувство вины и гнева. И однажды пан Бонифациус, поздно придя в свою комнату, услышал хлопанье крыльев и страшное карканье. Погасла свеча. Вокруг летала нечистая сила, орала и била крыльями по лысой голове, наполненной спряжениями латинских глаголов... Когда прибежали на дикие крики учителя, он мог только хрипеть, да еще, лежа на полу, что-то от себя отгонял руками... Это «что-то» при зажженном свете оказалось вполне материальным: по комнате летало десятка три ворон, ошалелых от несвободы и присутствия людей, перья кружились черной метелью, ну и обгадили Божьи твари все, что могли.

Кто напустил птиц в комнату, выяснилось быстро: в каждом классе имелись свои «цензоры», назначенные ректором, они не считали бесчестьем разоблачать товарищей. За Прантишем прибежали целой погоней, как за литовским волком... Но Вывича так просто не поймать! Эх, если бы только дедовскую саблю успел прихватить, своего Гиппоцентавра...

Так что назад в Менск дороги нет.

– И как же сударь тех ворон столько наловил? – заинтересованно спросил Лёдник.

– А сетью! – захохотал Прантиш. – Как рыб небесных! Стащил старую сеть на Свислочи, пошел на кладбище, прицепил к деревьям... Целый мешок птицами набил! Будет теперь гад помнить о Вороненке!

Бутримус почти с уважением улыбнулся.

– А тетрадь твоего друга при тебе?

– Вот... – Прантиш достал потрепанную зеленую книжицу. Лёдник неожиданно с почтением погладил кожаную обложку, уселся в кресло и углубился в чтение, почти вода длинным носом по страницам. Через некоторое время будто утомленно откинулся, закрыв глаза, и с тоской промолвил:

– Господь забирает лучших... – помолчал, тихо попросил: – Можно я пока оставлю эти записи у себя?

Прантиш позволил... Вороненок хотел бы, наверное, чтобы какой-нибудь знаток оценил его измышления.

Внизу оживала корчма. Слышались чьи-то сонные голоса, застучал кузнец в кузне... Вот уже кто-то лениво ругает своего ближнего, а тот, зевая, отвечает тем же, и доброго утра, родная земляца...

– Пойду раздобуду пану поесть... – пробурчал Лёдник, завернулся в свой черный балахон и вышел за дверь. Школяр с трудом встал с кровати, встряхнул головой... Ну надо же, как разговорился со слугой – будто на исповеди. Но сожаления не было. Зато понемногу, как пузырьки со дна кубка со свежим пивом, подымалось опьяняющее предчувствие чего-то необычного, опасного и интересного, ведь приключение без опасности – как затирка без соли... Прантиш даже схватил кочергу, которая стояла в углу, и несколько раз произвел фехтовальные движения... Незаметно перешел от благородных приемов фехтования на мечях и саблях к школярской борьбе на палках-пальцатах, в которой Вырвичу не было равных. Вот так тебе, злыдень, а в печенку не хочешь? А вот просто в сердце! Кубок упал и закатился под кровать, покидая темную дорожку недопитого отвара, будто хотел спрятаться от воинственного пана.

– Я сказал – из комнаты не выходи! Глупая девчонка! Отвезу к тетке в монастырь, там себе сворачивай шею и другим головы дури! Мало в Варшаве натворила! Пока я за тебя голову перед твоим благородным братом отвечаю, будешь, панна, сидеть тихо, как жареный фазан в пироге!

Голос принадлежал человеку грубому и привычному выкрикивать военные команды. Но Прантиш, конечно, сразу высунул в коридор любопытный нос... Незнакомец в черной шляпе с высокой тульей, обвязанной голубой лентой, в черном кафтане, из-под которого виднелись белоснежные кружевные манжеты и ворот-жернов, спускался с лестницы, ступени скрипели под его тяжелыми шагами, брякали шпоры... Вырвич с волнением уставился на непроницаемую, посеченную пьяными постояльцами дверь соседней комнаты, за которыми, похоже, страдала прекрасная дама...

Вдруг в скважине замка той двери показалась шпилька, беспорядочно завращалась, как усик майского жука, что-то щелкнуло, и двери приоткрылись. В щели сверкнул голубой глаз. Прантиша внимательно, безо всякой боязни, изучали, и он постарался придать лицу как можно более важное, стоящее доверия выражение. Видимо, это удалось, потому что дверь приоткрылась шире, и Прантиш увидел самый очаровательный облик, какой только мог пригрестись школяру. Правда, личико паненки с немного вздернутым носиком и пышными темными волосами, собранными в высокую прическу и украшенную голубыми лентами, было совсем не томно-кротким, как должно приличной прекрасной даме, а самым что ни есть лукавым. Лицо это Прантишу было знакомым: он видел его в почетной ложе школьного театра во время премьеры пьесы «Врата бессмертия» авторства двух школяров с последнего курса, а в действительности – Вороненка-Денисия. Пьеса рассказывала о безвинно погибших благоверных князьях Борисе и Глебе, и прославляла славные роды фундаторов школы, в том числе воеводы, князя Богинского, который ошастливил своим посещением коллегиум. Князь недавно вернулся из Франции и привез с собою самые новые веяния моды. Так что весь зал, к возмущению отцов-иезуитов, глядел не столько на сцену, сколько на расшитый перлами жюстокор, водопады кружев и завитый барашком парик воеводы. Вот рядом с ясновельможным Богинским, дородным, круглолицым, и светился красотой этот цветок, панна Полонейка Богинская, его младшая сестра, которая тоже притягивала взгляд похожим на огромный торт с кремовыми цветами платьем-роговкой на обручах из китового уса, из моднейшей розово-голубой ткани в мелкие букетики, как у фаворитки французского короля мадам Помпадур. Платье было «локтевым» – в нем невозможно опустить руки, приходилось держать их согнутыми в локтях, не в каждую дверь войдешь, а из шелка, который пошел на этот наряд, можно было пошить по крайней мере три платья обычных размеров. Молодой князь Михал имел шесть сестер, и вырос, как

одни говорили, среди муз, а другие – среди гарпий. Мягкий характером, он хотел посвятить жизнь в основном музыке и рисованию... Да где там! Родственники в политику колом гонят, как сморгонского медведя на базарную площадь. Стал воеводой, а они подбивают – а чем ты не король? Послали Богинского от саксонского двора с дипломатической миссией в Санкт-Петербург, убедили включиться в борьбу за склонное к любви сердце молодой жены наследника трона Екатерины – она, мол, все будет решать вскоре, а не ее невзрачный муж... Стать любовником российской царицы – крепкая ступень к собственному трону! Только напрасно, не зажглась принцесса от этого огня. Видимо, не нравились ей мягкие да нерешительные, хоть и умел князь отлично играть на флейте, музыку сочинял, и картины писал не хуже итальянских мастеров. Более по сердцу будущей царице пришелся польский посол, красавец Станислав Понятовский. И теперь князь Михал всем видом говорил о своем разбитом сердце и романтических грезах.

Вот Полонья Богинская по характеру свободно могла царицей стать. Фанаберии было у панны-цветка, как пчел у разоренного улья, так что школяры только издали осмеливались облизывать взглядами соблазнительное чудо – не по Сеньке шапка. Прантиш, которому выпала сомнительная честь играть в пьесе коварного князя Святополка, особенно запомнил две черные мушки из тафты, которыми панна украсила набеленное личико – над правой бровью и слева у носика, что означало – сердце ее свободное, но подступиться к ней тяжело. Тогда ее темные волосы были спрятаны под высоким напудренным париком, в котором гнездились мастерски изготовленные миниатюрные пташки...

И теперь будто те пташки щебетали вокруг русой головы Прантиша. Он даже не сообразил, что панна Полонья ему шепчет:

– Эй, ты что, глухой? Хочешь заработать десять дукатов?

Прантиш тряхнул чубом: вот и еще одно предложение, от которого невозможно отказаться... И из-за которого, ясно, тоже придется наклепать на свою школярскую голову молний. Но главное – не предать идеалы куртуазности! Так-с, склониться в поклоне, руку положить на невидимую саблю...

– Пусть ваша милость, многоуважаемая панна, только вымолвит свою просьбу, и я выполню ее самым тщательным и совершенным образом, не медля ни мгновения ради прекрасных глаз ясной панны, ради пылко желанного моего сердца служить госпоже!

Речь Прантиша текла как мед, он даже загордился собой. Но панна такого меду пробовала, как видно, не ложками, а кувшинами, поэтому только нетерпеливо нахмурила черные бровки.

– Ясная панна хочет, чтобы пан взял у нее письмо и передал лично в руки воеводе полоцкого Александра Сапеги, который сейчас пребывает в Слуцке, а за это пан получит от меня десять дукатов, и, может, еще что-нибудь от щедрости пана Александра.

Прантиш почувствовал укол разочарования: тот Сапега, похоже, был поклонником панны Полонейки, а быть посыльным в амурных делах – это же совсем другое, чем крутить амуры самому... Панне, очевидно, не понравились колебания парня, поэтому она сморщила носик и презрительно проговорила:

– Пан боится русских или Геронима Радзивилла? Если так – то...

– Никого я не боюсь! – поспешно воскликнул Прантиш, сообразив, что дело скорее не в амурах, а в политике, от которой Вырвичи хотя были и в стороне, но все же магнатов, которые яшались с россиянами, Вырвич-старший не любил, сравнивая их с собакой, которую прикармливал вор, чтобы без опаски залезть на хозяйский двор. – Я с превеликим удовольствием выполню волю панны...

Полонейка с сомнением взглянула в слишком честные голубые глаза Прантиша, достала из-под корсажа сложенный вдвое конверт и отдала собеседнику.

– Только лично в руки пану воеводе! И смотри, пану Герману Ватману ни слова – это тот, кто меня сопровождает. Он очень опасный человек.

Вырвич вопросительно взглянул на воеводскую дочь, взвешивая на ладони бумажку... Девушка прибавила к конвертику самое важное – мешочек с монетами. Потом, видимо, сообразив, что теперь с посыльным, который владеет ее тайной, следует быть нежнее, улыбнулась, от чего у Прантиша будто елеем по душе помазало, и даже приложила к устам и отняла пальчики, намекая на возможный поцелуй... С самой Полонеей Богинской! А почему бы в таком случае bravому школяру не получить аванс? Прантиш рванулся к панне, но двери захлопнулись перед самым носом Вырвича.

– Сперва – услуга, потом – благодарность! – проговорил за дверью девичий голосок.

Если бы у людей могли вырастать крылья, Прантиш почувствовал бы за спиной их хлопанье, он едва не отрывался от пола... У приключения будет продолжение! Подумаешь, в Слуцк! Да хоть бы в страну мавров!

Между тем на лестнице послышались тяжелые шаги и бряцание шпор... Подымался, очевидно, не Лёдник, и Прантиш быстренько юркнул в свою комнату. Там он протанцевал из угла в угол мазурку и повалился на кровать, прижимая к лицу конвертик, который сохранял запах дорогих духов. Вот будет чем похвастаться Лёднику! Хоть нет, нечего раскрывать слуге тайные дела господина – пусть только подивится, что тот раздобыл за утро десять дукатов, и имеет кое-какие важные, связанные с первыми лицами королевства, дела! На это стоит, конечно, намекнуть... Вот только где тот лекарь пропал? Может, с Адэлей мурлычет? Теперь Прантиша это не обижало. Корчемница – слуге, воеводская дочь – господину! Вот так!

Лёдник обещал раздобыть еды... Корчма уже во все просмоленные стены гудит, и перед глазами стоят во всей немилосердности своего аромата горячие клецки, политые сметаной...

Прантиш убедился, что страшный неизвестный Ватман заперся с опекаемой им дочерью воеводы, путь свободен, и двинулся вниз.

Сперва он еще сверху увидел Адэлю, которая молча стояла у лестницы, спрятав руки под передник, будто они у нее замерзли. Достаточно было одного взгляда на ее лицо, чтобы понять – случилось что-то ужасное. Лицо было застывшим, вроде даже и с улыбкой, но с такой, которую затюканный школяр адресует цензорам, стоящим у позорной скамьи с розгами в ожидании, когда он спустит штаны да удобненько приляжет.

Сойдя еще на несколько ступенек, Прантиш увидел и тех, кому Адэля униженно-покорно улыбалась. Трое были в мундирах коронного войска, один в парике и черном камзоле, с такой напыщенной, презрительной харей, что вокруг сразу представлялся зал очередного сейма, голоса которого куплены заранее. Здесь же, как крыса вокруг ловушки с куском сала, крутился и шпик, которого Прантиш высмотрел вчера в корчме.

А самое неприятное, что между двух коронных жолнеров-стражников стоял Лёдник. Спокойно так стоял, скривив губы и понурился голову, будто уже распрощался с белым светом. Длинные темные волосы свисали по сторонам его худого лица, как будто владелец хотел отгородиться ими от своих беспощадных соседей.

– А это его ассистент! – вдруг заблажил шпик, показывая на Прантиша пальцем с длинным желтым ногтем. – Тоже чернокнижник!

Вырвич остановился на нижней ступеньке лестницы, готовый ринуться наверх.

– Этот мальчишка ни при чем! – горделиво закинул голову Бутрим. – Я его только вчера по дороге встретил, уговорил подзаработать. Он обо мне толком ничего и не знает...

– Кто клятвам ведьмака верит, наверное, каждое утро дурману себе в чай добавляет, – сурово молвил похожий на худого петуха пан в черном камзоле. Повернулся, обшарил глазами Прантиша, еще больше скривился. – Ты кто?

– Я – шляхтич, Прантиш Вырвич герба Гиппоцентавр, – торжественно объявил Вырвич, еще немного подвигаясь назад. Чего-чего, а удирать школяр научился так, что ноги сами за него думали.

– Гиппоцентавр? – недоверчиво протянул важный пан в черном. – Вырвичи пользуются гербом «Далега».

– Мы – старшая ветвь, из Подневодья, имеем право на оба герба, – с достоинством объяснил Прантиш. – Мы с отцом – последние из рода. А что плохого сделал этот... человек? Он же просто лекарь! У него и диплом есть!

Важный захохотал, будто по орехам каблуками прошелся.

– Лекарь! Тело, может, он и вылечит, а душу загубит! Чернокнижник он!

– Здесь свои доктора имеются! – взвизгнул шпион. – С соответствующими бумагами, которые здешних клиентов принимают по согласованию с властями! Ян Гутник, Людвиг Высоковский... Вы, уважаемый пан судья Юдицкий, Высоковского должны помнить, он вам еще чирей на бедре прижигал, когда вы с охоты возвращались... А этот гицель добросовестных докторов заработка лишает!

Вот оно что... Значит, Лёдник по наущению Прантиша просто влез на чужую территорию! Это же только кажется, что достаточно навыки иметь, да нужду в хлебе насущном... А попробуй даже на базаре с шапкой нищенской присесть – тут же «законные» нищие налетят, по шее «захватчику» надают. А не дай Бог, тому еще пара копеек от милостивых прохожих перепадет...

Лёдник, видимо, тоже это понимал, потому что не сделал даже попытки защитить себя, засвидетельствовать своею высокую квалификацию и европейское образование, а только тоскливо изучал запорошенный грязной соломой пол, будто спину безнадежно больного.

– А может, мы просто компенсируем уважаемым докторам убытки, которые неволью, не желая того, им нанесли? – проникновенно сказал Прантиш. Носы шпики и жолнеров сразу повернулись к школяру, будто на запах жареного кабана. Ага, деньги все любят! Прантиш белозубо улыбнулся, хотя от мысли, что придется потерять только что приобретенные дукаты, даже душа переворачивалась, сминая перья только выросших крыльев...

Но пан в черном сюртуке, печально известный судья Юдицкий, которому Радзивиллы поручали самые грязные дела, был непоколебим, и это означало, что он надеется получить намного больше в другом месте, нежели от недоученного школяра да бродячего лекаря. Пан хищно всмотрелся в лицо Лёдника.

– Компенсации здесь маловато... Такой богомерзкий облик не забудешь. Тебя, дорогой, десять лет назад я видел в Черновчицах при дворе несчастного князя Мартина Радзивилла, среди других чернокнижников, которые дьявольским искусством свели его с ума. А его княжеская милость пан Героним Радзивилл этих колдунов приказал ловить и в узилище к нему везти.

Лёдник хоть и не пошевелился, но побледнел. Попасть в подвалы Радзивилла Жестокго – все равно что в пекло... Никто оттуда не выходил живым, узники разных званий гнили живьем. А пана еще и подбадривали крики и стоны заключенных – поэтому пыточное мастерство ценилось в его замках выше даже поварского.

– Если васпан меня помнит, то должен помнить и где меня нашли, когда пан Героним захватил замок своего брата, – мрачно проговорил Лёдник. – В подвале я сидел, на цепи. Потому что как раз отказался по приказу пана чернокнижием заниматься.

Юдицкий только покривился.

– Это суд определит. Вот нюх у меня на чернокнижников... Недавно из Полоцка одну колдунью забирал, также лекаршей себя называет. Книжками торгует, тьфу! И ясно какими, если сошедший с ума брат пана Геронима у ее отца книжки заказывал. Ученая баба! Куда мир катится!

Лёдник вдруг как-то вострепнулся, зыркнул темными глазами – это было как будто из потертых, неброских ножен на мгновение показался непревзойденно острый, смертельно опасный клинок – один из солдат невольно – сработал инстинкт старого вояки – даже ударил пленника по спине, правда, тот будто и не заметил.

– А не припомнит ли пан имя той лекарши?

– А тебе зачем? – Юдицкий довольно погладил длинные усы. – Не все ли равно, кому соседняя петля достанется? Соломея ее зовут, Реничевна.

– Честного человека ослепила саламандровыми слезами! – угодливо подсказал шпик. – Страшной силы ведьма!

– Что за бред! – на щеках Лёдника даже проступили красные пятна – так вскипел. – Саламандровыми слезами называется обычный раствор карбоната натрия, от него никакого вреда быть не может...

– Ты о себе подумай! – оборвал его Юдицкий. – Своих грехов хватает. Все, время отправляться! – солдаты сразу же схватили Лёдника подмышки и толкнули к выходу из корчмы. Адэля старалась не смотреть на алхимика, да и остальные свидетели забились по углам так, что не видно, не слышно. Кому охота попасть под подозрение? Вчера же ведьмак многих лечил...

Юдицкий на прощание холодно кивнул Прантишу.

– Пусть пан в следующий раз осмотрительнее выбирает себе знакомых.

Лёдник же даже глаз не поднял. Вороненок когда-то так же покорно шел в карцер, даже взглядом не прося о сострадании и спасении. Суд... Какой там суд? Ясно, судья продаст алхимика Герониму Радзивиллу, а тот в своей вотчине что хочет, то и делает. А жить как с этим? Единственный выход... Вырвич взлетел по лестнице в их комнату... Потом – кубарем – назад. С бумагой в руках. На минуту показалось, что дверь соседней комнаты приоткрылась, и сверкнул в щели любопытный голубой глаз.

– Стойте! Лёдник не может быть наказан! Он мой слуга, холоп мой, мне принадлежит! Я ему приказал – вот он и лечил... У него ничего своего нет! Только я имею право его наказать!

Судья взял бумагу, внимательно прочитал, его оттопыренные губы шевелились, как две бледные гусеницы... Прантиш встретился взглядом с Лёдником и вздрогнул. Столько застарелой боли, стыда, униженного достоинства... Вырвич осознал, что этому человеку легче было бы пойти на пытки и в петлю, чем прилюдно услышать о своем рабском положении. Правда, вид у алхимика стал еще более чванливый, чем у судьи.

Юдицкий свернул шуршащую бумагу и вернул хозяину.

– Здесь юридический казус: с одной стороны, упомянутый Лёдник зависит от воли пана и его имущество принадлежит пану Вырвичу. Но это положение было достигнуто по доброй воле самого Лёдника, за невыплаченный кредит. А в соответствии со Статутом Великого княжества Литовского, глава двенадцатая, артикул девятнадцатый, когда вольный человек в голодные времена продает себя в неволю и дает на это соответствующий документ, даже тогда не может стать полностью бесправным. И, уж во всяком случае, должен сам отвечать за свои поступки! Если же пан Вырвич признает, что тоже причастен к его злодеяниям...

– Да не слушайте вы глупого мальчишку! – взорвался Лёдник, чье спокойствие сдуло, как соломенную труху. – Я – лекарь, я был у Мартина Бешеного, я лечил в этой корчме, на что, между прочим, согласно клятве Гиппократ и своему диплому, выданному в Лейпцигском университете, имею полное право. А с ним, с этим пацаном – я говорил – мы вчера только встретились! Он ко мне имеет отношение не большее, чем сабля к сапогу!

– Лекарь – в моей власти! – не сдавался Прантиш. – Пан Агалинский передал мне право взыскать с него долг в двести дукатов. Пока не получу этих денег, лекарь – только в моей власти!

– Вот как... Практичный молодой человек, хвалю, – Юдицкий демонстративно задумался. – Но будем честными – пан Вырвич заплатил за этого чернокнижника никак не двести дукатов. А... сколько?

– Сколько имел при себе! – абсолютно правдиво ответил Прантиш. Судья растянул бледные губы в улыбке.

– Большая, наверное, сумма... Так вот, сделаем все по закону. Я заплачу пану за его слугу двадцать дукатов, он лишится этого опасного соседства и сам может быть абсолютно свободным.

Предложение, о котором Прантиш вчера только мечтал. Но сейчас выкрикнул изо всей силы:

– Мой слуга не продается!

Лицо судьи покрылось пятнами.

– Тогда пан Вырвич отправится вместе с нами и будет отвечать за участие в колдовских ритуалах!

Лёдник рванулся из рук солдат, испепеляя глазами своего господина.

– Тебе иезуиты хоть немного здравого смысла оставили, парень, или все розгами выбили? Соглашайся на предложение судьи!

– Нет! – уперся Прантиш, в очередной раз пожалев, что не имеет сабли. – Доктора не продам! Он ничего плохого не сделал!

Юдицкий растянул губы в противной усмешке.

– Тогда поехали в Слуцк!

Вдруг Лёдник затрясся от какого-то странного смеха, солдаты, которые держали его, даже переглянулись – не спятил ли? А тот проговорил:

– Похоже, я не только себе несчастья приношу, но и всем, кто со мной свяжется... Предлагаю использовать меня в качестве совершенного оружия! Передайте меня, пан Юдицкий, своему злейшему врагу.

Прантиш тоже хихикнул, а Юдицкий покраснел от злости, это сразу заметили его жолнеры и, как по команде, поспешили наградить нахального чернокнижника пинками.

Вырвич горделиво вскинул голову, поправил шапку с облезлым соболиным мехом... Все равно в собственную скорую гибель он не верил, как не может поверить молодая плотвичка в то, что где-то на свете есть место без воды. На лестнице послышались тяжелые шаги и бряцание шпор. Прантиш повернулся и увидел здорового, как медведь, человека со странно белыми волосами, бровями и ресницами, от чего его розовое лицо, исполосованное шрамами, с перебитым носом, казалось неестественно огромным, будто надутым. Глаза пана были тоже светлые, белесо-голубые, но время от времени становились темными, чудовищно багровыми и бездонными. На незнакомце красовались дорогой камзол с серебряными галунами, черная шляпа с высоким верхом и ботфорты, ножны его сабли-серпантины блестели драгоценными камнями... Такие особо изогнутые сабли турецкой работы выбирались только для смертельных дуэлей. И хотелось быть как можно дальше от этого воина, который, похоже, может раздавить любого, как козявку, даже за недостаточно покорный взгляд. Представлялись вокруг грохот орудий, уланы, которые летят в атаку, да остекленелые глаза убитых жолнеров, всматривающиеся в небо с запоздалым вопросом: «Стоило ли оно того?»... Прантиш сразу смекнул, что звериного вида пан не кто иной, как Герман Ватман, спутник дочери воеводы.

Юдицкого передернуло, как охотника, осознавшего, что заряды в ружье закончились, а медведь точно знает, кого валить.

– Пан Герман Ватман! Верный пес Богинских!

– Пан Юдицкий! Верный пес Радзивиллов!

Паны ощерились, изображая приветственные улыбки. Ясно было, что не имея специального приказа хозяев, драться они не будут. У магнатов, как известно, свои счета: то стовари-

ваются, то враждуют, то снова вместе обделывают какие-то делишки, а потом натравливают друг на друга своих клеветов. Ватман окинул темным взглядом двух преступников, взятых под стражу.

– Богатый улов, Юдицкий!

– Дело касается колдовства, Ватман. Не лезь.

– Была бы охота.

– А твой господин все не решится королю кукиш показать?

– Мой господин о своей присяге помнит. А твой все с русалками селедок рожает? – отрезал Ватман, напоминая об одной известной байке, которые так любил рассказывать о себе владыка Несвижа Кароль Радзивилл Пана Коханку.

– Зато никому зад не лижет. Ни русским, ни саксонцам, – не сдавался судья.

Судейский «крючок» Юдицкий и ландскнехт Ватман поедали друг друга глазами, наступила такая тишина, что слышно было, как зудит последняя осенняя муха. Наконец Ватман скривил рот.

– Не потеряй парик по дороге, судья!

Развернулся и пошел наверх, от чего не только Юдицкий, но и жолнеры со шпигом не сдержали облегченного вздоха. С деревянных ступеней от каждого шага сыпалась пыль. Сверху опекун дочери воеводы еще раз оглянулся, Прантишу показалось, что на этом их знакомство не закончится.

Глава четвертая Как Прантиш и Лёдник не доехали к Радзивиллам на бульон

«Путь коротенький. Сладкое древо к горькому не пристанет, к человеку путь не пристанет...» – приговаривала когда-то старая Агата, Прантишева нянька, когда выправляла молодого господина в далекую дорогу.

Ничего хорошего от той дороги простые люди тутошних земель не ждали. Все, что нужно рачительному хозяину, есть и на месте, вон от того болота и до этого гая... А дальше – иной мир, непонятный, даже из деревни за лесом девицу взять – век чужачкой проживет, высмотрят соседи у бедняги не те обычаи: не так сидишь, не так похлебку варишь... И уж совсем пропащий человек, коли от собственной хаты сам тянется в дорогу, как старец или погорелец... Только в родной избушке дух очага Сопуха живет, перед которым следует крестом класться... В родной хате милочка-коханочка даже печь-глиняночка, а в чужой хате и живая да горячая женщина не согреет.

И если уж беларусин соблазнился да в дорогу потянулся, и удержу ему нету, то нечего удивляться, что путь его одни зайцы перебегают будут, да тоскливый осенний дождь в лужах перед ним плясать станет.

В карете для перевозки особо важных и родовитых преступников было тесно, как в клетке для кур. Запертая на огромный замок решетка, которая отделяла место для узников от места для их тюремщиков, это сходство усиливала, и Прантиш знал, что судьба его и его слуги не сильно разнятся от судьбы вышеупомянутой глупой птицы... Одна надежда – шляхетское положение Прантиша не позволит по-тихому сделать из арестованных начинку для пирогов, потому что шляхтича может судить только шляхетский суд, и законы для него особенные... Не случайно же их с лекарем не погрузили на телегу, не погнали, избави Пресвятая Богородица, пешком, а посадили в эту карету... Если что – так не плети и тюрьма шляхтича ждут, а заключение в башню. Более всего беспокоило сейчас Прантиша – чтобы снова не начали обыскивать. Дукатов, конечно, жаль... Но если найдут письмо воеводиной дочки? Вырвич успел перепрятать его вместе с дукатами в сапог... Жаль будет, если и записи Вороненка заберут – правда, лекарь тоже не первый год на свете живет, должен был тоже куда-нибудь сунуть подзрительные бумаги...

А через решетки на окнах кареты, как назло, светило ласковое солнышко – будто старая дева-осень еще надеялась сверкающими фальшивыми улыбками заполучить залетного жениха... Кто-то из жолнеров, которые ехали верхом по обе стороны кареты, завел шуточную песню с довольно печальным для пленников смыслом:

Ехаў мазур да млына,
Ехаў мазур,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Да млына.
Здохла ў яго кабыла,
Здохла ў яго,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Кабыла.
Як стаў мазур дзяліці,
Як стаў мазур,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,

Дзяліці.
Са скуры будзе ёй шуба,
Са скуры будзе,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Ёй шуба.
З грыўкі будзе ёй каўнер.
З грыўкі будзе,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Ёй каўнер⁴.

Прантиш будто наяву представил, как с него, да с Лёдника, сдирают кожу... В застенках Геронима Радзивилла как пить дать – раздерут обоих в ключья, не посмотрят, кто какого звания... Простых врагов князь приказывал зашивать в медвежьи шкуры да собаками травить. Но и подлизываться к нему опасно. Один слуга хотел было перед паном выслужиться, сказал, что имеет единственное желание – быть всегда на глазах у господина... Так тот приказал его повесить под своим окном – чтобы сбылась мечта бедняги. Три жены от князя сбежали, намаившись... Даже обезумевший брат Геронима Мартин, над которым ему опеку доверили, сейчас сидит в Слуцком замке, говорят, на хлебе и воде.

З хвоста будзе ёй каса,
З хвоста будзе,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Ёй каса⁵.

Решетки были густые, из ржавых полос – руки не просунуть. На железе остались царапины будто бы от ногтей многочисленных узников, а в отметилах Прантишу чудилась запекшаяся кровь, хотя это, очевидно, была просто ржавчина.

З вочак будуць гузічкі,
З вочак будуць,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Гузічкі.
З зубоў будуць пацеркі,
З зубоў будуць,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Пацеркі⁶,

– с хрипловатой насмешкой выводил жолнер.

Лёдник, не обращая внимания на песню, сверлил взглядом узкое желтое лицо Юдицкого с близко посаженными глазами – судья сидел напротив, надежно отделенный решеткой, и дремал, его бледные губы вяло шевелились, будто судье снилось, что он пробует что-то невкусное. Но когда колесо кареты подпрыгнуло на очередной выбоине, Юдицкий открыл настороженные

⁴ Ехал мазур к мельнице, / Ехал мазур, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / К мельнице. Сдохла у него кобыла, / Сдохла у него, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Кобыла. Как стал мазур делить, / Как стал мазур, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Делить. Из шкуры будет ей шуба, / Из шкуры будет, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Ей шуба. Из гривы будет ей воротник, / Из гривы будет, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Ей воротник. (бел.)

⁵ Из хвоста будет ей коса, / Из хвоста будет, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Ей коса (бел.)

⁶ Из глазок будут пуговички, / Из глазок будут, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Пуговички. Из зубок будут бусинки, / Из зубок будут, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Бусинки. (бел.)

глаза. Лёдник сразу же задал вопрос, осторожно, но настойчиво, как бортник прилаживает к улюю дымарь:

– Не мог бы милостивый пан подробней рассказать об упомянутой панне Соломее Ренич? Почему ее судят не в Полоцке, не в городском суде? Чем она так заинтересовала пана Геронима?

Юдицкий возмущенно цыкнул сквозь зубы, как на надоедливую котенка.

– Эта мразь решила, что имеет право задавать вопросы мне, шляхтичу и судье? Пан Вырвич, я требую, чтобы вы сейчас же наказали своего непочтительного слугу!

Вырвич раздраженно толкнул Лёдника в плечо.

– И правда, молчал бы ты... – и вежливо обратился к судье. – Прошу простить, милостивый пан, этого недотепу. Он же всего только пожизненный слуга. А вот мне интересно побеседовать с таким мудрым человеком, как пан судья Юдицкий. Наверное, история той Соломеи из Полоцка весьма устрашающая? Скрасьте нам дорогу своими интересными рассказами!

Прантиш говорил так умоляюще, словно выпрашивал дармовой бокал у смазливой шинкаропки. Голубые глаза излучали такое искреннее восхищение мудростью пана судьи, что тот смался, напыжился, как воробей в стужу, и снисходительно процедил:

– Что же, молодому человеку вроде вас будет полезно послушать...

Вырвич почувствовал, как Лёдник коротко вздохнул, поняв Прантишеву тактику: к гадалке не ходи, ясно, как ему не терпится узнать о той Соломее. Карета начала подпрыгивать на корнях, печальная кавалькада въехала в лес. Ветки время от времени стучали по карете, царапали ее борта, будто леший прогонял и не в состоянии был прогнать нежеланных гостей.

– Судить паненку будут за то, что паюка князя Геронима ослепила. Но корни, корни поступков глубже! Упали нравы в нашем княжестве! – раздраженно промолвил Юдицкий. – Белоголовые не должны оставаться без мужчин! Если вдова, или сирота – опекунов ей давайте... А то получается абы что... Девушка остается без родителей, и не хочет выходить замуж. Хотя считается первой красавицей города, *specie formosa*... Не хочет, и все! И никто не заставит. Женихи бесятся, сваты возвращаются с отказами, ползут слухи о тайной любви – но никто не может выследить. Поведение паненки безупречное, ходит в церковь... Но в монастырь не идет, как пошла княжна Евфросиния! Продает книжки в отцовском магазине и – прости, святой Иосиф, – занимается наукой! Говорили, что она переодевалась в мужское и слушала лекции в коллегииуме. Если правда – задрал бы юбку и сам отхлестал... – Юдицкий даже причмокнул бледными губами, видимо, представив себе соблазнительную картину порки девушки, и вздохнул: – Вот только с судом князь не спешит. Только бы по доброте своей не простил ведьме, и она его, змея белокожая, не околдовала. Может, ой, может...

– Но зачем та купчиха пану Герониму? – спросил Вырвич.

– Не вашего ума это дело, – надулся Юдицкий, но, видимо, любопытно и непонятно было и ему – зачем столько хлопот из-за какой-то девки, потому что судья задумался и, помолчав, начал рассуждать:

– Из-за красивых глаз – навряд ли... Ее ведьмино мастерство использовать – так его милость пан Героним ведьм и близко к себе не подпускает. Известно мне только, что пан Мартин к отцу этой Соломеи приезжал и долгую беседу имел. А как Ренич умер, то самой панне письмо прислал. Значит, что-то этакое отец ей в наследство оставил. И, видимо, важное – так как отчего-то Трибунал решил вмешаться.

– Это вы о князе Александре Сапеге? – догадался Прантиш. Юдицкий скривился, будто разгрыз гнилой орех.

– Да, о воеводе полоцком. Сапеги добыли от Трибунала грамоту с требованием отдать Ренич под их опеку, – судья фыркнул острым носом, будто учуял запах пожара. – Будто бы князь Героним не имеет права в вотчинном суде судить полоцкую мешанку... Александр Сапега в Слуцк заявился, триста солдат привел... Якобы для переговоров. Заняли дом у вилен-

ских ворот, жрут, пьют, горожан задирают. Жолнеры пана Геронима наготове – чем переговоры хозяев закончатся, неизвестно. Эх... Есть такая дева-птица – Сириин, которая людей зачаровывает пением своим... И пусть птица она что ни на есть райская, а сны навеивает земные и грешные, и душа у нее страдающая. Короче, не захотела девица мужской руки над собою – узнает руку следствия.

– Но если пан судья знает, что панна Соломея невиновна... – подал голос Прантиш. Юдицкий захохотал так, что ударился затылком о стену кареты, даже пыльное облачко поднялось от его парика.

– Невиновна? Дева-птица, химера, мужебаба! Я же тебе, хлопец, только что сказал, что такие, как она – самый вред для державы! А если, на нее глядя, другие белоголовые тоже воли захотят? Нет, в петлю глупую блудницу – и все!

– Мерзавец! У Соломеи в одном мизинце ума больше, чем прячется под твоим вшивым париком! – Лёдник бросился на решетку, даже ржавчина посыпалась, но так получил ножнами судейской сабли в лоб, что, заливаясь кровью, осел назад на скамью. Прантиш сразу же навалился на своего своенравного слугу, чтобы предотвратить его дальнейшие безумные поступки. Но язык лекаря он подрезать не мог, и тот постарался ответить ударом на удар:

– У вас, пан Юдицкий, печенка больная, желчь в крови разлита, а еще мужской силы года два как нет. Вы женщину действительно только отхлестать можете!

Ой-ей... Залили огонь маслом. Прантиш не отважился даже сказать: «Да не слушайте вы этого дурака...»

– Ответишь за все, дерьмо! – шипел Юдицкий, трясясь от злобы как колесо на брусчатке. – Скажи спасибо, что клинком не ткнул – надо тебя целехоньким сдать, чтобы палачи большее удовольствие получили. И ты, сопляк, расплатишься... Мы еще проверим, какой ты шляхтич! Эй! – судья постучал в окно кареты, она приостановилась, и пан вылез, не желая делить одно пространство с дерзкими заключенными.

З вочак будуць гузічкі...

З кішак будзе каўбаса...⁷

Прантиш осыпал Лёдника справедливыми упреками, но тот больше не пробовал выломать решетку... Застыл, закрыв лицо руками – снова словил вселенскую тоску.

– Хорошо же ты помог и нам, и той паненке! – крикнул наконец Прантиш, проклиная мгновение, когда нашел в своем кармане последний шелег.

– Это я ее загубил, – глухо произнес Лёдник, отвернув лицо с разбитым лбом от господина.

– Ну, что панна Соломея – дочь того книжника, у которого ты рос, я и сам догадался, – сердито промолвил Прантиш. – Видно, амуры с девушкой крутил!

– Не суди по себе... – раздраженно буркнул Лёдник, делаясь немного похожим на себя обычного. – Она же маленькая совсем была... Мне – десять, ей – пять... Ее отец благодетелем моим был, учителем. Как я мог на его дочь похотливым глазом смотреть?

Вздыхнул... Потом заговорил, будто язык от морозного железа отрывая.

Маленькая Соломея, единственная дочь книжника Ивана Ренича, баловница да умница, за отцовским учеником тенью ходила... Может, потому, что других детей в доме не бывало? И Бутрим, который тоже рос один-одинешенек, да еще на похлебке из пинков, понемногу привык к щебету рядом и относился к панне, как к младшей сестричке. Читать ее учил... И позволял перемешивать краски в ступках... Даже рассуждал при малышке вслух над своими опытами – какой ни есть, а слушатель. И только когда во время очередных каникул Лёдник вернулся

⁷ Из глазок будут пуговички... / Из кишок будет колбаса... (бел.)

домой, и пришлось дать в глаз соседскому хлопцу, что так настырно закидывал четырнадцатилетнюю Соломейку колючими шариками репейника – как известно, наилучшее средство заигрывания – Бутрим заметил, какие синие-синие глаза у его подружки, какая белая кожа, черные блестящие косы, а фигура... Совсем не детская фигура. А когда она улыбается, то ямочка почему-то только на одной щеке, на левой... Дотронуться до той ямочки хочется – аж до потери сознания... И желательно губами...

Лёдник сразу запретил себе подобные мысли. Во-первых, девушка ему не пара, да и как оскорбить учителя, без которого сгнил бы Бутрим в кожевне – в невежестве и вони... Во-вторых, Лёдник уже пожертвовал свою жизнь Великой Науке, в служении которой, как известно, нежные чувства только помеха. Но, когда Бутрим отъезжал в университет, Соломейка перехватила его у калитки, и глаза ее пылали нестерпимым синим огнем, и заявила она, что сердце ее отдано Бутриму, и никто иной ею не завладеет, и будет она ждать столько, сколько Бог положит и судьба Бутримова. И Лёдник так растерялся, что получился у них первый, неумелый и самый лучший в жизни поцелуй... Он даже не пообещал ничего. Жизнь закрутила молодого человека в водоворотах своих, как челнок легкомысленный, который вознамерился по лунной серебряной дорожке на волнах до самого Месяца доплыть... Обманом будет сказать, что Лёдник часто вспоминал синеокою полочанку... Не до того было – ученье, распластанные в анатомическом театре трупы, продолжительные диспуты, студенческие застолья, горячие доступные женщины. Но нельзя и утверждать, что он ее забыл... Потому что ощущение «меня ждут» должно быть у каждого, даже самого жесткого человека, и на огонек этого чувства можно выйти из темного лабиринта.

Сплыли года, как сухие листья по осенней воде, и вернулся Лёдник в разоренный Полоцк, где мор забрал и его родителей, и отца панны Ренич. Доктор пришел в такой знакомый дом поинтересоваться, чем можно помочь дочери своего учителя... И она стояла и смотрела на него горделивыми синими очами, и ему страшно хотелось спросить, владеет ли по-прежнему он ее сердцем, да не отваживался...

А она просто сказала:

– Мне – ничего не нужно. Но ничего не изменилось. Я жду.

Он не хотел тратить себя на что-то, кроме тайных наук... И больше не виделся с панной. Даже когда попал в страшную нужду из-за своей одержимости – не пошел к ней... Ибо знал, что растратит и ее имущество и ее жизнь. И Бутрим сделал все, чтобы до Соломеи не дошли слухи о его договоре с паном Агалинским – выкупила бы... А он этого не стоит.

Но еще никто не смог уберечь щепку в сердце костра.

– Если бы я женился на ней – она бы погибла... Не женился – все равно погубил ее.

Прантишу сильно не понравилась отчаянная ненависть к себе, которая звучала в голосе алхимика. Будто сейчас он разобьет свою упрямую голову о ржавую решетку. А тот еще достал заветный пузырек с алхимическим золотом и уныло рассматривал, как воплощенную укоризну.

– Загубил – так спасай! Зачем зря убиваться?

Для парня все выглядело предельно просто.

И Лёдник прищурил темные глаза, будто увидел солнце, и спрятал свою стекляшку...

– Дитя мудрее царя Соломона, да... Твоя правда, пан Вырвич. Видимо, Господь не напрасно послал тебя на дорогу к Воложину.

Доктор достал из кармана платочек, аккуратно промокнул царяпину на лбу, которая начала уже подсыхать, утер лицо и осмотрелся вокруг совсем иным взглядом – как повар смотрит на тушку каплуна.

– Оружие есть? – спросил. – Может, хоть перочинный ножик какой припрятал?

Прантиш помотал головой. Кроме как сберечь письмо воеводовой дочки, ничего не интересовало его во время ареста. Алхимик полез в свой сапог и достал записки Вороненка. Потом

с силой рванул обложку – Прантиш не успел его остановить – и вынул из корешка книги острый металлический стержень. У Вырвича аж дыхание перехватило: это же древнегреческое стило Вороненка, с которым тот так носился! Вот так Лёдник, что значит ученый! За утро вынюхал клад, а Прантиш сколько записки с собой таскал – даже до конца прочитать не осилил.

Между тем Бутрим наклонился и начал осторожно ковыряться стилем в замке решетки с таким выражением лица, будто делал сложную неприятную операцию на гнойнике. Неизвестно, как быстро его ожидал бы успех, и каким образом намеревался лекарь, вооруженный стилем, справиться с солдатами, но послышались безумные вопли, кони понесли, кучер орал, как ошпаренный... Узники ударились о стены, как две картошины в горшке, который катится с горы.

Что бы ни случилось, в этом заключалась их надежда. Тем более, что Юдицкий ругался, срывая голос, угрожал кому-то королевским судом и Радзивилловой мезьей...

Карета дернулась, резко наклонилась набок, видимо, потеряв колесо, еще немного протаскилась по земле и остановилась... Сразу двери распахнулись: жолнер Юдицкого, по мягкому лицу которого блуждала равнодушная безжалостная улыбка, держал два пистолета направленными на узников и не собирался тратить время на угрозы или молитвы... Вот она, смерть быстрая и неожиданная. Прантиш, к своему разочарованию, не успел даже принять мужественной позы, хотя бы гордо скрестить на груди руки, как должно встречать последнее мгновение носителю герба «Гиппоцентавр». А вот лекарь успел, будто черная змея, скользнуть вперед и, насколько мог в тесной клетке, заслонить собою молодого господина... А еще сделал при этом какое-то странное молниеносное движение рукой от шеи. Выстрелы из пистолетов прозвучали, но вместе с криком боли.

Прантиш осознал, что жив... И даже не ранен. И Лёдник стоял на ногах в скособоченной карете... А вот жолнер, поскуливая, закрывал руками, уронившими пистолеты, свой глаз, из которого торчала железная спица... Древнегреческое стило, которым, возможно, писал на восковых дощечках стихи кучерявый поэт, а, может быть, кто-то тоже выкалывал глаза ближнему своему. Раненый вывалился из кареты... Но вместо него появился новый персонаж с тем же атрибутом, а именно направленным на заключенных пассажиров пистолетом. Лицо незнакомца было завязано шарфом, сверху его прикрывали широкие поля шляпы... Разбойник? Пришелец сдвинул шарф. Белые брови и ресницы, исполосованное шрамами розовое лицо, странные бездонные глаза... Пан Герман Ватман! Прантиш помимо воли сунул руку в голенище сапога, где было припрятано письмо Богинской. И не удрать, и не защититься... Лёдник прошипел сквозь зубы что-то похожее на «не понос, так золотуха», и снова попробовал заслонить собой Прантиша.

Послышался выстрел... Но пан Ватман, которого, похоже, очень забавлял испуг пассажиров, целился не в них, а в замок на решетке. Пуля перебила дужку, решетка, наконец, с недовольным скрипом отворилась. Но узники как-то не спешили выходить, очень уж неопределенным выглядело их положение. Ватман улыбнулся с веселой злостью.

– Ну что, цыплятки, по-прежнему хочется к Радзивиллам на бульон? Я бы посоветовал не спешить на кухню. А ты, хлопец, поблагодари одну милую непослушную панну... Она попросила передать тебе – выполняй порученное. И осторожнее – в следующий раз, возможно, я сам тебя придушу, коли под руку попадешься и не на ту сторону встанешь.

Сунул пистолет за пояс и выпрыгнул из кареты. Лёдник и Прантиш настороженно высунулись за ним. Вокруг были следы настоящей баталии. Два жолнера – то ли мертвые, то ли без сознания – лежали в кустах спинами вверх, в карете остался запряженным один конь, который уже и не пробовал сдвинуть ее с места. Ни двух других солдат, в том числе и раненного в глаз, ни пана Юдицкого не было. Ватман подхватил концом сабли с земли что-то бело-серое, косматое, похожее на дохлую курицу.

– Ну, судья все-таки потерял свой парик!

Ватман брезгливо сбросил судейское украшение на куст можжевельника, парик нацепился как раз на вершину, от чего куст сразу стал похож на привидение с темным зеленым лицом.

– Прощайте, волшебнички!

Прантиш ошеломленно смотрел вслед Ватману, который скакал на белом дрыганте прочь, в ту сторону, откуда они приехали... Около поворота дороги к Ватману присоединился еще один всадник. И школяр знал, кто тот второй, изященький и невысокий, который даже рукой ему помахал... Не забыла, не бросила своего посланца! От горячего чувства у Прантиша даже слезы на голубые глаза навернулись – хоть тучку издали расцеловать, хоть ближайшую елочку обнять от полноты душевной... Но грубый Лёдник, далекий от тонкостей куртуазных, дернул парня за рукав:

– Пан, конечно, может мечтать здесь до утра, но радзивиловские наемники вернуться в любой миг. А мы, между прочим, беглые арестанты...

Прантиш пришел в себя. И действительно, не до объятий с елочками, нужно удирать, если хочешь в будущем живую девчину к сердцу прижать. Но Лёдник, вместо того, чтобы выполнять свои же слова, подошел к одному из бедолаг, что лежали в кустах, встал на колени, перевернул его, пощупал шею...

– Живой... Ничего... Полчаса полежит, очухается.

Подошел ко второму, тоже осмотрел, даже веко приподнял:

– И этот выживет, хоть сотрясение мозга получил.

Он что, лечить свою смерть возможную собирался?

Рука Прантиша между тем сама схватила саблю-августовку, которая лежала возле руки жолнера. Наконец-то он снова держит оружие! Махнул на пробу раз, другой... Ух, теперь берегитесь все Юдицкие на свете!

– Ваше фехтовальное умение, кроме ежиков, здесь некому оценить, – язвительный голос Лёдника вернул Прантиша из рыцарских победных мечтаний на мокрую лесную дорогу. – Двинули, пока солдат не наехало!

Но и Лёдник не побрезговал разжиться оружием, расстегнул свой черный балахон и засунул за пояс пистолет и саблю, конфискованные у побежденных. Да еще промолвил поучительно, заметив подозрительный взгляд господина:

– Как учил итальянец Маккиавелли, глупое дело надеяться на то, что вооруженный человек подчинится невооруженному, а *ferrum ferro acuitur* – железо точится железом.

На голове Лёдника красовалась тоже не его черная шляпа, и теперь алхимик со своим хищным носом, темными патлами и свежим шрамом на лбу точь-в-точь был похож на рыцаря с большой дороги, а не на ученого мужа.

Идти решили в сторону Слуцка... По возможности не по дороге, а по чащобе сбоку. Направление споров не вызвало. Во-первых, Лёдник рассуждал, что навряд ли преследователи вообразят, что беглецы направятся именно в ту сторону, где должны найти погибель. Во-вторых, ясное дело, Лёдник рвался к своей Соломее – Прантиш искренне не понимал, какой интерес у мужчины может вызвать женщина, которой уже за тридцать лет. Тетка! Прекрасной девице должно быть лет пятнадцать-шестнадцать, как Полонейке Богинской. Но в Слуцк и Прантишу нужно... Исполнить поручение дочери воеводы, найти Александра Сапегу... Впрочем, слуге об этом знать не обязательно.

А похоже, Прантиш имеет слугу не только опытного, но и верного – при воспоминании, как Лёдник закрывал его в карете от пуль, Вырвичу стало немного неловко, но и как-то тепло на сердце... Никто раньше не пытался отдать за Прантиша жизнь. Свой собственный поступок – отказ продать доктора со всеми последствиями – Прантиш не считал чем-то особенным.

Когда они, утомленные, присели на поваленном бревне под разлапистой сосной, Лёдник, снимая с лица налипшую паутину, задумчиво проговорил:

– Раньше я бы составил гороскоп и определил, пророчат ли звезды успех, и откуда приближается опасность... Теперь остается молиться да надеяться на Божью милость. Ну, и куда ты, парень, влез? Почему старый выжлец Герман Ватман взялся тебя освобождать? Его услуги стоят огромных денег, не каждый магнат сможет такого нанять. Чем стал ты для Богинских так дорог?

Прантиш немного поколебался, посмотрел на осеннюю листву, што гнила под его ногами, напоминая о тленности земного бытия, и рассказал о знакомстве с очаровательной дочерью воеводы...

– Покажи письмо! – властно сказал Лёдник, протягивая руку. Прантиш подумал, не возмутиться ли дерзостью слуги, однако же достал помятый конверт. Алхимик покрутил его в руках и вдруг решительно сломал печать. Школяр вскочил и замахнулся на лекаря.

– Ах ты!... Что делаешь, мерзавец! Это же бесчестье – читать чужие письма, доверенные шляхтичу!

– А я не шляхтич, меня честь не заботит, – холодно проговорил Лёдник. – А знать, ради чего рискуем жизнью, я должен, так что весь грех и позор – на мне. Та-ак...

Лёдник внимательно изучал лист, на котором всего и было нацарапано пара строк без подписи. Прантиш, как ни клокотал от возмущения низким поступком слуги, не мог удержаться, чтобы тоже не прочитать...

«Лев готов прыгнуть, но не может забыть о цепи.

Когда единорог приведет грифона к воротам и найдет с помощью Девы Венец Полемона, цепь порвется. Роза будет ждать у белого колодца»

Что за чепуха? Прантиш разочарованно отвернулся. Но алхимик разочарованным или озадаченным не выглядел.

– Вот ведь женщина... Если даже письмо достанется врагам – никаких зацепок. Ни адреса, ни подписи, одни иносказания. Да и освобождение наше – еще доказать надо, что Богинские к нему причастны. Карету свою отправили заранее на Менск. Ватман ряженный был, хоть он настолько примечательный здоровяк, что можно заподозрить. Но, понятно, станет все отрицать. Мало какие разбойники на людей Юдицкого напали. А кому панна просила передать письмо? Князю Александру Сапеге?

Прантиш растерянно молчал. Как видно, слуге загадочное письмо было гораздо более понятным, чем его господину. Но расспрашивать, что к чему, показать себя несведущим было стыдно. Лёдник насмешливо покосился на господина, понимая его мучения.

– Прежде чем ввязываться в политику, нужно хотя бы свою партию осознанно выбрать. Правда, у нас, литвинов, да еще православных, какая может быть партия, когда мы по обычаю оказались между молотом и наковальней? Знаешь, какие страсти бушевали, когда польский трон делили? Август на него сел не только потому, что россияне поддержали да партия Чарторыйских, но и потому, что остальные не могли друг друга одолеть и решили: «Пусть ни вашим, ни нашим».

– Так пан отец мой его не любит, – закивал головой Прантиш, желая показать и свою осведомленность. – Говорит: «Какой же это король, прости меня, Боже? До того, как война его из Дрездена выкурила, пару дней в Польше побыл, языка не зная, с любовницами разобрататься не может, здесь все фавориты решают». Говорит, его преемником Чарторыйские молодого Понятовского сделать хотят.

– Сопляка Понятовского не знаю, – проворчал Лёдник. – Но видел, как старший Юзеф Понятовский по Варшаве в карете разъезжает в компании любовницы Юзефки... А та – в костюме Евы, прости, Господи.

Прантиш вздохнул от сожаления, что сам не видел того соблазнительного зрелища. Лёдник осторожно тронул свой разбитый лоб.

– Да-а... Страшно представить, что нас ждет. Вот тебе и алхимический процесс: перемолов драгоценные камни, получают кучку чванливой пыли. Магнаты королевской власти не признают, войско имеет куда более сильное, чем коронное. Героним Радзивилл налоги отказался платить, племянник его, «Пане Коханку», заявил, что это он, Кароль, всегда был здешним королем. Если спорный вопрос – приходится обращаться к русским, чтобы прислали солдат.

– Но Россия же православных защищает... – пробормотал Прантиш. – Елизавета Петровна требует, чтобы нас перестали считать диссидентами, уравнили в правах. Может, для нас и лучше союз с Россией?

– Да, под Польшей не сладко литвинам... – согласился Лёдник. – Сам видел, как православных братчиков камнями забрасывают. Храмы поотбирала, в униатство загоняют. Один такой... миссионер даже приказал православных из могил выкапывать и, как падаль, бросать. Тут мы – схизматики, но и для русских – такие же схизматики, только католиками испорченные. Нас исправлять будут... Так что кровь потечет. А что с теми, кто унию признал, делают... Особенно с простыми мужиками, которых из веры в веру плетью перекрещивают...

Бывший алхимик задумчиво вглядывался в серые облака, будто надеялся на небесных скрижалях прочесть что-то важное.

– Знаешь, Вольтер... есть такой французский философ... как-то сказал, что он готов отдать жизнь, чтобы его враг мог свободно высказывать свое суждение. Если по-моему, так стоит умереть не только за свою веру, но и чтоб не убивали, не пытали людей за то, что они эту твою единственно правильную веру не принимают. Я подобного уже столько насмотрелся, мой пан... А если начинают войска чужаков грабежи учинять – не разбирают, кто в какую церковь ходит. Потому, что в основе всего – обычное стяжательство. Желание захватить побольше земли.

Прантиш окинул взглядом унылые осенние пейзажи. Земля у них, конечно, не такая яркая, как на картинах италийцев... Но своя же. Со своими рыцарями и прекрасными дамами... Кстати, по поводу дам.

– А при чем тут Богинские?

– Ввязался ты, парень, в сговор магнатский против Августа Саксонца, – мрачно объяснил доктор. – Богинские мечтают о короне. Подбивают бороться за трон князя Михала. Елизавета Петровна сильно болеет. И князя Михала познакомили с женой ее наследника, Екатериной, которая с мужем не ладит и завела роман со Станиславом Понятовским. Богинский Понятовского не победил, зато, говорят, не на шутку влюбился в молодую царицу. Долго в Санкт-Петербурге не задержался, отправился ездить по Европе... И придется ему бороться за корону самому. Но Михал Богинский чувствует на себе цепь – присягу, которую дал королю... И вообще политических интриг не любит. Вот и сестру младшую, видимо, подальше от политики отослал под присмотром Ватмана.

– Значит, Богинские в сговоре с Сапегами? – глубокомысленно заметил Прантиш.

– Почему бы и нет? – Лёдник сорвал с можжевельового куста сине-черную ягоду, повертел ее в пальцах, будто она была черной жемчужиной. – Борьба за власть, парень... Враги тайно объединяются, друг с искренними слезами сожаления вгоняет другу нож в спину... Александр Сапега тоже теперь страшно обижен. Он добивается булавы польного гетмана литовского, говорят, дал графу Брюлю, кабинет-министру королевскому, немерено денег... Даже жену свою подослал к его сыну, чтобы своими прелестями одарила. Бесчестья отгреб, но ничего не добыл. Так что корона для него – трофей, который за все вознаградит.

Вырвич смотрел на засыпанную хвоей и ржавыми листьями землю, по которой еще сновали обманутые осенним солнцем мураши. А у этих ничтожных козявок тоже ведь есть и солдаты, и мужики, и королева, есть и крылатые особи, которым ближние быстренько обгрызают крылья. Нечего летать, если нужно хвою таскать, тлю пасти, да нападающих кусать. Прантиш на минуту представил Лёдника таким вот черным крылатым мурашом с обкусанными крыльями,

который едва шевелится на тропе, потому что если нельзя летать, то куда ползти – все равно, и все равно, пасти тебе придется, или таскать, или сейчас тебя раздавят. Глухое раздражение шевельнулось в душе школяра, смешанное с завистью: ишь, какой умник – сын скорняка, в тонкостях политических разбирается, о магнатах судит... Крылья отрастил... Да кто он такой?

– Послушай, Лёдник, если лев – это князь Богинский, значит, согласно этому письму, он может пойти против короля, только нужен какой-то толчок... Венец Полемона – это что?

– Кто знает... – безразлично ответил доктор. – Корона Витовта? Свиток с предсказанием святого Довмонта, что королем должен стать владелец того или иного герба? Святой Грааль, который сразу сделает владельца избранным? К сожалению, мне ясно одно – с этой штукой связаны Реничи. Пан Иван разные редкости собирал, даже землю на месте старых построек раскапывал... Может, что и раскопал. Шляхтичи любят всякие символические бесполезные вещи, вроде обломка меча прапрапрадеда, который ходил на медведя вместе с царем Додоном.

Терпение Прантиша лопнуло, как пузырь на поверхности лужи. Лёдник что, над шляхтой насмехается? То печать на чужом письме разламывает, то выставляет владельцев гербов легковверными олухами... Нельзя это просто так спускать! Кровь бросилась школяру в голову, даже дятлы в висках застучали. Прантиш вскочил, выхватил саблю, приставил к горлу своего слуги и взревел:

– Не твое дело о шляхетской чести судить! Да за такие слова я имею право твою голову безродную отрубить!

В этот миг Прантиш почему-то почувствовал себя похожим на своего отца в молодые годы, хватая и буяна на весь уезд, старшего Вырвича. Ощущение пьянило, как токайское вино.

Лёдник прикусил язык, видимо, вместе с язвительными словами, помолчал и выдал из себя, глядя в землю:

– Прошу у моего господина прощения. Я не имел права говорить, что думаю о тех, кто выше меня. Я забыл, кто я такой. Этого больше не повторится.

Клинок Прантишевой сабли дрожал возле упрямого подбородка доктора. Тот не делал попыток уклониться, но ухмылка больше не кривила его губы. Ухарство испарилось из школяра, как вода из варенья. Вырвич убрал саблю, сел. Наступило молчание, которое Прантишу очень не понравилось. Естественно, слугу нужно было поставить на место... А что, если вдруг горделивый Лёдник вот так замкнется в себе, да начнет с пафосом святого мученика исполнять роль раба? И не будет больше доверительных бесед и ощущения сильного надежного плеча рядом?

Прантиш бросил быстрый взгляд на Лёдника, который все так же смотрел в землю. Оскорбился. Школяр встал, походил, покашливая, вокруг, сбивая с веток сухие листья. Ну, доктор же умный, должен догадаться, что молодой пан сожалеет о своей горячности! Но тот только спросил, не подняв глаз:

– Пан приказывает идти дальше?

Таким бездушным, сухим, как камышина, голосом, с нужной дозой вежливости... Прантиш аж взвыл:

– Ну хорошо! Хорошо! Я погорячился! Я сожалею! Но ведь у шляхтича есть святыя вещи... Тебе не понять... Что мне теперь, прощения просить до вечера?

Лёдник насмешливо хмыкнул:

– Где уж мне, безродному, понять шляхетские тонкости!

Но у Прантиша полегчало на душе, он почувствовал в голосе доктора знакомые язвительные нотки. Уселся рядом, заговорил примирительно:

– Отец учил меня, что родовое оружие – не просто сабля, она оплачена кровью предков... Как и все наши привилегии. И мой отец воевал, шел в народное ополчение, не за себя – за родину, за Княжество Литовское, за белорусскую землю... На нем знаешь, сколько шрамов от вражеского оружия? И меня с детства приучал, что я должен все время быть готов отдать жизнь

за Отчизну без колебаний и сомнений, по первому зову. Закалял... Когда я был маленьким, отправлял меня, например, ночью на поле принести несколько колосков – а поле у самого кладбища... А сколько Вырвичей головы сложили в боях – с москвитами, с татарами, со шведами!

– Я чту тех, кто отдает жизни за родину, ваша мосьт... – тихо сказал Лёдник. – Я не хотел оскорбить ваших предков и вас. Мои предки тоже, хоть и не были шляхтичами, гибли за вольный Полоцк. Прадед с братьями стояли на стенах, когда город осаждали войска Ивана Грозного. Москвиты натащили орудий большого калибра, закупленных в Англии, что стреляли ядрами по двадцать пудов... Сеча была страшная, на оборону встали все – женщины, дети, старики. Хотя поначалу даже молебны служили за православных братьев, надеялись, что с их помощью прекратятся гонения со стороны католиков и униатов, оставят в покое православные храмы... Но с чужими пушками воля не приходит. Тогда молодой князь Ян Глебович, который руководил обороной Заполотья, предложил дать оружие «черным людям», крестьянам... И что ты думаешь? – доктор провел рукой по лицу, – воевода Довойна отказался... И город был взят. И более половины жителей вырезано. А самых родовитых шляхтичей погнали в московский полон, хоть многие из них были такими же православными, как московский царь. А все из-за того, что благородный пан не признал за черными людьми право иметь родину и защищать ее. А сто лет назад пятнадцатитысячное войско воеводы Трубецкого остановил отряд простых мужиков из Колесниковского уезда – их было всего три тысячи, но им надоели грабители. Когда москвиты брали Могилев – им ключи горожане поднесли, тоже радовались приходу православных братьев, да получили грабежи и насилия. И простые мещане уничтожили за ночь семь тысяч вражеских солдат, весь гарнизон.

Лёдник посмотрел в глаза Прантишу темными грустными глазами.

– Я не шляхтич, но у меня тоже есть родина. И мне больно видеть, как она гибнет из-за...

Доктор умолк, но Вырвич понял, что он хотел сказать. И возразить было тяжело, потому что старший Вырвич тоже пенял на магнатов, которые готовы союзничать с любым иноземным врагом, лишь бы победить друг друга. Оба некоторое время молчали, наблюдая, как сосны машут ветвями, будто просят спасения от неминуемой стужи.

– Доктор, а твой учитель Иван Ренич мог знать рецепт философского камня?

Лёдник со скепсисом хмыкнул.

– Не помню такого за паном Иваном... Он и меня отговаривал в дурное дело лезть – жаль, я не послушал из-за гордыни своей.

– Но Мартин Радзивилл у него же книги заказывал!

– Вот и я думаю, какие... – молвил доктор. – Наверяд ли псалтыри. Мартин Радзивилл истово поверил в метемпсихоз... Переселение душ. Все время утверждал, что был в прошлой жизни птицей, так как имеет длинный нос. А в следующей надеялся стать слоном. Что не мешало ему оставаться последней свиньей. А учитель имел редкие книги, даже из Китая и Индии. Эх, нужно Соломею спросить... А если она сейчас в подземельях Слуцкого замка...

Лёдник даже зубами скрипнул.

– Ничего! – Прантиш выхватил письмо из рук слуги. – Найдем Александра Сапегу, попросим помощи!

Лекарь нахмурился.

– Сапега против Радзивилла, да еще в его вотчине, даже с решением Трибунала и тремя сотнями солдат – бессилен. Хорошо, если Героним Жестокий не отважится его силою со своей земли вытурить. И покровительство магнатов – дело ненадежное. Он тебе кубок подаст, и тут же этим кубком зубы выбьет. Племянник Геронима «Пане Коханку» так шутить любит. Магнаты... – Лёдник вздохнул и отмахнулся от худого осеннего комара, который прицеливался к его длинному носу. – Нечего бедному человеку в их игры ввязываться. Мой знакомый по Праге, доктор Бахстром, к Герониму Радзивиллу устроился было... Думал золотом засыпаться. А пан в каждой ложке яд подозревал, так же, как в каждом взгляде жены своей, Терезы, измену.

Женщину под замок посадил, следил за каждым шагом... А она же не абы кто – дочь подскарбия надворного! Вот Бахстром и пожалел красавицу. Помог ей сбежать. Убежала молодка, отец за нее заступился, развод сладили. А Бахстром оказался хромым лисенком, которого в разоренном курятнике бросили. Убегал от радзивилловской шайки сломя голову, попросил убежища у Аскерков в Шацке... Так Радзивиллы туда целое войско пригнали! И что думаешь, родственники пани Терезы доктору помогли? Кто он такой? Пыль на шляхетской обуви. Вот тебе и служение прекрасной даме.

Лёдник сердито надвинул глубже на голову снятую с жолнера шляпу, прикрыв шрам от судейской сабли.

– Но ты же сам пошел на службу к Мартину Радзивиллу, где хапнул горя! – упрекнул Прантиш. – Чем ты тогда думал?

– Чем думает одержимый человек? – тяжело вздохнул Лёдник. – Я тогда недалеко от чокнутого Мартина ушел. Представляешь, когда брат его замок штурмовал, Мартин вдохновенно играл на скрипке! Правда, я этого не слышал, так как ко мне в подземелье звуки не доносились. Но и я, когда судебные исполнители дверь в мой дом ломали, из одной колбы в другую жидкость переливал и капли считал, как аккорды самой лучшей музыки.

Бывший алхимик покаянно вздохнул.

– Сейчас бы не музыку слушать, а поесть... – проворчал Прантиш, оглядываясь по сторонам. В конце концов, в литвинском лесу тутошний человек с голоду помереть не может: хоть гриб какой-нибудь да ухватит... А вон, кажется, лисички наивно-нахально желтеют, знак подают – съешь нас, бедный школяр!

– Тсс... На землю... – тревожно шепнул Лёдник и, схватив хозяина твердой рукой за загривок, повалил лицом в заплесневелые листья, видимо, окончательно забыв о своей обиде и обещании помнить свое рабское место. На дороге послышался стук копыт. Прантиш лежал, сжимая эфес сабли, и страха не было. Десять всадников, Юдицкого не видно... Да они с Лёдником, если что, порубят этих псов как крапиву!

Всадники проехали, стало тихо, только комары зудели.

– Вперед! – Лёдник толкнул хозяина. – И саблю больше не выхватывай без причины... Вояка... Господи Боже мой, все у меня не по-людски, будто жизнь мою выдумал поэт с богатой, но бездарной фантазией! Одну панну – освободить, второй – письмо передавать...

Солнце решило, что на сегодня выдало все свое нищенское золото, и с облегчением спряталось за ближайшую тучу. Та недовольно сыпанула дождем.

– Подвиг во имя прекрасной дамы – это не бездарная фантазия! – оптимистично отозвался Прантиш, представив очаровательные глазки панны Богинской, а его слуга только вздохнул. до Слуцка оставалось три дня пути, не короткого и не легкого.

...З капытоў будуць кубачкі,
З капытоў будуць,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Кубачкі!⁸

⁸ Из копытец будут чашечки, / Из копытец будут, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Чашечки! (бел.)

Глава пятая

Как Прантиш и его слуга немцами стали

Леонардо да Винчи в своем «Бестиарии» написал, что совы мстят тем, кто над ними насмехается – выклевают глаза. Леонардо считал, что глазастые птицы только этой пищей и могут прокормиться.

Правда, сова, которую Прантиш увидел вчера вечером, питалась точно не человеческими глазами, а мышами. Подсмотрел немного ее охоту... Вот и они с Лёдником сейчас как мыши. Того и гляди, кто-то когти в бока запустит. Хотя лес для литвина – это же спасение, не так, как для некоторых, которые отождествляли его с первобытным хаосом, или с лабиринтом, где живет Минотавр... Достаточно, правда, и здешнего медведя, чтобы к Абраму на пиво отправиться. Но куда ничего крупнее совы школяр с доктором не встретили. Не нашли и святое дерево Перидексион, плодами которого питаются голуби, а змеи даже от его тени убегают. Не росло здесь и дерево Игдрасиль, по которому души умерших уходят на тот свет... Наверху дерева Игдрасиль живет орел, под корнями – дракон, а по стволу бегают туда-сюда белка Рататоск, воплощая суетливый человеческий мир. Это все Лёдник по дороге засорял вихрастую Прантишеву голову ненужными цитатами, очевидно, решив, что его священный долг – доучить своего хозяина вместо иезуитов. Ха! Те обломились, и сыну полоцкого скорняка ничего не светило на неурожайной ниве Прантишевого образования. Зато местный леший за последний день не однажды подбрасывал путникам под ноги поваленную ель или поливал неожиданным, как приступ старческого кашля, дождем. Да, имея в карманах золотые дукаты, на грибах да орехах жить грустно...

Лёдник вышагивал рядом, бормоча длиннющие фразы из «Опытов» философа-французика Монтеня, до которого Прантишу не было никакого дела, как и до глупой скандинавской белки Рататоск. Вдруг доктор схватил Вырвича за плечо и остановился. Прантиш прислушался... В их сторону с треском и воплями кто-то ломился через кусты. Лёдник оттащил Прантиша под разлапистую ель, хотя Вырвича так и подмывало рвануться вперед и испробовать саблю на неизвестной опасности. Но воспоминание об одном вчерашнем вытаскивании сабли из ножен было таким неприятным, что Вырвич, как советовал Лёдник, решил переждать. А тот, однако, достал из-за пояса пистолет. Прантиш не стал озвучивать, что Вырвич-старший, как и многие приверженцы сарматских обычаев, считал употребление пистолетов признаком упадка шляхетского боевого мастерства, хотя и соглашался, что шляхтич должен уметь из пистолета попасть белке в глаз. В конце-концов, Лёдник – не шляхтич, а мещанин, вот пусть и стреляет.

– Пресвятая Богородица, спаси!

Со стороны дороги бежали двое мужиков в обычных засаленных кафтанах и магерках, по всему видно, сильно перепуганные. Один на бегу пробовал молиться, второй выкрикивал, будто заикался:

– Цмок! Цмок! Дракон!

Навряд ли он таким образом намекал на поцелуи. Что же, простые люди, известно, и сову посчитают нечистой силой. Когда бедняги, спотыкаясь на влажных корнях и обдираясь о ветки, отбежали довольно далеко, Лёдник с Вырвичем достаточно осторожно двинулись дальше: то, что напугало мужиков, должно было находиться на дороге немного впереди.

Сначала они слышали немецкие ругательства. Кто-то от всего сердца выразительно описывал местные дороги, местных дикарей и местную погоду. Отдельные фразы содержали латинские слова, поэтому можно было понять, что ругается человек ученый.

Прантиш и его слуга выглянули из-за кустов, на которых победными флагами остались висеть редкие рыжие листья. Посреди дороги стояли две повозки. Одна – обычный дорожный экипаж, бричка с закрепленными позади сундуками. А вот второй представлял из себя небольшой сарай с колесами, тщательно накрытый просмоленными полотнами. В этот сарай были запряжены целых восемь коней, но и они не могли сдвинуть с места великанский воз, который двумя левыми колесами попал в огромную лужу так, что угрожающе наклонился. С одной стороны полотна, которыми был плотно закрыт таинственный груз, разошлись, и между ними поблескивал металл. Около воза суетился невысокий пузатый человечек в черном камзоле с простым белым воротником, из-под шляпы с высоким верхом свисали посыпанные пудрой букли. А на ногах, совсем нелепо для литвинских осенних дорог, были ботинки и когда-то белые чулки. Именно этот человечек и сыпал проклятиями. Высокая худая женщина в чепце, запахнутая в дорожный плащ, время от времени перекрывала его крики пронзительным:

– Якоб, возьми себя в руки!

Усатый кучер, тоже одетый в немецкий костюм, усердствовал около коней...

– Да будет проклят тот день, когда я получил письмо из Слуцка и возжелал княжеских дукатов! – орал человек в шляпе, во всяком случае, именно так Прантиш, успехи которого в немецком были довольно скромными, понял его жалобы. Но было ясно, что экипажи направляются в Слуцк! Лёдник прерывисто вздохнул, как охотник, который наконец увидел из засады вепря:

– Вот тебе и милость судьбы... Кажется, этот немчик мне знаком. Мой однокурсник по Лейпцигу... Когда-то мы неплохо проводили время. Но как он воспримет, когда узнает, что мы сбежали из-под ареста?

– А ты что, вот так собрался ему все о нас вывалить? – Прантиш едва не засмеялся – вот наивный чудачина этот доктор.

– А как объяснить, почему мы очутились здесь, да еще в таком виде?

Прантиш придирчиво осмотрел себя и Бутрима: да, не с бала паны... Обшарпанные, грязные... Хорошо, что вооруженные, но ведь – пешком идут! А что это за благородный пан без коня?

– Эх, только бы он по-нашему понимал... – с досадою промолвил Вырвич.

– Якоб Пфальцман? Да он языков двадцать знает, и литвинский понимает точно, – заверил доктор.

Школяр хищно улыбнулся:

– Тогда никаких проблем! Вперед! А ты только со всем соглашайся, что я скажу. Ното *semper in ore aliud fert, aliud cogitat*. Человек всегда одно говорит, а другое думает.

Семейство Пфальцманов встретило появление чужаков, если мягко сказать, настороженно: фрау спряталась за неизвестную конструкцию на возу, а герр Пфальцман просто направил на пришельцев из лесу два пистолета. Но когда приблизился Лёдник, немец растерянно опустил свое оружие и несмело заулыбался.

– Герр Лёдник? Не может быть! Майн Готт! Это вы, мой друг, или инкуб в вашем облике?

Бывший алхимик растянул губы в подобие улыбки.

– Приветствую пана Пфальцмана!

– Эльза! Это доктор Бутримус Лёдник, из Лейпцига, тот, который изобрел двадцать четыре способа трахеотомии! Сколько пива, друг мой! Сколько хорошего пива в корчме «Под карасем» мы перепили! Генрих, опусти оружие, все ладно!

Последние слова по-немецки Пфальцман адресовал кучеру, который все это время стоял за возом, направив на гостей широкий, с раструбом, ствол мушкета. Между тем Лёдник с чисто научной заинтересованностью приблизился к конструкции, прикрытой полотнами, и заглянул в дырку, чем герр Пфальцман был очень недоволен и, похоже, если бы мог, не подпустил бы

туда старого приятеля. На возу громоздилось какое-то непонятное железное приспособление, видимая часть которого и вправду выглядела как ребра дракона

Лёдник хмыкнул и повернулся к Пфальцману, который попробовал спрятать свою тревогу:

– Машина-черепаша? Ты все-таки сделал ее, Якоб?

Пфальцман с покрасневшей физиономией бросился завешивать таинственную конструкцию.

– Прости, друг, но... В науке каждый сам за себя... Мне бы не хотелось раньше времени продемонстрировать свое изобретение, которое далеко не каждый способен оценить.

Лёдник насмешливо покивал головой.

– Не бойся, Якоб. Я не собираюсь воровать твоё изобретение. Тем более мы же с тобой вместе видели его чертежи в записках Леонардо да Винчи.

– Там был эскиз! набросок! Ничего конкретного! – обиделся Пфальцман. – О моем водяном двигателе твой Леонардо даже помыслить не мог!

– И мы с тобой говорили, что такое беспощадное оружие было бы слишком большим соблазном для тиранов, – твердо промолвил Лёдник.

– И позволило бы за один день завершить любую войну и тем сберечь жизни! – раздраженно возразил Пфальцман, видимо, продолжая старый спор.

– А если котел взорвется – а он наверняка взорвется, когда поработает минут двадцать, то первым сварится тот, кто будет сидеть в этом ящике.

– Я усовершенствовал двигатель! Он снаружи отделен от внутреннего помещения двойным стальным листом. Я сам ездил на этой машине, и ничего, жив! – рассвирепел Якоб.

– Но посреди лужи белорусского леса эта чудо-машина спасти своего создателя не может! – язвительно отметил Лёдник, и Прантиш едва не толкнул слугу ногой – нашел когда дискутировать. Лицо Пфальцмана пошло пятнами, так, что фрау Эльза, которая не понимала ни слова из разговора, начала очень неодобрительно поглядывать на клювоносого прищельца, который обижал ее гениального мужа.

Пфальцман снова выдал порцию ругательств по поводу дрянных дорог и дикарей-мужиков... Как понял из его слов Прантиш, немецкий изобретатель вез свою конструкцию князю Герониму Радзивиллу, который пообещал немалые деньги. Такие, что фрау Эльза, женщина практичная и не боязливая, не решилась отпускать мужа в дорогу одного. И еще хотелось убежать из охваченной войной Саксонии. Однако путешествие с самого начала не заладилось. Приходилось проезжать кружными путями, обходя военные действия, а война – это же не панна, которую можно запереть в отдельной светлице. Громоздкий груз, который Пфальцман выдавал за декорации для театра пана Геронима Радзивилла, вызывал нездоровый интерес. В Варшаве один из помощников так заигрался в одном из известных игорных домов, что будто растворился в наполненном азартом и винными испарениями воздухе. У второго помощника от местной пищи заболел живот, пришлось оставить его в Берестье. Не успели отъехать от Берестья – карета упала с моста так, что напоминала те ископаемые останки, которые остались от Ноева ковчега на горе Арарат. Кучер покалечился, хорошо, что сами Пфальцманы, пока их экипаж проедет опасный мост, мудро пережидали на берегу. Железную черепаху перетаскивали через реку двое суток, деревья валили, как сумасшедшие бобры. В Каменце Пфальцман едва добыл новую повозку, вот эту неуклюжую бричку с сеником вместо обтянутых зеленым сукном мягких сидений. Нанял и несколько местных мужиков. Те, однако, к немцу отнеслись подозрительно, когда отворачивался, к грузу на повозке притрагиваться боялись. Пришлось повысить плату. Но попал *aus dem Staub in die Muhle kommen* – из пыли в мельницу. Когда случилось несчастье с лужей и покрывало распахнулось, необразованные наемники решили, что увидели самого дьявола в виде железного дракона и разбежались, бросив хозяина в самом бедственном положении.

– А каким образом рок послал сюда вас, и кто этот юноша? Не сын ли твой?

Прантиша даже передернуло. Какое сходство можно узреть между ним и алхимиком? Следовало брать дело в свои руки, пока Лёдник не начал сенсационную исповедь, а то еще в приступе самобичевания расскажет и о том, что его продали в рабство малообразованному школяру. Тогда не жди уважения, и, соответственно, помощи.

– Только прошу пана Пфальцмана хранить услышанное в тайне! – интригуяще начал Прантиш.

А из его рассказа выходило, что Прантиш – младший сын богатого и родовитого шляхтича, только не стоит произносить его имя вслух, потому что Прантиш семью свою разозлил, ввязавшись в авантюры.

– Амурные дела, понимаете? – доверчиво поглядывая голубыми глазами, говорил Вырвич.

Те амурные дела наносили обиду другой, еще более родовитой семье, и юношу с разбитым от несчастливой любви сердцем пришлось отправить подальше от неприятностей, под присмотром его домашнего учителя, уважаемого доктора герра Лотмана – именно так теперь следовало называть Бутримуса Лёдника.

В этом месте рассказа Бутримус словно попытался проглотить что-то, застрявшее в горле. Но промолчал.

Естественно, отправили Прантиша («Можете называть меня Франц Магнус» – скромно предложил Вырвич, стараясь не смотреть на слугу) не голым-босым, были и гладкие кони, и сундуки с добром, и деньги... Вот только прошлым вечером на них с учителем коварно напали грабители, и все отобрали, даже раздели, пришлось жертвам воспользоваться теми обносками, которые проклятые лотриги, с себя сняв, им бросили. При этих словах Прантиш потряс перед своими глазами поеденной молью шапкой, будто не верил, что мог надеть такую неприглядную вещь.

Но горстку денег сохранить от грабителей все-таки удалось, так что Прантиш и его учитель будут очень благодарны, если пан Пфальцман за разумную плату поделится с ними одеждой... А они охотно помогут пану в его бедственном положении, приложат все силы, чтобы вытянуть повозку из лужи и доставить в Слуцк, ибо две сабли и пистолет в руках людей боевитых и смелых в дороге не лишние, а в дальнейшем и в демонстрации чудо-машины поспособствуют.

– Ибо поскольку меня отправили в свет за обучением, то я рад буду познакомиться с таким многознающим паном, как вы, герр Пфальцман, и понаблюдать за чудо-машиной... Только держите в тайне, кто мы – а то могут быть неприятности и для нас, и для вас. Можете меня представлять как Франца, ассистента герра Лотмана.

Прантиш вложил в голос как можно больше проникновенности, и герр Пфальцман размяк. Он кратко перевел рассказ Прантиша жене, и фрау Эльза даже всхлипнула, расчувствовавшись, ласково посмотрев немного выпуклыми светлыми глазами на голубоглазого благородного юношу, который попал в беду из-за пылкости чувств, которым, как известно, женщины с большим сердцем не сочувствовать не могут.

Лёдник, простите, герр Лотман, мудро промолчал.

Местный леший явно пришел в хорошее настроение и прекратил чинить путникам гадо-сти. Ветер Сутон продолжал нагонять тучи и плевать холодной водой. Но Прантиш и Лёдник ехали в экипаже Пфальцманов. На обоих были немецкие костюмы, такие же, как на хозяине кареты. Двух дукаатов, естественно, жаль, но торговаться не приходилось – Прантиш отлично чувствовал границу бережливости благодетелей, за которую переступать нельзя. По причине того, что все наемники сбежали, Лёднику пришлось быть за кучера – так как усатый Генрих управлял повозкой с устрашающей железной черепахой.

Между тем Пфальцман забыл о неприятном случае и приобрел вид до отвращения самодовольный. Он покровительственно посматривал на спину Лёдника, чья зависимость от его милости была ему, похоже, очень лестной, наконец пересел к бывшему приятелю и заговорил.

– И почему это, герр... Лотман, последние лет десять я о тебе ничего не слышал? – голос немца можно было мазать на булку вместо меда. – Ты же таким светилом был... Трактат о солях написал, статьи в Лейпцигском научном журнале печатал. Профессор Гофман считал тебя новым Парацельсом. А ты, оказывается, в домашние учителя пошел! Может, тоже что-то изобрел за это время, но скромничаешь?

Лёдник хмуро покосился на бывшего однокурсника.

– Хвастаться мне нечем. На моей мельнице мололись лишь камни, а из них хлеба не испечешь.

Коротышка Пфальцман от этих слов еще больше раздулся и умудрялся посматривать на высокого собеседника сверху вниз. Прантишу сделалось донельзя обидно – это же, собственно говоря, ставилась под сомнение ценность того, что принадлежало ему, Вырвичу! Чего этот Лёдник себя унижает! Он же, по мнению сведущих в алхимии, научный подвиг совершил, философский камень нашел, алхимическое золото добыл, здесь как раз оценили бы это!

– Бутрим, да покажи ему пузырек! – толкнул слугу под локоть Вырвич. Но Лёдник, не выпуская вожжи из рук, только пронзил юношу тяжелым взглядом и упрямо повторил:

– Мне нечем похвастаться.

Прантиш даже зашипел от разочарования. Сам он ни мгновения не промедлил бы покрасоваться, если бы было чем. Как можно допускать, чтобы кто-то глупее тебя над тобою возносился? Но Бутрима это, похоже, совсем не трогало. Так же спокойно он отказался составить звездный прогноз пути, который их ждет, чем несказанно Пфальцмана удивил – Прантиш понял, что Лёдник в молодости считался мастером такого дела и предсказывал охотно.

С неба снова лил мерзкий дождь, который барабанил о кожаный навес повозки. Лёдник и Пфальцман начали вспоминать события прусской войны, во время которой обоим пришлось зашить немало ран и отрезать горы раздробленных конечностей. Фрау Эльза время от времени пробовала остановить кровавую беседу, но мужчины раззадорились, и Вырвич задремал под вдохновенный рассказ об интересных прецедентах вроде доставания пули из седьмого позвонка.

К вечеру пришлось снова вытаскивать повозку из колдобины. Потом фрау Эльза выделила всем по ломтю белого хлеба, куску ветчины и луковице, а Прантишу достался даже кусочек саксонского пряника на меду, который фрау берегла, чтобы время от времени вспоминать сладкий вкус родного дома. До ближайшей корчмы было еще часа два, так как двигались они из-за железной черепахи очень медленно, дорога была больше похожа на стиральную доску, и кони уставали. Вот и снова – очередной отдых.

Зато появилась возможность немного походить по лесу, размяться. Прантиш отошел к молодым сосенкам и выхватил саблю: нельзя забрасывать благородное искусство фехтования! Выпад, выпад, взмах, отбить, проткнуть... Вырвич забыл про все на свете, представляя на месте сосенок, с которых так и летели срубленные веточки, бессильных против вырвичевской ловкости и силы вражеских рыцарей. Вдруг при выпаде с разворотом сабля Прантиша стукнулась о металл... Лёдник влез со своею саблей! Покачал разочарованно головою, отступил на шаг, отсалютовал оружием, как делается перед каждым поединком, и по-учительски scomандовал:

– В позицию!

Этот докторишка что – решил испытать боевые навыки шляхтича? Ну, сейчас получишь!

Прантиш бросился на Лёдника, надеясь сбить с него спесь... Но как-то быстро остался без сабли. Выбитая из руки каким-то неизвестным образом, она воткнулась во влажную почву рядом с норкой лесной мыши.

Лёдник занудным голосом объяснял Прантишу его ошибки, и насчет позиции, и насчет внимания, и как правильно отбивать удар... Вырвич уже ничего не слышал, только шум собственной крови... Схватил саблю – и на доктора...

Да что же это такое!

Запыхавшийся Вырвич, с потными кудрями, прилипшими ко лбу, хрипло дышал и смотрел на свою саблю, которая снова лежала на земле. Лёдник спрятал оружие в ножны, подошел к юноше и взял за плечи:

– Посмотри на меня. Слышишь? Вдохни и задержи дыхание! Так! Теперь выдохни... Еще раз... Постарайся успокоиться. *Save sanem* – бойся собаки, как говорили римляне, и особенно собственного гнева.

Прантиш с досадой стряхнул с себя руки слуги. Хотелось плакать, но слезы были бы срамом. Еще хотелось отлупить паршивого доктора так, чтобы в ногах валялся, падаль. А тот стоял перед паном, скрестив руки на груди, серьезный профессор на экзамене.

– Я вижу в тебе два разных темперамента, которые, видимо, достались в наследство по родовым линиям и вступают между собой в конфликт. С одной стороны, ты – жизнерадостный, способный к сочувствию, прозрачный и быстрый, как вода в ручье. С другой – в твоей крови слишком много огня, когда ты взволнован, оскорблен, огонь вспыхивает, кровь бежит быстрее, и ты теряешь над собой власть, делаешься жестоким. Это качество усилится, если начнешь употреблять алкоголь. Плохо, что в моменты преимущества второго, холерического темперамента ты ничего не слышишь, не воспринимаешь... Когда размахивал саблей, я легко подошел к тебе со спины. Ты должен учиться владеть собой!

– А ты меня и научишь, значит? – раздраженно промолвил Прантиш. – А я, между прочим, не позволял тебе скрестить со мной оружие! Это ты что, отомстить захотел за прошлое, когда я саблю тебе к горлу приставил?

Лёдник растерялся, даже покраснел.

– Как тебе в голову такое пришло? – сердито сказал он. – Я сам всю жизнь руководствовался тем, что если есть чему и у кого научиться, нужно не упускать такую возможность! И если можешь поделиться знаниями, нужно это делать. Но, видимо, некоторые благородные лица имеют устойчивое отвращение к науке...

Лёдник обиженно отвернулся. Прантиш несколько раз в соответствии с советом доктора глубоко вдохнул. Два темперамента... Огонь и вода... Что же, все же лучше, чем черная желчь или флегма.

– А где ты так фехтовать научился?

– В Лейпциге, – неохотно ответил доктор. – В университете каждый бурш должен участвовать в студенческих дуэлях – на саблях, с морем крови... Специально ставят новичка против самых сильных – чтобы испытать, сможет ли стерпеть раны, не оплошает ли. Хочешь выжить – учись драться и терпеть. А я в каждой науке жаждал дойти до вершин. А потом... всякие школы были. На войне и доктор должен уметь защититься.

Прантиш помолчал, еще раз вздохнул:

– Эй, доктор, покажи приемчик... Когда ты последний раз у меня саблю выбил.

Лёдник, выдержав мгновение гордости, молча повернулся. Испытующе посмотрел на хозяина, молниеносно выхватил саблю.

– В позицию!

Теперь Прантиш был уверен, что каждую свободную минуту нахождения рядом с доктором тот будет использовать, чтобы напрягать или мозги молодого хозяина, или его физическое тело...

Единственная спасительная мысль – зато этот учитель при всей своей суровости ни дисциплиной не отхлещет, ни в карцер не посадит. А вот Прантиш его может отлупить! И тот ничего не сделает и не убежит, мураш бескрылый.

Путь тянулся страшно медленно – пешком, возможно, дошли бы быстрее. Зато хватало времени на размышления. Помогать Пфальцманам – это очень хороший и, возможно, единственный шанс попасть в Слуцкий замок. Но нужно же и найти Александра Сапегу! А тот, как утверждали слухи, остановился со своим войском на подходе к городу, в здании кавалергардии. В город его не пускают, но и прогнать не могут: вооруженное перемирие, он с Радзивиллом все равно как две щуки, застыли над маленькой полуживой рыбкой, зная, что когда начнут драться за добычу, друг друга сожрут, все озеро взбаламутят, а рыбка, глядишь – и выскользнет.

Прантиш сидел рядом со своим слугой на козлах брички, весело болтая ногами в немецких ботинках и неуместных белых чулках, которые сделались пятнистыми, как лемпард. Пфальцманы дремали сзади на сеннике, воз с железной черепахой тащился за бричкой, как грехи за грешником. Лёдник уверенно управлял лошадьми и учил Прантиша произносить без акцента немецкие фразы.

Последние елочки растворились в сумерках, замелькали хаты... Впереди горели тусклые огни в окнах каменных домов...

– Стой! Кто такие?

Дорогу перегородили люди в амарантовых жупанах королевских войск, освещая путников факелами. Прантиш надвинул шляпу как можно ниже, замутило, как перед экзаменами. Неужели снова? Лёдник тоже опустил голову.

Якоб Пфальцман вылез вперед.

– Я доктор Якоб Пфальцман из Лейпцига! Везу декорации и пиротехнические устройства для театра светлейшего князя Геронима Радзивилла!

– А, Геронима Радзивилла? А не являются ли эти декорации только, так сказать, декорациями? – язвительно отозвался высокий улан. – Может, вы помогаете пану Радзивиллу готовить восстание против нашего законного короля? Покажите, что везете!

– По какому праву? – возмутился герр Пфальцман, который привык, что имя Радзивиллов вызывает у встречных обычно благоговейный ужас.

– По приказу генерал-майора Александра Сапегы! – ответил улан, и Прантиш вскинулся: вот так шанс!

– А где сейчас светлейший пан Сапега?

– А тебе что за дело, немчик? – презрительно бросил улан, и палаш из ножен немного выдвинул, чтобы поугагать сорванца. Прантиш же забыл, в каком он сейчас виде. Но лишаться шанса встретиться с Сапегой было нельзя. Вырвич соскочил с брички, приблизился к улану и начал объяснять о тайном и срочном послании.

– Недавно к пану Сапеге приехал молодой казак, весь оброслый... Пришлось его побрить, чтобы прочитать на его черепушке написанное квасцами послание. У тебя тоже нечто подобное? – насмешливо поинтересовался улан. – Ты же понимаешь, что если ветром торгуешь, наши сабли быстро проветрят твои внутренности.

Прантиш положил руку на свое оружие:

– Слово шляхтича! Если немедленно проводите меня и моего доктора к князю Сапеге, генерал только рад будет.

А за его спиной уже дышал Лёдник, готовый защищать молодого хозяина. Пфальцман утирал носовым платком взмокший лоб, сообразив, что попал в руки врагов своего клиента, не менее влиятельных, чем тот, а рядом громоздилась закутанная полотнами железная черепаха.

Глава шестая

Кощеи Слуцкого замка

Для людей слишком суетливых, которые хватаются, как младенец за погремушку, сразу за несколько дел, мыслители прошлого советовали разводить в доме траву ленец, или каменеломку, которая приводит жидкости тела в гармонию и успокаивает. Вокруг князя Александра Сапеги ленцу с его нежными белыми да лиловыми цветами следовало прорасти через все стены. Может быть, хоть тогда этот низкорослый шуплый человечек с большим носом и близко посаженными глазами, в несуразно большом парике и в парчовом жюстокоре с сугробами брабантских кружев, присел бы хоть на минуту да остановился бы на одном из многочисленных своих планов. На портретах Сапега выглядел как молодой античный бог с покровительственным взглядом. Но теперь Прантиш даже не ревновал очаровательную Полонейку, от которой передал князю письмо с идеально восстановленной печатью. Конечно, если нужно идти к алтарю, даже самый плюгавый магнат покажется практичным дамам красивей самого пригожего да сильного шляхтича-посконника, но тем же плюгавцам потом и рога охотно наставляют с пригожими да сильными. А вспомнить еще о Сапеговой женушке, которая ублажала сына королевского амарата...

Сапега раздраженно бросил письмо от Богинских на столик с серебряным прибором для кофе.

– Легко сказать – «с помощью Девы»! А как до той девы добраться, я что, должен штурмовать Слуцкий замок? Хватит, отец навоевался, едва половину имений не потеряли! – кричал Сапега, намекая на недавнюю внутреннюю войну, когда магнаты объединились против рода Сапегов, который слишком набирал мощи. – А эта лысая паскуда Радзивилл чихал даже на Трибунал!

По обоям с золотыми цветами скользили странные тени, порожденные пробежками князя перед канделябрами. Лёдник почтительно кашлянул, чтобы привлечь внимание хозяина.

– Могу я молвить слово к ясновельможному пану? Возможно стоит изменить тактику, *per fas ac nefas*? Можно попробовать проникнуть в замок тайно, в чужом облике.

Сапега злобно взглянул на Лёдника. Доктор выглядел, как должно: аккуратный белый парик, также выкупленный у Пфальцмана, немецкая одежда, шляпа, перевязанная чистой шелковой белой лентой, сабля... Даже лицо, согласно светским обычаям, доктор напудрил и румяна наложил, от чего вид у него был спесивый до невозможности. Знал бы князь, что этот важный ученый муж всего только пожизненный бесправный слуга молодого шляхтича Вырвича, на которого Сапега не обращал никакого внимания... От этой мысли Прантиш выше задрал подбородок и пожалел, что у него еще не растут усы.

Сапега остановил взгляд серых глаз на докторе.

– Вы что, герр Лотман, думаете, у меня в Слуцком замке шпиков нет? Да здесь вся земля нашпигована шпиками, как окорок – чесноком. Шпики здесь, шпики там, двойные, тройные... И наконец все упирается в то, кто кого первый продаст и купит. Мне донесли, что панна Соломея Ренич, которую, как вы утверждаете, хорошо знаете, жива. Но где ее держит князь – никто не догадывается.

Лёдник не сдержал вздоха облегчения, а Сапега только махнул рукой.

– Но можно ли этому верить? И в любом случае ее стерегут так, что подобраться невозможно.

Лёдник сжал губы.

– Но я смогу! Радзивилл мне поверит. Я теперь – немец, который приехал вместе с Пфальцманом демонстрировать новое мощное оружие, я – известный доктор, это подтвердит тот же Пфальцман... Мои услуги могут понадобиться всем, даже князю Герониму.

Сапега отбежал в другой угол комнаты и начал взлохмачивать свой парик, раздумывая. Вырвич воспользовался моментом, чтобы выяснить отношения со слугой.

– Что значит – «я смогу»? А я?

– Твоя миссия окончена! – Лёдник был суров, как ветер в феврале. – Письмо передал, дукаты получил... Все! Это мое личное дело! Нет никакой надобности рисковать жизнью благородного шляхтича ради бедной мешанки...

– А я не позволяю тебе отправляться без меня! – внятно шепнул Прантиш, достав на минуту из кармана сложенную бумагу о покупке алхимика.

– Глупый мальчишка! – прошипел Лёдник, его лицо даже пятнами пошло. – Останешься здесь!

– А не тебе приказывать! Вот я захочу – и совсем никуда тебя не отпущу! – с удовольствием прошипел в ответ Прантиш, который ни за что не хотел упускать возможности поучаствовать в опасном и интересном приключении. – Тебе же нельзя соваться в замок, кто-нибудь может узнать даже в немецком костюме.

– Моя жизнь ничего не стоит! – доктор от злобы едва не плевался желчью.

– Ну как же, стоит! – многозначно промолвил Прантиш, намекая на свой шелег. Алхимик наконец заткнулся, злобно посматривая на школяра. Сапега вернулся к столу, не обратив внимания на разъяренное перешептывание гостей.

– Может быть, попробовать взяться за сковородник, если меч сломан... Но тогда я должен отпустить к Радзивиллу машину, которую вы называете смертоносным оружием! А он неизвестно, что с ней наделает! – Сапега отхлебнул из серебряного кубка кофе. Тот, очевидно, совсем остыл, потому что князь скривился и выплюнул его назад, но слугу звать не стал, не желая лишних ушей.

– Ваша княжеская милость, насколько я смог рассмотреть, эта машина слишком медленная и неповоротливая, – напряженным голосом заговорил Лёдник. – Эффектности в ней больше, чем реальной пользы. Новый водяной двигатель – вещь ненадежная, такие во время экспериментов часто взрывались. Скорость такой машины будет не быстрее чем три версты в час, человека не обгонит. К тому же на своем топливе проедет не более полверсты. Она будет пугать, но не убивать армии.

– Что же... – Сапега снова забегал туда-сюда, трогая руками то посуду на столе, то канделябры, то собственный нос. – На такой риск можно было бы пойти, если бы я был уверен, что вам удастся привести ко мне дочь полоцкого книжника живой...

– Я освобожу ее, или умру сам! – заверил Лёдник таким тоном, что сомнений возникало не больше, чем в намерениях пули, которая летит к твоему лбу.

– И приведешь сюда!

– Но только при одном условии, простите мою дерзость, ваша мось...

– Каком условии? – нахмурился Сапега.

– Если вы дадите свое шляхетское слово, что в ваших руках панне Соломее ничего не угрожает, что она не станет пленницей и вы не вынудите ее ни к чему против ее воли!

Лёдник почтительно склонился, но было понятно, что не отступит.

– Слово Александра Сапеги – я ничем не обижу девицу.

Прантиш заметил, что князь немного скривился, что означало – давать слово ему не с руки, и задал вопрос, который возник сам собой:

– Ваша княжеская милость, но мы лучшим образом выполним свою миссию, если будем знать: что в действительности нужно высоким панам от Соломеи Ренич? Ну не защитит же

права полоцкой мещанки? Ваша мость, вы можете нам доверять, ибо мы уже рисковали своей жизнью, вызвав гнев Радзивилла, и в дальнейшем нас ждет смертельная игра.

Прантиш знал, что против его доверчивого тона и умоляющего взгляда честных голубых глаз не устоит никто. Сапега скользнул глазами по гостям, обежал помещение, заглянув под портьеры, даже выглянул за дверь... Приблизился к Лёднику и Вырвичу вплотную – у Прантиша от резкого запаха модных духов с мускусом и лавандой защекотало в носу – заговорил шепотом.

– Когда я стал полоцким воеводой и впервые приехал в город, мне рассказали о его чудесах... И о подземельях. Многие пробовали там искать – библиотеку Софийского собора, клады... Папа римский Георгий, Иван Грозный, иезуиты обшарили все, что могли. Признаюсь, пробовал и я посылать людей в подземелья. Но далеко ни разу не прошли, то вода, то завалы. А однажды полезли в ход да четверо от плохого воздуха задохнулись. И мне посоветовали обратиться к местному купцу Ивану Реничу, который любит по этим подземельям лазать. Но этот мошенник не признался, нашел ли что-нибудь.

Лёдник шумно выдохнул, но сдержал гнев за такой неуважительный отзыв о его наставнике.

– Нужно было этого купчину не выпускать из-под надзора... – с досадой отметил Сапега. – Но он показался мне таким чудачком! А тут начался мор, и только после того, как ушла зараза, а Иван Ренич умер, мне доложили, что, похоже, он нашел вход в хранилище. А там не только библиотека Софийского собора, но и одна... реликвия... Иначе Мартин Радзивилл к нему лично не приезжал бы.

– А что за реликвия, ваша мость? – поинтересовался Вырвич. – И у кого она сейчас?

Сапега поколебался, но продолжил шептать, только еще более тихо.

– О подскарбии Александре Солтане слышали?

– Это который триста лет назад стал рыцарем Гроба Господня? – уточнил Лёдник.

– Да, он самый... – Сапега снова тронул себя за нос. – Солтан явился к Папе с жалобой, что в Великом княжестве Литовском угнетают православных. И папа дал ему поручение... взамен которого обещал поддержку. Привезти из Иерусалима одну святыню... Она попала туда из Чехии. Когда Сигизмунд Люксембург воевал с воинами Гуса, то, спасая самые великие реликвии Праги от еретиков, спрятал их на двух телегах с рыбой и отправил в Нюрнберг. Но по дороге телеги перехватили, и самая великая святыня была забрана. Говорят, это сделали пражские розенкрейцеры и передали забранное в Иерусалим, в Храм Гроба Господня.

– Розенкрейцерам, которых никто толком не видел, приписывают самые невероятные поступки, – заметил Лёдник. – Я бы не всему верил, ваша мость. Я жил в Праге, бывал в Нюрнберге, слышал о двух телегах с рыбой... Но о похищении реликвии – ничего.

– И не должен был слышать, – немного раздраженно объяснил Сапега. – Чтобы не делать шума, похищенное подменили подделкой. И теперь Папа хотел настоящую реликвию вернуть себе. Но Александр Солтан, побывав в Иерусалиме, в Рим не вернулся. Поехал в Португалию, Францию, Англию... А когда вернулся на родину, католики его с амвонов в Вильне собакой обзывали. И никакой грамоты от Папы у него не было о покровительстве. Зато в Полоцкой Софии за здоровье Солтана начали каждый день служить молебны. Значит, туда святыню передал, надеясь защитить братьев по вере, а монахи ее спрятали в подземельях.

– Так что это за святыня, ваша княжеская милость? – нетерпеливо прошептал Прантиш.

Сапега отвел глаза.

– Она долго переходила из рук в руки, являясь частью императорских регалий. Император Константин, Оттон Великий, Карл Великий, Барбаросса... Все с ней в руках короновались. Короче, владелец этой реликвии – властелин над властелинами! – голос Сапеги даже возвысился и сорвался на дискант от восхищения. – Если бы кто из Речи Посполитой ее заимел! Тогда и Богинские, и Чарторыйские, и Пацы – все соберутся под его стяг!

Сапега явно мнил на месте счастливица себя.

– Рамфея! – выдохнул пораженный Лёдник догадку, и Сапега бросил на слишком сведущего доктора предостерегающий взгляд.

– Не важно... Главное, Иван Ренич знал, где она находится. И себе ее точно не забрал. Но только избранный человек может пойти в подземелья, и такой человек может привести своего преемника только добровольно, после соответствующих испытаний. Потому Мартин Радзивилл и уговаривал Ренича по-хорошему... Но когда тот умер, хранительницей полоцкой тайны стала его дочь.

– Почему вы так в этом уверены? Она сама призналась? – напряженно спросил Лёдник. Сапега выпрямился, видимо, совсем заскучав от вынужденного пребывания в одной позе, и снова забегал по комнате, заговорив в полный голос.

– Призналась, не призналась – больше некому! Между хранителями должно быть либо кровное, либо духовное единство. Поэтому и панна пока живая, и, наверное, здоровая. Теперь Героним Радзивилл надеется стать хранителем... и властелином реликвии. А этого допустить нельзя!

Сапега наконец остановился, в своем взбитом тучкой парике похожий на ушастого краснолюдка-гнома.

– Решено – отправляетесь с Пфальцманами! Постарайтесь войти к Герониму в доверие, хоть это практически невозможно. В замке можете рассчитывать на директора театра Пуччини. Радзивилл его жену вынудил вместе с другими актрисами изображать мраморные статуи богинь во время бала. Бедняга не выдержала бесчестия и умерла. Впрочем, все слуги, прислужники и придворные своего пана ненавидят люто, – ухмыльнулся Сапега. – Но все запуганы до мышиного писка. И еще один человек вам пригодится... Пойти с вами не сможет – там его хорошо знают, но, чтобы достать пана Геронима – жизни не пожалеет.

Сапега высунулся из двери и окликнул:

– Игнась!

Через минуту в кабинет вошел высокий дюжий шляхтич в сарматском костюме, с пышными светлыми усами и длинным чубом. Глаза шляхтича смотрели уверенно, как у опытного воина.

– Знакомьтесь, пан Игнась Менчинский! Брат последней жены князя Геронима. Когда приехал заступаться за сестру, князь отправил его назад в карете на овальных колесах. Так?

– Так! – сквозь стиснутые зубы ответил шляхтич, и его глаза – даже в тусклом свете свечей это было видно – запольхали огнем ненависти за пережитый позор.

– Сестра пана Менчинского сейчас в безопасности, у родителей, потому пан Игнась ничем не связан. И поможет вам, если что, со своими жолнерами...

Лицо пана Менчинского даже засветилось от предчувствия мести – было понятно, что полетит за врагом, если дать сигнал, как выжлец за кабаном... Прантиш искренне позавидовал усам пана Игнася. А еще обидно сделалось при мысли, что Лёдник, как всегда, понимает в услышанном намного больше своего хозяина.

Во мраке и дожде огни факелов казались размытыми пятнами. Пфальцманы были счастливы и переполнены благодарностью – так как убеждены, что только благодаря связям благородного юноши их отпустили. Фрау Эльза гладила Прантиша по непослушным вихрам с настоящей материнской лаской, видимо, прикидывая, что могла бы иметь такого ладного сына. Можно было надеяться, что настоящих имен своих коллег они не выдадут. Ждать, пока рассветет, никто не стал. И через час железная черепаха закатилась в ворота Слуцкого замка.

Лёдника и Прантиша, простите, герра Лотмана и его ассистента Франца Магнуса поселили в помещении малого дворца Нижнего замка, рядом с Пфальцманами. Не в самой шикарной комнате, но там все-таки имелась большая кровать на саксонский манер, которую Лёдник,

как положено слуге, уступил Прантишу, а сам, поджав длинные ноги, улегся на оттоманке у камина.

Будто бы уютно... Сухо, тепло... Лучше, чем дома в Подневодье, где Прантиш и отец спали на твердых скамьях. А отец часто еще, ради воспитания шляхетского духа, будил сын с первыми петухами, а то и среди ночи выстрелом в потолок, так что оный потолок напоминал решето. И камин здесь недавно топили. Но школяру казалось, что он лежит не на перине, а на тонком льду, который вот-вот может растаять, и провалишься в знаменитые подвалы-пыточные. Даже в ночной тиши мерещились призрачные крики. Прантиш, борясь с ночной дремой, еле дождался, пока Лёдник пробормочет положенные вечерние молитвы, вымолвит «Аминь» и уляжется, и спросил:

– А что такое рамфея? Из-за чего весь этот сыр-бор?

Лёдник недовольно заворочался на оттоманке:

– Копье. Копье святого Маврикия. Некоторые считают, что это именно то оружие, которым сотник Лонгин на Голгофе проткнул бок Господа нашего Иисуса Христа, когда тот умирал на кресте. Но, скорее всего, оно принадлежало святому Маврикию из христианского римского легиона, уничтоженного по приказу императора. Согласно легенде, достойный этой святыни человек обретет особенную мудрость и божественное покровительство.

Где-то завyla собака, потом захлебнулась, завизжала, будто ее сильно хлестнули, и наконец умолкла. Прантиш помолчал, подумал:

– А как целое копьё можно было прятать, туда-сюда возить?

– Речь идет всего лишь о наконечнике! Составлен из двух половин и гвоздя от креста Господня, обмотанных по приказу Оттона Первого серебряной проволокой. Все? Я могу наконец уснуть, мой пан? – ядом в голосе доктора можно было убить всех крыс Слуцкого замка. Но Вырвич уже привык к шипению и крикам своего слуги, и заговорил снова:

– Доктор, а, доктор! А ты не думаешь, что, хоть Сапега и дал слово, когда мы передадим Соломею в их руки – получится из печи да на сковороду? От нее же все равно будут требовать выдать тайну...

На этот раз Лёдник не выругался и ответил, помолчав, холодным, как клинок, голосом:

– Думаю. Мои мозги так уж устроены, что не могут не думать. Но сначала нужно решить одну проблему, а потом браться за следующую.

Снова помолчал и молвил, теперь уже совсем мрачно:

– И если вы сейчас же, хозяин, не умолкнете и не дадите мне воспользоваться возможностью, может, последний раз в жизни нормально выспаться, я не посмотрю на все тонкости отношений сюзерен-раб, и выдеру вас по тому самому месту, которое вы не однажды, наверное, подставляли вашим бедным учителям.

У Прантиша не нашлось сил на возмущение дерзостью слуги, глаза слиплись, будто их склеили смолой Ночницы, и школяр провалился в сон.

Снились ему бесконечные анфилады пустых комнат со шпалерами в золотые цветы, плыло по паркету широченное платье-роговка панны Полонейки, расшитое жемчугами. Дочь воеводы серебристо смеялась, все время то приближаясь, то отдаляясь от Прантиша, который пытался ухватить хоть за полу ее платья. А когда ему наконец удалось взяться за край невесомой голубой ткани, с нее посыпались жемчуга... И с мелким стуком сыпались, сыпались, все быстрее, сливаясь с хохотом панны, и наконец Прантиш с ужасом заметил, что вся панна рассыпается на мелкие жемчужинки, ее фигура утончается, тает... И наконец на полу остались лежать ровным слоем только жемчужины, а смех панны все звучал, звучал... И жемчуга все прибавлялось... Его насыпалось столько, что шуршащие сугробы поднялись по колено Прантишу, выше, выше... Вырвич уже не мог идти, разгребал непослушные жемчужные сугробы руками... А Богинская все смеялась... Громче... Громче...

Прантиш проснулся от карканья ворон. Похоже, эти птицы будут преследовать его теперь по жизни. Есть же такое поверье, будто каждому человеку соответствует не только темперамент, определенный повышенным содержанием в организме какой-то жидкости – воды, крови, флегмы или желчи, – но и какое-то животное, растение, минерал, цвет, цифра... По всему выходит, что Прантишева птица – не орел, не голубь, и не ласточка, а ворона... Вот же позор, только бы кто-нибудь не узнал.

Лёдник брился перед трюмо из черного дерева, наклонившись над медным тазиком. Он что-то проворчал, похожее на «наконец васпан сделал одолжение встать» и продолжал плодотворное занятие. Прантиш с разочарованием провел ладонью по своему гладкому подбородку, будто надеялся, что за ночь на нем начнет расти борода. Сполз с кровати, мимоходом отметив, что мелких кровососов, которые так портят ночлег даже во дворце, здесь почти не было, будто даже блохи и клопы чувствовали себя в этих стенах неуютно... Приблизился к небольшому, закругленному вверху окну, за которым слышалось карканье. В окно были вставлены стекла, а не какая-нибудь промасленная бумага или бычий пузырь... И через это стекло парень увидел привязанные к столбам не совсем свежие трупы.

Ясно, что умершие отошли смертью насильственной и мучительной, по воле князя. По остаткам одежды можно было понять, что это не крестьяне. Ворона уселась на череп с прядями седых волос... Прантиш отвернулся. Лёдник бросил острый взгляд на его побледневшее лицо, ополоснул руки в тазике, аккуратно вытер полотенцем – каждый палец отдельно, как, наверное, приучился за время лекарской практики.

– Значит так, юноша. Игры закончились. Теперь мы танцуем со смертью. Князю Герониму в глаза не смотреть, кланяться как можно ниже и чаще, не переломишься, на колени падать тоже не стыдись. Не забывай: ты – немец. Тупой немецкий недоученный студент, бурш, который ни слова по-здешнему не понимает. Поскольку при дворе, и особенно в гарнизоне, на немецком языке говорят почти все, если придется открыть рот – фразы повторяй только те, которые мы с тобой выучили. Если что – я сам все за тебя скажу. Ясно?

Прантиш смотрел на суровое лицо Лёдника и чувствовал, как по спине побежал холодный озноб. Вдруг в замковом дворе что-то залопотало, застучало... Наступало время железной черепахи.

Вырвичу не пришлось долго гадать, почему Лёдник так серьезно поучал его поведению с хозяином этого замка. Проще было угодить истеричной панне, которая одновременно требует закрыть окно, так как дует, и свежего воздуха, так как душно. Тяжело было удержаться и от опасного выражения лица при взгляде на князя. Ибо ему действительно более всего подходило название «дикий», как говорили о нем те, кто от него не зависел. Князь Героним был в сарматском костюме: темно-синий кунтуш с золотыми шнурами, кармазиновый сурдут с алмазовыми гузами, подпоясанный шикарным литым поясом, такие ткали тут же, на знаменитой слущкой персиярне, соболиная шапка с огромным алмазом. Сабля-карабела переливалась яхонтами и смарагдами. На бледной с желтизной коже нелепо выглядели черные густые брови и черные глаза, которые блестели, как у сумасшедшего. Нервные ноздри раздувались, будто князь все время ждал нападения – хотя скорее всего именно так и было. Длинные черные с сединой усы прятали узкие губы. Зрелище становилось еще более диким, когда князь снимал шапку, поскольку голова его была совсем лысая, блестящий череп напоминал острый конец яйца. К этому еще можно прибавить, что все княжеское лицо покрывали морщины, как пустой кошель, при этом князь был щуплый, но с большим животом, свисающим над поясом, плечи приподняты, как у волка, что собирается прыгнуть на свою жертву... Он напоминал древнего Кощея – людоедское языческое божество пуши.

Прантиш, потирая натруженные за утро возней с железным нутром немецкой машины руки, скромно стоял за спиной Пфальцмана, который восторженно объяснял на смеси немецкого, польского и белорусского назначение особых деталей железной черепахи, блестящей

во всей красе посреди двора и действительно способной вызвать восхищение и испуг. Эдакий железный скелет дракона с колесами и рычагами внутри и поднятым «задом» – котлом и цилиндром двигателя. Не зря Лёдник и Прантиш сегодня хлопотали, помогая немцу подготовить машину к демонстрации.

– Хочу п-посмотреть, как она р-работает! – заикаясь, высоким бабьим голосом затребо-вал князь.

– Как прикажет ваша милость! – раскланялся Пфальцман. – Только пусть принесут порох и ядра для орудия!

Прантиш заметил, что Лёдник снова помрачнел: так было, когда всезнающий доктор утром смекнул, что предварительно не заметил вооруженности черепахи, на которую могли устанавливаться маленькие пушки. Теперь, ясно, упрекал себя, что недооценил изобретения однокурсника.

Как договаривались, в черепаху залезли Лёдник и Пфальцман, раздевшись до рубашек. Прантишеву слуге досталась самая неблагодарная часть работы: он должен был поддерживать огонь в котле, нагревающем большую металлическую колбу с водой, откуда пар шел в цилиндр. Все действительно делалось очень медленно. Пока уголь разгорелся, закипела в колбе вода... Пока давление пара сделалось достаточным, сдвинулись с места шатуны, стронулись колеса и колесики... Пфальцман рванул на себя рычаги, и металлические щиты черепахи сомкнулись, так что машина вместе с двигателем оказалась под блестящим панцирем с узкими щелями для наблюдения, вентиляции и стрельбы из пистолетов. У машины было множество маленьких колес на подвижных осях, что, как предполагалось, сделает ее невероятно устойчивой и позволит преодолевать препятствия. Из «головы» черепахи валил черный дым, она свистела, шипела, гудела... Колеса с лязгом сдвинулись, а поскольку на каждом из них была сделана блестящая металлическая нашлапка, казалось, что чудовище перебирает лапами, как огромная сороконожка.

– Пошел! Пошел! Дракон пошел! – испуганно зашептались вокруг. Шаг, второй... Пахолки и пахолики, гайдуки и паюки, венгрики и гусары, машталеры и турчата, которые собрались во дворе, начали отходить, креститься, некоторые сделали то же, что и каменецкие мужики, которые сбежали от Пфальцмана. Женщины и дети визжали... Казалось, железное чудовище не сдержат никакие стены. Потом черепаха застыла, из ее «морды» высунулась маленькая короткая пушка, нацелилась на восточную стену...

– С-стреляй! Вали! – возбужденно кричал Героним Радзивилл, притопывая ногой. Пушка выплюнула ядро... Стена выдержала удар, хотя в ней оказалась заметная пробоина. Последняя челядь с криком рассыпалась по сторонам, двор опустел.

– С-слабо! Мало! – кричал князь. Металлическая пластина отошла, в отверстие высунулось потное, покрасневшее лицо Пфальцмана.

– Ваша мосьт, эта машина может быть вооружена двенадцатью такими орудиями по всему периметру, которые смогут при помощи специальных устройств стрелять одновременно, нанося врагу огромный вред!

– Ну так и установи их! – успокоился пан Героним, заинтересованно осматривая новое оружие. – В Слуцке лучшие людвисарни края! Будешь здесь жить, пока все не доведешь до совершенства.

Над замковым двором кружили испуганные вороны.

– Пфальцман не знает, во что ввязался, – тихо проговорил тоже покрасневшийся от пребывания в адской машине Лёдник Прантишу на ухо, когда они шли во дворец, отстав от остальных. – Мне здесь рассказали, как князь выписал швейцарца, который должен был поставить ему в Слуцке конный памятник. Но пан Героним так замучил мастера советами и контролем, к тому же приставил к нему специальных людей, чтобы не позволяли употреблять вино, что мастер сбежал. А на прощание оставил хозяину писульку, в которой высказал, что тот не

имеет никакого представления ни о литейном деле, ни об архитектуре. Князь едва желчью не захлебнулся от злости. Так что теперь навряд ли Пфальцману удастся убежать.

Доктор помолчал, пока Прантиш тихо смеялся, и добавил:

– А машина все-таки медленная и неповоротливая. Идею водяного двигателя мы с Якобом вместе обсуждали – теперь с ней носится молодой Кюнье. Тот мечтает передвигать французскую артиллерию с помощью паровых машин, а Пфальцман объединил все в одном: орудия, двигатель и оборонительные сооружения. – Лёдник вздохнул даже немного завистливо, и Прантиш понял, что алхимик все-таки отдает должное изобретательскому таланту однокурсника. – Но с такой малой скоростью и короткой дистанцией – ну сколько того угля можно с собою в машину прихватить? – она пока что не очень удобная. И слава Богу. – И углубился в привычные размышления: – Знаешь, я думаю, Леонардо да Винчи не мог осуществить ни одно из своих изобретений еще и потому, что тогда у военных существовал кодекс чести: позорным считалось бы завоевать победу вот таким приспособлением, а не хитрой стратегией и мужеством воинов. Хотя, может, я их идеализирую, и они просто были недоучками, как наш Август – Пфальцман же ему сначала проект посылал, но король даже не ответил. Зато о машине узнал князь Героним...

Немецкие ученые были удостоены чести обедать в Большом дворце, который также находился в Нижнем замке и был перестроен из того, который возводила еще бывшая хозяйка Слуцка Анастасия Олелькович. За обеденным столом едва ли не тех времен, из дубовых досок толщиной в руку не самого хилого человека, размещалось согласно сарматскому обычаю человек сто. Сколько было выпито под этими высокими сводами, сколько виватов звучало, сколько лихих шляхтичей просто из-за стола отправлялись на дуэль! А потом, если могли это сделать, возвращались в зал, чтобы выпить мировую... Или тот, кто выжил, пил отходную за почившего. Сколько старинных воярских песен проревели здесь луженые глотки!

Но такого магнатского застолья, которое устраивал Героним Радзивилл сейчас, больше нигде нельзя было увидеть. Здесь господствовала тишина: иголка упадет – услышишь. После того, как хозяин уселся за отдельный столик и за его спиной стал пахолок, в чью обязанность входило пробовать каждое блюдо и питье, подававшиеся князю, и гайдук, который по обычаю держал панский палаш, заиграла чудесная музыка. Заскользили за спинами гостей слуги в голубых переливчатых жупанах с золотыми пуговицами, за пояс каждого были засунуты лосиные рукавицы. Но громко разговаривать осмеливался только тот, к кому князь обращался. Остальное время от времени только перешептывались, стараясь не накликать подозрение хозяина. Пили из драгоценных хрустальных кубков с золотыми напайками в виде зверей, так, чтобы не опьянеть – Радзивилл Жестокий очень не любил пьяных. И это в то время, когда пристойным считалось, чтобы гости, нацеловавшись с кубком, валились под стол. Никто не произносил витиеватых тостов, не пили из тувельки прекрасной дамы... Да и дам за столом совсем не было – Героним Радзивилл их тоже не любил, точнее, презирал и остерегался «крашенных лисиц». Только статуи белых античных богинь украшали помещение, а между статуей так же неподвижно стояли гранд-мушкетеры князя Геронима, в синих мундирах с белыми отворотами, в шляпах с перьями, со шпагами, на ножнах которых блестели драгоценные камни... Прантиш вспомнил рассказы о крепостных актрисах, которых вынуждали изображать статуи, присмотрелся... И действительно, мраморные богини дышали! Напротив Лёдника и Прантиша сидел толстоватый человек в голубом камзоле, с живыми черными глазами. Прантиш слышал, как Лёдник тихонько обращается к человеку «сеньор Пуччини», и понял, что это и есть агент Сапегов, директор оперной труппы слуцкого театра. Значит, доктор уже наладил нужную связь... Как опытный шпион.

Пан Героним был в необычайно хорошем настроении, если судить по радостным лицам придворных. Похоже, новая игрушка в виде железной черепахи ему очень понравилась, и он уже планировал, как с ее помощью карает врагов, а среди них даже значились все княжеские

родственники. Пфальцман снова красноречиво описывал возможности своего изобретения, но князь остановил взгляд на другом немце, а именно на Лёднике.

– А в чем т-твой ученый коллега с-сведущ?

К счастью, об отказе однокурсника от астрологии герр Якоб был предупрежден. Поэтому Пфальцман, не кривя душой, расписал отличные лекарские способности герра Лотмана, которому преподаватели Лейпцигского университета пророчили славу нового Парацельса. И здесь ключ попал в замок. Князь принадлежал к людям, которые подозревают в себе кучу всевозможных болезней. Это сочеталось с постоянным подозрением, что его травят, неправильно лечат, наводят порчу и так далее. Поэтому князь все время нуждался во врачах, но врачи при нем надолго не задерживались... И не всегда им удавалось съехать от капризного пациента. Часто они просто исчезали. Вот и сейчас князь остался практически без врачей – двух уцелевших от княжеского гнева несчастных итальянских клистирников Героним не желал видеть, они сидели, запертые в комнатах, и пили отвар валерианы. Поэтому немецкий врач был здесь очень кстати. Настолько, что черные глаза Радзивилла загорелись диким огнем, и князь сразу потребовал, чтобы герр Лотман осмотрел его и вынес свой вердикт. Лёдник бросил на стол салфетку и покорно наклонил голову. Прантиша послали за Лёдниковым добротным кожаным чемоданчиком с обязательным набором инструментов и лекарств, одолженным у Сапеговского доктора.

Когда князь и Лёдник исчезли за дверью с орлами в сопровождении двух гвардейцев, наступила тишина, которую нарушали только осторожные постукивания ложек о модные фарфоровые тарелки, да временами боязливый шепот гостей. Испуг на лицах многое сказал Вырвичу. Ясно, все беспокоятся, что лекарский осмотр разозлит князя, потому что так, видимо, случалось часто, и тогда достанется всем. Даже живые статуи задышали чаще, одна случайно переступила с ноги на ногу, и тут же замерла под злобным взглядом княжеского придворного маршалка, толстого, как жаба, который должен был следить за совершенством декораций.

Вырвич ощущал в животе ледяной ком. Тем более и сеньор Пуччини посматривал на него сочувственно. Минул, похоже, целый час... Никто не осмеливался встать с места, хуже всего доводилось неподвижным мушкетерам и скульптурам. Музыканты начали играть очередную мелодию, которой Прантиш по причине своей музыкальной необразованности узнать не мог, но звучала она очень жалобно, будто какого-то мученика на цепи водили, даже слова из корчемной песни о сиротке Дороте чудились. Кусок в горло не лез, хотя стол был богатейший: таких чудищ, которые красовались на серебряных блюдах, Вырвич никогда не видел. Птицы с вывернутыми крылышками и шеями, фаршированные грибами и фруктами... Щуки, с головы отварные, внутри запеченные, у хвоста жареные... Кабанчики с приставленными крыльями... Серебряные сервизы – сложные конструкции из тарелок на изящных маленьких колоннах, украшенные изображениями античных богов, уподоблялись знаменитому рогу козы Амалфеи, на них навалили всяческие вкусоности, от лимонов до марципанов. На нижней тарелке понемногу таяли «итальянские лёды», и каждый сервиз стоял на круглом зеркале. Роскошь!

А есть не хочется.

Грохнули двери... Князь Героним вошел в зал порывистым шагом, его уста кривились довольной улыбкой, а улыбался князь в последний раз, видимо, когда собаки на его глазах рвали зашитых в медвежьей шкуры вождей Кричевского восстания. Весь зал одновременно будто выдохнул с облегчением, как только потолок не приподнялся. За князем с каменным надменным лицом шагал Лёдник.

– Неп-ременно сегодня же все ваши от-твары должны быть готовы! – объявил по-немецки князь Героним и торжественно уселся на свободное место. – Займешь должность моего личного д-доктора! Италийцев вон! Д-двадцать дукатов в месяц даю! Я всегда г-говорил, что немецкая мед-дицина самая лучшая! – и перешел на белорусский:

– Сейчас же п-подать мне овсяной каши и к-кусочек отв-варной говядины...

– Только все ешьте без соли, ваша княжеская милость! – своим низким голосом немецки промолвил Лёдник, и можно было понять, что это князь не откладывая начал придерживаться прописанной им диеты.

– Слышите, неучи? без соли! Т-только травить меня с-способны копченым да жареным! При моих больных почках!

Пахолки забегали с таким ужасом на лицах, будто кусок говядины сейчас вырежут из их бедер. Теперь все внимание сосредоточилось на чудо-лекаре. Лёдник был на высоте. Он тарабанил по-немецки о солях и минералах, жизненных соках и энергии луны так убедительно, что даже Прантиш, который понимал с пятого на десятое, заинтересовался.

Вдруг князь резко поднялся, музыка сразу же стихла, будто перерезали струны, и бросил в сторону Пфальцмана и Лёдника:

– Идемте, немчуки, мне н-нужны советы хороших знатоков.

Пфальцман успел вернуть что-то о том, что его милость князь Радзивилл и сам отличнейший дока всех наук и ремесел, но на князя нашла истерическая жажда деятельности. Он, естественно, под присмотром четырех янычаров в намотанных поверх бобровых шапок белых турбанах, таскал немцев по всему дворцу, рассказывая о грандиозных задумках, которые частично начал осуществлять. Большой дворец Нижнего замка был действительно огромен, но одноэтажный, покрытый гонтой – деревянной черепицей, с высоким цокольным этажом. При князе Герониме здесь прибавились два алькежа – боковые пристройки, полукруглый выступ с фасада, подросли две башни – князь явно стремился догнать в роскоши своего слущкого жилья несвижского племянника «Пане Коханку». А Радзивилл все еще много планировал, о чем вдохновенно и рассказывал своим немецким спутникам: создать оранжерею из кактусов, удивительных колючих растений из Америки, чтобы росли до самого потолка, провести переговорные трубы, чтобы из любого помещения крикнуть в такую – и услышат в самой далекой комнате. Сделать стеклянную комнату, в которой будет искусственное море, чтобы наблюдать за жизнью морских чудовищ – переплюнуть «Пане Коханку», у которого рыбы плавали над стеклянным потолком... Показал паноптикум, в котором собрал чудеса – от восковых кукол в человеческий рост, которые умели танцевать и говорить, до заспиртованных двухголовых телят, огромный глобус и даже модель солнечной системы – медная Земля на ней могла двигаться вокруг позолоченного Солнца, бронзовая Луна – вокруг Земли. И Прантиш, который послушно носил за Лёдником его лекарский саквояж, вдруг увидел перед собой другого человека, того, который мог бы состояться – но остался только частью личности развращенного деспота. Человека пытливого, смелого в догадках, алчущего знаний... Да, он в обычных обстоятельствах был бы тоже не самым совершенным человеком – обидчивым, легко раздражаемым... Но, если бы должен он был заниматься каким-то полезным, конкретным делом, то в чудовище, которое страдает само и мучает других, превратиться бы не смог.

Собственно говоря, от немцев требовалось только соглашаться и восхищаться. Наконец, князь остановился в недавно отстроенной галерее, завешанной фамильными портретами и гобеленами с изображениями славных битв, в которых участвовали Радзивиллы, сверкнул дикими черными глазами.

– А теперь я покажу вам Сильфиду. Я поймал ее сам, заманил мудростью своей. Но здесь, на земле, в грубой материальной среде, Сильфиды ощущают себя нехорошо. И вы, герр Лотман, должны посоветовать, как подлечить это небесное существо, которое сейчас приняло облик и тело земной женщины. Говорить с ней я вам запрещаю, но осмотреть, только осторожно и в моем присутствии, вы ее сможете. Но запомните: если после вашего визита это существо продолжит болеть, я очень разочаруюсь в вас, мои уважаемые немцы.

Пфальцман побледнел и вытер лоб платком, продолжая восхищенно-униженно улыбаться. Лёдник только молча склонился, а Прантиш снова почувствовал позорный для шлях-

тича страх: сумасшедший! Этот Героним – настоящий сумасшедший! Не меньший, чем его брат. Справится ли на этот раз Лёдник? Это же не человека лечить... Что за чудовище или призрака князь держит у себя?

Глава седьмая

Сильфида Слуцкого замка

К Сильфиде нужно было подниматься на верхнюю площадку правой башни. Там находились окованные железом двери с замками и засовами, и еще скучали двое караульных. Пфальцман остался на лестнице, справедливо считая, что чем меньше магнатских тайн знаешь, тем дольше проживешь. Двери тяжело распахнулись, будто крышка саркофага. Первым вошел князь, за ним – Лёдник и Прантиш.

Убранство небольшой комнаты было похожем на восточную сказку: шелковые шпалеры и покрывала нежных окрасок, кружевные занавески, красный мохнатый ковер, на котором рассыпаны яркие оранжерейные цветы... Свет сочился сквозь витражи – рисунок на них изображал цветы лилий. Воздух, казалось, можно потрогать рукой, в нем танцевали, извивались, таяли струйки дыма от восточных благовоний. К навязчивому мертвому аромату добавлялся будто снятый с витража огромный цветок лилии в серебряной вазе. Но вся эта роскошь терялась при взгляде на существо, которое неподвижно сидело на застланном белым ковром диване и безучастно смотрело перед собой огромными синими глазами. Прантиш даже споткнулся... Ему стало обидно бы за Полонейку Богинскую, которая на фоне этой женщины, намного старшей, казалась эдакой обычной курносой девчонкой, если бы он заранее не знал, что имеет дело с существом неземного происхождения. Сильфиде – можно быть такой прекрасной.

Стихийный дух был одет согласно последней дворцовой моде – белое платье из шелка и кружев, невероятно тонкий стан, затянутый в корсет, высокий парик, украшенный перлами, набеленное и нарумяненное лицо, подведенный черным изгиб бровей, мушка на правой щеке... Диаманты сияли на безупречной коже пани так естественно, как роса на лепестках белой розы. В ее облике были и изысканность, и величие, которое может исходить только изнутри, из души. Правда, когда первое восхищение прошло, Прантиш заметил, что Сильфида действительно чувствует себя не очень хорошо: на лице с тонкими, точеными чертами заметны дорожки, которые получают на пудре от слез, большие глаза с длиннющими черными ресницами покрасневшие, совершенные губы – с горькой складкой... А руки такие тонкие, белые, словно прозрачные. И даже не шевельнулась, взгляд не перевела, будто совсем потеряла волю к жизни.

Князь Героним заговорил, стараясь смягчить голос:

– Дорогая, я привел отличного доктора. Его зовут герр Бартоломей Лотман, он немец, не понимает ни слова по-нашему, так что не пробуй с ним заговорить, не трать понапрасну сил. Но он непременно поможет тебе почувствовать себя бодрее! У нас же еще столько дел, дорогая моя панна!

При последних словах хозяина дворца Сильфида чуть подала признаки жизни, уголки ее губ покривились. Лёдник, который, похоже, был поражен видом неземного существа еще больше Прантиша, к злорадной радости последнего, приблизился к стихийному духу и медленно опустился перед ним на колени, так, что его лицо очутилось просто перед синими грустными глазами... И те внезапно расширились, в них что-то полыхнуло, от чего Сильфида показала еще больше прекрасной. Она прерывисто вздохнула и немного откинулась назад.

– Не бойся, милая, доктор не сделает тебе ничего плохого, – успокаивающе проговорил князь Героним. Но Прантиш видел, что в глазах Сильфиды был не испуг, а... что-то другое. Между тем Лёдник осторожно, как будто дотронулся до хрупкого хрусталя, взял тонкую руку Сильфиды. Нашупал пульс, нежно-нежно, будто лаская пойманную птицу... Потом проверил пульс на другой руке... Прантиш стоял сбоку, поэтому мог видеть, в отличие от князя, что

Лёдник и Сильфида неотрывно смотрят друг другу в глаза, будто ведут неслышную другим беседу. Вот же доктор-проходимец... Даже со стихийным духом поладил!

Между тем Лёдник осторожно отпустил руку Сильфиды, Прантишу показалось, даже слегка ее пожав, и склонился ниже... Как священный покров, завернул наверх подол платья из белой жесткой парчи, открыв ножки панны в малюсеньких, шитых серебряными нитями, туфельках. И Прантиш увидел, что к левой ножке неземного существа прикреплена тонкая блестящая цепь, которая вторым концом уходит под диван. Лёдник осторожно пощупал ножку, заключенную в браслет цепи, и повернулся к князю:

– Ваша княжеская милость, нельзя ли на какое-то время снять это украшение с ноги панны? Я чувствую здесь воспаление... По моему скромному суждению, Сильфиде не подо- бает хромать, а это неизбежно, если воспаление не залечить.

Радзивилл недовольно кивнул слуге, тот отомкнул браслет на ноге Сильфиды, которая не шевельнулась, продолжая изучать лицо доктора. Лёдник – вот же вольности ремесла! – провел руками вверх по ножке, раз – и шелковый чулок в его руке... А на ноге Сильфиды, чуть выше лодыжки, открылась только что затянувшаяся рана – такая могла появиться, если бы стихий- ный дух, не обращая внимания на боль от железа, которое впивалось в тело, рвался прочь из цепей, пробовал взлететь в небо, к родным облакам... Прантиш так ярко представил эту кар- тину, что невольно начал искать глазами, где за спиной Сильфида прячет крылья.

Лёдник дал знак Вырвичу подать саквояж, порылся там и достал стеклянную баночку с гадкой на вид зеленой мазью. Когда баночку открыли, оказалось, что мазь еще и воняет болотом. Лёдник начал наносить эти грубые земные лекарства на ножку Сильфиды. Та сидела покорно, смотрела, как будто это доктор был стихийным духом, непонятным образом при- влеченный на землю... А Лёдник склонился низко, едва носом не водил по белой коже паци- ентки... А в конце – Прантиш мог присягнуть – незаметно для князя дотронулся до ножки губами, а Сильфида – снова ничего, только розовые пухлые губы немножко вздрогнули.

«Нужно становиться доктором и лечить прекрасных панночек!» – с завистью подумал Вырвич, представив на месте Сильфиды – Полонейку, а на месте Лёдника – себя.

Лёдник еще и прослушал Сильфиду с помощью короткой трубки с раструбом на конце, и горло ее пощупал, и в глаза заглянул близко-близко...

«Еще немного – и на вкус ее попробует», – раздраженно подумал Прантиш.

Лёдник, однако, понимал, что не стоит испытывать терпение Радзивилла, встал и покло- нился пану.

– Если позволит ваша мосьть, я изъясню результаты обследования, – голос доктора скри- пел, как у ректора во время лекции – никаких эмоций, только вежливый интерес. – Я замечаю приметы изнеможения, в теле нарушен баланс жидкостей. Поскольку у существ, именуемых сильфидами, должно быть много воздуха, я бы рекомендовал чаще проветривать помещение, и не заполнять его дымом. Лучше всего держать окно всегда немного приоткрытым, чтобы Сильфида чувствовала свою связь с родной стихией, и это уменьшало ее меланхолию. Нужно укреплять легкие и повышать содержание в крови железа. Я бы рекомендовал диету из кури- ного бульона и отварного птичьего мяса, можно индюшатины, больше овощей и фруктов, грец- кие орехи и изюм. Не затягивать так туго шнуровку на корсете, что мешает панне, у которой и так ослаблены легкие. И по возможности дать покой раненой ноге.

– А чтобы кровь пустить? – нетерпеливо проговорил Радзивилл. – Все мои доктора счи- тали это лучшим средством.

Лёдник почтительно поклонился.

– По моему нестоящему мнению, кровопускание еще более ослабит организм. Если мне будет дана возможность лечить панну хотя бы на протяжении недели, обещаю, что к ней вер- нется жизненный тонус и расправятся крылья. Конечно, здесь лучше всего провести конси- лиум, чтобы мне переговорить с доктором, который наблюдал ее раньше...

Героним Радзивилл нетерпеливо топнул ногой.

– Ее крылья мне без надобности! Сделай, чтобы улыбалась и не теряла сознание! А со своим предшественником ты и так уже знаком – он недели две висит на столбе во дворе. Так что консилиум проводи сколько хочешь! А сейчас мне нужно, чтобы этот... дух смог встать на земные ноги, и, не хромя, с приятным выражением лица, прошел туда, куда я захочу!

Сильфида прерывисто вздохнула, будто сдерживая крик возмущения. Лёдник сразу же заслонил ее от взгляда князя.

– Приложу все усилия!

И принялся рыться в своем саквояже, загремел стеклом... Пахолки были посланы за водой и стаканами. Лёдник поил Сильфиду микстурами, и Прантишу казалось, что он наблюдает какой-то сложный ритуал, смысл которого ему непонятен. Князь нетерпеливо ходил по комнате, подбивая ногой рассыпанные по полу цветы.

Наконец доктор закрыл саквояж и повернулся к князю. Сильфида поднялась, гордо выпрямилась. Теперь глаза ее горели синим презрительным огнем, и князь зловеще улыбнулся.

– Вот это другое дело! Подправить панне вид!

Тут же подлетела прислуга, которой раньше не было видно, будто служили здесь тоже стихийные духи, принимавшие телесные облики по первому приказу хозяина. Женщина припудрила пуховкой лицо Сильфиды, поправила парик, складки на платье...

– Все, пошли проведаем дурака! – властно скомандовал князь и бросил Лёднику: – Следи за ней, и как только увидишь снова приступ меланхолии – лечи! И помни, плутовства не потерплю!

Сильфида была почти одного роста с Прантишем, в ее стройной фигурке ощущалось не только изящество, но и сила – как в тоненькой лозе, которую, однако, не сломать. Панна совсем не хромала, но там, куда ее вели, явно не ждала ничего приятного. И Вырвичу было так жаль красавицы, что выбил бы, кажется, первое же окно, да выпустил полонянку в небо.

Идти им пришлось на верх левой башни, в такое же помещение, в котором была Сильфида. Такие же, запертые на много замков и засовов, двери, охрана... Но внутри не было никаких шелков и цветов – наоборот: голые каменные стены и пол, деревянный настил в углу, который должен заменять кровать единственному жильцу, тоже не добровольному. Вместо красивого витража в окнах – решетка. Щуплый человечек со странно приплюснутым лицом, с глазами, которые находились на разных уровнях, одетый в бурый потертый камзол, увидев гостей, вскочил, на его ноге загремела цепь. Героним Радзивилл завел Сильфиду за руку в помещение и растянул губы в подобии улыбки:

– Ну что, Мартин, видишь, моя Сильфида со мной! И посвящает меня во все тайны!

Щуплый человечек оскалил зубы, которые не все были в наличии, и бросился на гостей, натянулась цепь.

– Она моя! Ясно тебе? Моя! И ее тайны мои!

– Но это же не я сижу на цепи, а ты, братец!

Прантиша обдало холодом. Мартин Радзивилл, отданный под опеку своего брата князя Геронима! Который вынуждал Лёдника вызывать ему Сильфиду! Он же сейчас его узнает! Доктор это, видимо, отлично понимал, поэтому и остановился скромно в самых дверях, опустив голову. Прантиш постарался, как мог, закрыть его собою. К счастью, Мартин смотрел только на Сильфиду.

– Не говори ему ничего! Он не стоит того!

Героним злобно закричал, срывая голос:

– Это ты не стоишь! Если не хочешь сидеть дальше на хлебе и воде, говори, где вход в подземелье! Тогда я позволю тебе побыть с Сильфидой и воспользоваться ее прелестями!

Князь крепко ухватил красавицу за руку и демонстративно провел перед Мартином.

– Ну, согласен? Ты же так мечтал о связи со стихийным духом, столько денег угрохал на шарлатанов, которые обещали его вызвать!

Мартин смотрел на Сильфиду, как умирающий от жажды смотрит на струю воды, его вытаращенные глаза блестели, как у рыбины.

– Ну что?

Мартин вдруг засмеялся сухим издевательским смехом, в котором не слышалось сумасшествия.

– Ты никогда не получишь желаемого, брат! Потому что ты – кусок дерьма, которое все обходят подальше, чтобы не запачкаться. В следующей жизни ты будешь червяком, которого раздавит мой каблук.

– У тебя не будет скоро даже и этой жизни! – взревел Героним. Сильфида стояла неподвижно, как изящная фарфоровая статуэтка. Мартин махал руками и ругался. Его взгляд остановился на Лёднике и загорелся безумием:

– Это все ты! Для меня не постарался, а ему вызвал! Будь ты проклят! Проклят!

К счастью, в общем потоке ругательств опознание доктора прошло незамеченным.

Двери закрылись, а Героним Радзивилл все еще трясся от злобы. И прошипел Сильфиде:

– И ты подумай, дорогуша, вдруг брат согласится на мое предложение раньше, чем ты, тогда мне придется выполнить, что ему обещано! И будешь его ублажать!

Сильфида молчала, отсутствующим взглядом синих глаз смотрела в никуда, и сторожа повели ее назад. Князь крикнул вслед:

– Окно не закрывайте, пусть дышит родной стихией! И камин не топите.

– Но она же застудится! Ночи холодные... – осмелился вымолвить Лёдник. Князь сразу же вытаращил на него бешеные темные глаза, сделавшись вдруг похожим на своего брата Мартина.

– Померзнет – так, может, начнет ценить то тепло, которое ей давали?! А ты... немчура... учить меня вздумал?!

Князь молниеносно выхватил саблю и приставил к горлу Лёдника.

Прантиш со стыдом вспомнил подобную же ситуацию со своим участием. Неужто и он мог бы превратиться в такого вот... деспота? А что здесь невероятного? Если бы ему досталось богатое наследство, да вокруг суетились преданные слуги... Если бы все вокруг говорили без остановки, какой он, Прантиш Вырвич, мудрый, красивый, сильный... И любой каприз сейчас же бросались выполнять... Одно что такие, как Лёдник, молча бы презирали, но так же склонялись бы, ибо хочется жить. Разве в этом идеал шляхетства? А как же «пан-брат», равенство, честь, сарматские обычаи?

Доктор, не выказывая страха, покорно ждал, что будет угодно князю. Героним чиркнул лезвием по шее Лёдника, оставив царапину, и убрал саблю.

– Пусть это будет тебе памяткой! Здесь есть только одна воля – моя!

Кровь из царапины окрасила белоснежный ворот.

– Никогда этого больше не забуду, ваша княжеская милость! – вежливо проговорил Лёдник.

– Чтобы все лекарства были к утру готовы! И все попробуешь сам, на моих глазах!

Когда Героним Радзивилл ушел, показалось, и стены вздохнули с облегчением. Прантиш и Лёдник не осмеливались заговорить, пока за ними не закрылись двери их комнаты. Доктор даже оперся на них изнутри обеими руками, шумно выдохнув, как будто по ту сторону осталась погоня. Прантиш повалился на кровать, школяра слегка трясло. Лёдник налил воды из медного кувшина в миску для умывания, зачерпнул, энергично ополоснул лицо, смыл с шеи кровь, раздраженно стянул парик и тяжело уселся на оттоманку. Оба шпиона чувствовали себя, будто побывали в драке с медведем.

– А ты от Сильфиды совсем голову потерял, – сквозь усталость укоризненно проговорил Прантиш. – А свою купчиху когда искать собираешься?

– Я ее уже нашел, – глухо проговорил Лёдник и добавил, подпустив в голос яду: – А великий и всеведущий пан Вырвич, значит, свято поверил, что познакомился с духом воздуха? Да, это князь удачно придумал – выдавать Соломею за Сильфиду... Шпикив с толку собьет, еще и брата помучает.

Прантиш растерялся. Не то, чтобы он воспринял слова Геронима Радзивилла всерьез... Красавица, в конце концов, была целиком земной, несчастной узницей... И все-таки одновременно по-неземному прекрасной. Глаза ее смотрели слишком мудро для женщины... Ну как же хочется в восемнадцать лет поверить, что столкнулся с чем-то необыкновенным! А уж сопоставить чудесный образ, который открылся за железной дверью с множеством засовов, со старой девой из Полоцка, дочерью обычного купца и подругой детства Лёдника... Не то, чтобы у Прантиша не мелькнуло и мысли о Соломее Ренич, только он эти мысли романтично отогнал. Поэтому теперь и чувствовал себя абсолютным дураком.

– И как ты смог отказаться от такой? – вырвалось у Прантиша.

– Я ее не стою, – снова глухо промолвил Лёдник любимую фразу и перевернулся на спину, утомленно закрыл глаза.

Но Вырвичу это самоуничужение надоело.

– У нас, когда иезуиты в хор записывали, тоже все начинали говорить: «Ой, отче, у меня слуха нету, голосу нету, я бы и рад, но петь не умею, чувства уважаемой публики оскорблять буду... Не стою я такой чести». А на самом деле просто никому не хотелось лишних хлопот: свободное время на репетиции тратить, во время концертов соловьями заливаться...

Лёдник ничего не ответил на эту реплику, видимо, она задела за больное. Лежал неподвижно, молчал минут десять. Потом проговорил сухим голосом:

– Этот тронутый ее замучит. Нужно не медля браться за дело.

Дело – это значит спасти Реничевну? Но как? Прантиш ничего не сказал, чтобы не показаться трусом, но пока никакого приличного плана ему в голову не приходило. По крутой стене башни даже он не смог бы вскарабкаться. А стража во дворце на каждом шагу... Лёдник, видимо, об этом тоже думал, потому и был мрачен, как последний дракон в озере.

За ними пришли с приказом, что новый доктор должен перебраться в комнаты предыдущего лекаря. И тут появилась тень надежды, так как выделенное им помещение, разделенное на две части, с кроватью под бархатным балдахином цвета старой листвы, с камином, облицованным плинфой с изображениями черных орлов и зеленых виноградных гроздей, было в Большом дворце, и находилось как раз рядом с башней. Прантиш заметил, как просветлело лицо Лёдника, но по-прежнему не мог смекнуть, чем это поможет... К окну Реничевны можно было взлететь только на крыльях! Разве только стрелу в него послать с веревкой? Прантиш высунулся из окна, примерился... Нет, никак не получится, виден только самый край оконного проема... А встать среди двора да целиться в окно, или лестницу приставлять к стене, под которой и днем, и ночью прохаживаются гвардейцы – можно сразу самому к столбу приколотиться, чтобы палачей не беспокоить.

Назавтра Лёдник объявил невыносимо командирским тоном:

– Тебе, пан Вырвич, достанется самая приятная часть нашего приключения: ты пойдешь со мной в театр. Меня пригласили подлечить несколько артистов.

– И что я там должен буду делать? – оживился Прантиш.

– Просто посмотришь на репетицию. Получай наслаждение, пока есть возможность, – улыбнулся Лёдник. – И не вздумай что-то творить сам по себе. А главное – что бы ни делал я, не обращай внимания. Отойду – не крути головой, не спрашивай, куда подевался. Я сам за тобой вернусь. Ясно?

В театре, переоборудованном из здания суда, было роскошно – не сравнить с залом менского иезуитского коллегиума. Стены и ложи обтянуты зеленым сукном, украшены гирляндами искусственных цветов. В проходах алые ковры. Оркестровая яма, тяжелый бархатный занавес... Лёдник усадил Прантиша посреди третьего ряда и исчез за кулисами с докторским саквояжем в руках. А на сцене репетировали немецкую оперу, к которым Героним Радзивилл питал слабость. Декорации представляли собой пасторальные пейзажи с рошицами, лужайками да овцами, были нарисованы искусными мастерами на огромных полотнах. Но даже на неискушенный взгляд Вырвича в репетиции имелись странности. Артисты были при полном параде, убранные, как во время премьеры, и старались, как жолнеры на плацу. Жолнеры, кстати, тоже были на сцене. В полной выкладке, они, подобно античному хору, создавали фон для пасторального пения влюбленных пастушка и пастушки, время от времени демонстрируя строевые приемы. Да и среди самих сценических пейзажей Прантиш узнал нескольких солдат, которых видел в замке. Таким образом, спектакль представлял собою какую-то странную смесь оперы и военной подготовки. Кроме взрослых, в балете участвовали и дети – в Слуцке имелась балетная школа. Ребятишки, худенькие, как щепочки, набеленные и нарумяненные, двигались, как заводные. А еще среди них было несколько маленьких негрят – в белых паричках, такие же худенькие, старательные...

Все было очень красиво... Как в музыкальной шкатулке. Особенно поразило Прантиша, когда в действие включились Купидоны и олимпийские боги – как и следует божествам, они спускались с неба и свободно парили в воздухе над всей сценой. Вырвич поначалу даже перепугался – не водятся ли здесь действительно духи! Но, внимательно присмотревшись, понял, что артистов носят над сценой специальные механизмы, к которым Купидоны и боги подвешены с помощью тоненьких веревок, почти незаметных... Из чего, интересно, те веревочки сделаны?

Но неожиданно действие прервалось страшным ругательством на немецком. Похожий на лягушку пан выскочил на сцену и принялся лакированной тростью бить по рукам и ногам артистов, которые, по его мнению, ошиблись. Доставалось и детям, но они, однако, как и взрослые, не плакали и не уклонялись от ударов, а застыли в нелепых скульптурных позах. Особенно перепадало самой красивой и стройной девушке, которую пан-лягушка называл «Михалишивна», добавляя неприличное слово.

Никто не вскрикивал, не стонал, звучали только ругательства и глухие удары. И Прантишу сделалось дурно от такого искусства. Школяр наплевал на приказ своего слуги и отправился искать его за кулисы. Главное, не забыть, что он сам – немец... Широкая улыбка, наивные голубые глаза, вопросительное: «Герр Лотман?», и наконец Вырвича направили в комнатку, где притаились Пуччини и Лёдник. Доктор открыл дверь с самым зверским выражением на лице, но искренняя улыбка Вырвича вынудила его застонать и отступить от двери.

– Я, наверное, даже в аду от вас не спрячусь! Не бойтесь, сеньор Пуччини, пан Франц Магнус во все посвящен...

Пуччини закрыл дверь и обратился к Лёднику:

– Мой пан, как кстати появился ваш молодой коллега! А я как раз говорил, что нам нужен кто-то более легкий, чем вы!

– Я не толст, – сквозь зубы проговорил Лёдник. – И справлюсь сам.

– Мой друг, вы нормального сложения мужчина, сильный и высокий. Поэтому при всем желании не можете быть весом как подросток.

– Шнур выдержит, – упрямылся бывший алхимик.

– Вас одного – возможно... А двойной груз? Я бы не рисковал. Если есть выбор...

– Выбора нет! Парня туда не пущу! В конце концов, я просто могу остаться там и не спускаться! – холодно упирался Лёдник.

– Я никогда не имел дел с самоубийцами, понимаете, – рассердился наконец и Пуччини. – С такими намерениями я могу послать вас только в вашу железную образину.

Назревала ссора, и Прантиш вмешался.

– Я все-таки не мебель, можете обращаться и непосредственно ко мне, судари! Объясните мне, наконец, о чем вы, холера на вас, говорите?

Лёдник и директор дружно посмотрели на юношу, доктор, видимо, боролся со жгучим желанием выставить Прантиша за двери, но итальянец сунул тому под нос листок с чертежом:

– Вот, пан Магнус... Все, что пока удалось придумать.

На листочке красовалась схема какого-то механизма: натянутый между двумя блоками шнур, угол отклона, контуры стены с оконными проемами... До Вырвича дошло: это же план спасения Сильфиды!

– Забрать ее обычным путем невозможно, – неохотно заговорил Лёдник. – Здесь целое войско должно пробиваться – из-за охраны на каждом этаже, через железную дверь... Даже если представим здесь новую Троицу – взять Слуцкий замок за всю его историю не удалось еще никому, ни татарам, ни москвитам, ни своим же магнатам. Разве что в нашу пользу – то, что мы в одном здании с Реничевной, и окна выходят на одну сторону.

– Но, к сожалению, не на одной линии! – вздохнул Пуччини. – Поэтому от исполнителя потребуются просто акробатические способности. И большая фортуна!

– Вы хотите выкрасть ее через окно? – воскликнул Вырвич. – Ты специально вложил князю в уши, чтобы у Сильфиды проветривать! Если так, лазить по окнам и крышам я – лучший знаток!

Лёдник не преминул хмыкнуть на эту реплику. Но Пуччини довольно кивнул головой.

– Что же, значит, придется воспользоваться вашими навыками, юноша.

– Этот парень и без того имеет из-за меня неприятности на свою упрямую голову! – хмуро заявил Лёдник. – Он – юноша благородного происхождения, и я за него отвечаю. Я не могу на это согласиться. Пусть лучше мне поможет ваш брат Джованни.

– А я не спрашиваю твоего позволения! – горделиво сказал Прантиш. – Он за меня отвечает! Забыл, кто ты и кто я? Шляхтич сам решает, идти ему в бой или нет!

Лёдник поджал губы и нахмурился. Пуччини с удивлением посмотрел на обоих, со вздохом подвинул к себе лист, потер нос-бульбу и продолжил разговор-заговор, на этот раз еле заметно, но почтительно склоняясь в сторону Прантиша, который признался в своем благородном происхождении.

– Пока что наш план состоит из нескольких почти невыполнимых задач. Если бы мне принесли такую пьесу, я бы сразу сказал, что она неправдоподобная, и сюжет спасет только «бог из машины».

– Смелость заменяет любую машину! – чванливо заявил Прантиш. – Мне кажется, вы здесь все усложняете. Схемы нарисовали...

Доктор нервно сжал пальцы:

– Одно дело, когда узник может действовать сам. А Соломею навряд ли отпустили с цепи. Передать ей напильник, веревку, даже писульку или словом перемолвиться – невозможно, за каждым моим движением в ее присутствии наблюдают, ее саму обыскивают. Единственная наша надежда – что в этом театре есть специальные приспособления для полета Купидонов. Видел?

Прантиш кивнул.

– Шнур, сплетенный из стальных волокон, он совсем тонкий, но прочный и гибкий. Если слякотной ночью он повиснет на стене, никто не заметит.

– Утром заметят. Охраны здесь больше, чем простых слуг. Слуцк нужно покидать в ту же ночь. Иначе – все... Мышь не проскользнет. И времени на вторую попытку не будет, – предупредил Пуччини. – Короче, нужно еще раз все померить, продумать...

– Ну, хорошо, перемерьте вы стены дворца... А как удрать из замка? – поинтересовался Прантиш. – Валы, мост, на каждых воротах караул...

– Нам помогут снаружи, – безразлично сказал Лёдник. – Об этом беспокоиться будем потом. Все, сеньор Пуччини. Мне еще лекарства готовить, к Пфальцману нужно навеститься. К тому же мы и так вызвали подозрение своими долгими беседами за закрытой дверью. Так что приведите мне еще несколько артистов на осмотр...

– Тем более, что им теперь понадобится лечение, – язвительно сказал Прантиш.

Пуччини вопросительно глянул на юношу. Вырвич презрительно покривил губы.

– Я только что видел, как в вашем театре воспитывают таланты. С помощью палки.

Директор нахмурился.

– Герр Пильшин... Он старательно выполняет распоряжение княжеской милости. Что поделаешь – я в действительности не имею здесь никакой власти... Театр, казалось бы, роскошный, а какой талантливый местный люд... Крепостная девушка, выросла в черной избе, и вдруг – танцует как античная богиня, и передает все тонкости переживаний царевны Навсикаи, всматривается в ожидании Одиссея в мнимую морскую даль так, что светская публика плачет, смывая пудру. А та девушка и моря не видела! Как хорошо все начиналось, на каком энтузиазме... Но разве это храм искусства? Когда хозяин требует только муштры... – доброе лицо итальянца перекошило от ненависти. – Артистов вербуем повсюду, в Кельне, Вене, Кракове, Варшаве... Но никто сюда ехать не хочет, наслышаны о нравах. Князь может больного артиста выгнать на сцену, а если оплошает – посадить в карцер. Закупили партию арапов – привезли их просто в железных клетках, как зверей. Тоже играть заставляют. Дети в балетной школе умирают без счета... Забирают их у родителей, крестьян и простых горожан – насильно... На сцену жолнеров выводят! С оружием! Какому-нибудь ротмистру могут главную роль расписать – потому что хорошо марширует. Если бы я не имел надежды на месть... давно бы отсюда...

Пуччини отвернулся, пробуя успокоиться.

– А что, сеньор Пуччини, вы держите здесь какое-нибудь особое итальянское вино? – ровным голосом спросил Лёдник.

Директор недоуменно посмотрел на него.

– Вы хотите выпить? Но князь не позволяет...

– Мы хотим выпить, – подчеркнуто вымолвил Лёдник. – Точнее именно этим мы с вами и занимались последний час. Даже рюмки недопитые не спрятали... Вот такое нарушение дисциплины. Князь, конечно, разозлится, но ведь не до отрубания голов...

– Что же, ваша правда, лучше такое объяснение для шпииков, чем никакого, – итальянец подошел к секретеру из красного дерева, повернул ключ. За дверцей весело блеснула пузатая бутылка.

– Тосканское... Пробую в самые горькие моменты жизни.

Поставил на стол три рюмки, налил до половины.

– Ну что же, за успех!

– За успех! – откликнулись Лёдник и Вырвич.

Последний глоток вина итальянец не допил, выплеснул на паркет, пробормотав:

– Тебе, Лауренсия... – и обратился к Лёднику.

– Кстати, герр Лотман, давно хотел вас спросить, чем это вы так умаслили князя во время первого осмотра? Магия?

Лёдник улыбнулся.

– Напоил его хорошей успокаивающей микстурой. Львиная трава, пион, валериана... И немножечко мака. Я с такими клиентами не раз встречался. Представляете, он даже показал мне диариуш, который все время носит при себе и в нем зарисовывает иголки, гвозди, осколки стекла, что ему добавляют в блюда.

Когда Прантиш и Бартоломей отсмеялись, итальянец посоветовал:

– Побольше мака добавляйте в княжеские отвары, мой друг.

– Постараюсь, – серьезно промолвил Лёдник.

Глава восьмая

Полет Сильфиды

Как утверждал Парацельс, Сильфы и Сильфиды – элементарии воздуха, по-дружески настроенные к людям, и даже были случаи, когда они приглашали обычного человека пожить на своих воздушных островах.

Но человек слишком тяжел, чтобы жить на воздушных островах. Ему нужно громоздить камни на камни, укрепляя возведенное чужой кровью.

Лёдник, Прантиш и младший брат сеньора Пуччини Джованни, черноусый веселый певец, любовались сквозь сумрак Слуцком, который лежал под их ногами – в прямом смысле этого слова. Потому что названные персоны стояли на крыше угловой башни, на том ее скате, который был более плоским. Вокруг них громоздились устройства, необходимые для астрономическо-астрологическо-медицинских ритуалов, имелась даже небольшая подзорная труба, установленная на трех хлипких ножках, как чудовищное насекомое. Сонливое осеннее солнце почти спряталось, и западное небо окрашивало крыши и стены в багровый оттенок, будто метило лбы будущих жертв кровью. Звонарь Копыльских ворот прозвонил уже первую четверть «серого часа», и жители города начали гасить огонь в своих печах. Только кое-где светились окна – ремесленникам дозволялось продолжать работу при свете плашек и свечей. Запирались даже корчмы. Если же кто-то из посетителей, слишком вдохновленный встречей со стеклянным богом, не желал покидать приветливые стены кабака, то рисковал назавтра очутиться на валу и таскать там землю вместе с нищими, непотребными женщинами или дерзкими подмастерьями, которых отправили на вал в наказание за то, что выпало им счастье жить в славном белорусском городе Слуцке.

– А когда-то этот замок принадлежал Олельковичам, – задумчиво проговорил Лёдник. – Большой дворец начинала строить княгиня Анастасия, вдова, которая с мечом в руках стояла на этих стенах... Потом здесь страдала тихая княжна София, ожидая из бесконечных походов своего заносчивого мужа, Януша Радзивилла. А сегодня...

– Сегодня здесь господствует бешеный тиран! – зло отозвался Джованни, который говорил по-белорусски практически без акцента, и Лёдник остановил на нем заинтересованный взгляд.

– Зачем вы ввязались в наше опасное дело, Джованни? Вы были так привязаны к жене вашего брата? Простите за вопрос, но мы же не на бал собираемся...

Джованни сжал челюсти, лицо его вдруг приобрело жесткие, острые очертания, как у римского легионера.

– Вы просто не понимаете, в каком ужасе мы здесь живем. Посмотрите на столбы с мертвецами... История с Лауренсией – это мелочи, князь всего лишь хотел наказать ее мужа, который не выполнил его распоряжений по спектаклю. Этот безумец просто не в состоянии представить, что чужая жизнь чего-то стоит... Думаете, если бы мы могли уехать, остались бы здесь? – Джованни горько засмеялся. – О, мадонна, сколько раз мы думали сбежать! И не только мы. Несколько лет назад два курляндских офицера самовольно покинули службу у князя. Так он не поленился поднять войско. Бедняг схватили, инсценировали смертную казнь, в последнюю минуту помиловали, и больше о них никто не слышал... до вчерашнего дня. Знакомый мушкетер рассказал, что начальник тюрьмы получил прощение: те два офицера просили сменить им одежду и обувь, так как старые вещи все сгнили. Представляете, где они сидят, если даже обувь гниет? – Джованни сплюнул вниз. – Не хочу сказать, что я такой смелый, что не боюсь попасть в подземелья... Но единственная надежда для нас – найти другого покровителя.

Сапеги обещали брату, что защитят, дадут работу, вознаградят. А если придется погибнуть... Я мужчина и неаполитанец. Главное, чтобы быстро.

Лёдник молча кивнул и осмотрелся вокруг. Слуцкий замок был разделен на две части: Верхний замок и Нижний, объединенные мостом. От Верхнего осталась только одна башня, превращенная в тюрьму. Она зловеще возвышалась над городом как воплощенная фигура смерти, или, скорее, как ее единственный, гнилой, но все еще крепкий зуб... Оборонительные сооружения были, как при прадедах, из земли и дерева. За восьмиметровым земляным валом соединялись реки Случь и Бычок, стояла баня. Главный выход из замка проходил через четырехъярусные ворота с часами и колоколом. На их башне красовался флюгер с двумя орлами – красным и черным. По обе стороны от ворот находились помещения для караула. Еще одни ворота находились севернее, между двумя дворцами Нижнего замка, у бани. Около самого Слуцка тоже были видны валы и рвы, через которые вели пять ворот. При этом Радзивилле город превратился в могучую крепость. Солдат гарнизона муштровали в цитадели, которая находилась за пределами замка, и ключ от которой начальник гарнизона Карлинг приносил лично князю каждый вечер. Прантиш искренне не понимал, как можно надеяться отсюда убежать, если даже простой слуцкий мещанин, пока дойдет до своего дома, несколько раз ответит караулу, кто такой, где был и куда идет.

Джованни тихо запел арию о Царице Ночи... Действительно, стремительно темнело, показалась первая звезда, похожая на удивленный глаз: что делают трое чудаков на крыше?

– Ну, все... Надо начинать, а то кто-нибудь из наблюдавших доложит князю, что мы здесь просто глаза тарасили, как настоящие шпики.

Алхимик в свете фонаря с трепещущим свечным сердцем расставил на потемневшем от времени гонте сосуды с разными жидкостями, приложился к трубе, которую направил в какую-то известную только ему точку, мрачно проворчал:

– Главное, чтобы все привыкли, что немецкий доктор, одержимый своей наукой, каждую ночь поднимается на крышу, чтобы с помощью силы звезд и эманаций эфира готовить необычайно сильные лекарства.

– Не волнуйтесь. Завтра весь замок будет знать с моих слов, какие сложные и страшные ритуалы вы здесь проводите, – улыбнулся Джованни. – Люди глаза поднимать на крышу в это время побоятся!

– Только ни о какой черной магии не говори! – тревожно предупредил Прантиш. – Не хватало еще, чтобы князь записал нас в ведьмаки.

И начал аккуратно доставать со дна докторского саквояжа небольшое приспособление с кольцами... Блок, через который в первую же ненастную ночь пройдет спасительный стальной шнур.

Если верить прогнозам Лёдника, такая ночь случится в следующую пятницу.

Дни тянулись, как слизняки по могильной плите, покидая мерзкий след на душе. Лёдник возвращался с лекарских визитов к Сильфиде с такой физиономией, что хотелось чисто из жалости его пристрелить. А он ведь умел скрывать чувства... Прантиш только один раз осмелился спросить, как там панна Ренич. Лёдник одно бросил:

– Плохо.

И слова углубился в какие-то расчеты да схемы.

Когда князь Героним оставлял в покое своего нового доктора, герра Лотмана иногда звали к серьезно больным. Тогда он изменялся – совсем забывал о своих заботах и думал только, как лучше всего сложить раздробленную голень или очистить протоки желчного пузыря... В такие моменты он напоминал гетмана на поле битвы, его команды выполнялись бегом, даже Прантиш не осмелился бы послушаться своего слугу... А когда удавалось спасти чью-то жизнь, Лёдник сиял, покровительственно поглядывая на не такой уж поганый мир. А

потом мрачнел и принимался читать покаянные молитвы: вспоминал, сколько зря потратил времени, которое мог посвятить спасению ближних. Чудак!

А Прантиш смотрел репетиции театра, и ему все больше нравилась красивая танцовщица Михалишивна – в ее движениях была необычная плавность, выразительность, казалось, она разговаривает жестами... И иногда передает немецкому юноше с синими глазами, что сидит в углу зала, искреннее приветствие. Потом проводывал герра Пфальцмана, который все больше мрачнел, но даже высказывать свое недовольство и тревогу уже не осмеливался. Фрау Пфальцман украдкой плакала. Для железной черепахи, поставленной в конюшне у Малого замка, на местной людвисарне отливали по чертежам Пфальцмана пушки, и он справедливо беспокоился, что, если в них окажутся изъяны, виновным прежде всего окажется он. И, видимо, проклинал глупость короля Августа Саса, который в свое время отклонил его проект, чем дал возможность Герониму Жестокому стать работодателем немецкого изобретателя. Пока что герр Якуб отлаживал легкость движения своей машины, смазывал шарниры и колесики специальным маслом. Прантиш за работу, естественно, не брался, считая, что она не совместима со шляхетским достоинством – за ремесленничество могли и благородного звания лишить, это же не то, что пахать свое поле или гнать водку. Последнее шляхтичу позволялось. В Статуте ведь было сказано, что «если бы шляхтич, лишившись имения и достоинства шляхетского, либо по бедности своей, в поисках себе пропитания, ушел бы в город и жил там, ведя городскую торговлю, либо шинок в доме имел или локтем мерил, либо занимался ремеслом на верстаке, таковой уже вольностями шляхетскими пользоваться не должен».

Локтем мерить – это значит продавать ткани и работать на верстаке – Вырвич не собирався, но наблюдать и расспрашивать любил. А, понаблюдав, убеждал себя, что для собственного удовольствия шляхтич может и с железьяками поиграться. Вон «Пане Коханку» собственноручно вытачивает шкатулки, которые дарит придворным. Почему бы и Вырвичу не подкрутить пару гаек? И вскоре по уши был перепачкан смазкой, обращаясь с самыми сложными механизмами так же привычно, как с саблями.

Было в его визитах в конюшню и полезное. Железная черепаха по-прежнему приводила местных в ужас. Здание с демонской машиной, откуда время от времени вылетали клубы черного дыма и доносилось страшное шипение, обходили возможно дальше. Машталеры, ухаживавшие за лошадьми в конюшнях рядом, крестились, сплевывали, держали пальцы рожками... То же переносилось на создателя дракона, его слугу Генриха и помощника нового княжеского доктора Франца Магнуса. Поэтому и Вырвича обходили как прокаженного. Что давало ему возможность уклоняться от разговоров.

Вырвич искренне завидовал Пфальцманам и Лёднику, которые могли здесь свободно разговаривать на своем немецком, на котором разговаривало большинство гарнизона и весь театр. А школяр оказался лишенным самого главного своего оружия – хорошо подвешенного языка. Даже с хорошенькой артисткой Михалишивной познакомиться толком не удалось, хотя Прантиш не раз подмигивал ей да обменивался улыбками.

Когда темнело, Прантиш тащил на крышу подзорную трубу и со все меньшим интересом наблюдал манипуляции доктора, который тщательно смешивал жидкости и порошки, одновременно делая какие-то небесные измерения. А возвращаясь в комнату, школяр еще должен был учиться отпирать замки с помощью согнутой проволоочки и даже немного фехтовать. Бывший алхимик учителем был плохим, во всяком случае – по мнению Прантиша, потому что не жалел обидных слов... Не ругательств, нет – просто самые обычные слова он мог промолвить так, что хотелось выть от обиды – на него и на свою неумелость.

– *Abend studia in moris*, – нудил бывший алхимик. – Как говорил английский мудрец Бэкон, слабый ум можно вылечить соответствующими науками так же, как соответствующими упражнениями вылечиваются наши телесные болезни. Кегли хороши для камней в мочевом пузыре и большой поясницы, стрельба – для большой груди, неторопливые прогулки для

желудка, конная езда для головы. А поэтому, если у человека плохо с памятью, пусть изучает математику, если не наблюдательный, пусть изучает логику, она – сумини секторес, собирательница тминных зерен, если же кто-то не может доказывать одно через другое, не замечая подобного, пусть изучает право.

Таким образом, Прантишу предписывался полный курс всех наук.

А по ночам не давали спать крики, которые доносились из подвалов. Может, они в основном мерещились – но ведь Вырвич точно знал, что здесь есть кому кричать.

Кстати, за распитие вина на рабочем месте и доктор, и директор театра получили огромные штрафы в десять дукатов. Деньги должны были вычитать из их заработков. Кто донес – неизвестно.

Пятница началась с дождя... В полдень ветер выл так, что казался еще одним узником Слуцкого замка. Прежде, чем отправиться на крышу, Лёдник прочитал канон Пресвятой Богородицы, а потом обернул вокруг себя тонкий стальной шнур, спрятав его под камзол. Вес был солидный, не легче рыцарского панциря. В этот момент Прантиш и Лёдник, наверное, не против были бы принадлежать к просветленной расе Сильфидов, которые умеют летать и делаться невидимыми.

А ночь была воистину ужасной. Холодный дождь лил так, будто где-то седобородый Ной уже справил ковчег и загнал туда последнюю пару тварей Божьих. Темно – протяни руку, не увидишь. Только неразумный юродивый мог распахнуть окно, чтобы запустить суровую стихию в теплое помещение, где на камине, обложенном плинфой, изображены черные орлы.

Но окно пришлось распахнуть, потому что между крышей и комнатой доктора натянута стальная нить. Лёдник еще раз проверил, хорошо ли закреплены на школяре специальные ремни, с помощью которых артистов слуцкого театра превращали в Купидонов. Еще раз шепотом проговорил последние наставления... Как только по двору прошли горемычные мушкетеры, которым выпало нести вахту в такую слякоть, доктор прошептал:

– Давай! С Богом...

Прантиш ступил на подоконник. Лёдник крутанул за рукоятку одолженного в театре механизма: шнур беззвучно накручивался на барабан, при каждом повороте надежно фиксируясь, так что не нужно было напрягаться, чтобы удерживать груз. Прантиш слегка оттолкнулся ногой, и почувствовал, что его потащило наверх. Школяр сразу вымок, как опущенный в воду платок. Но холода не ощущалось: не до того, когда бурлит от волнения кровь.

На рассчитанной высоте шнур замер. Теперь нужно было ослабить его, сильно раскачаться и достать до окна Сильфиды. Сквозь дождь и мрак огни, горевшие в помещениях караула, на валу, казались тусклыми глазами умирающего хищника. Вода текла в водостоках с глухим ревом, как полоненная река. Наконец Прантишу удалось зацепиться пальцами за откос оконной ниши. Так, забросить ногу... Переждать, чтобы успокоилось бешеное сердцебиение – Лёдник все время повторял, что нужно воспитывать способность к концентрации, следить за дыханием и пульсом. Теперь немного подвинуться...

Прантиш расстегнул ремни и прыгнул на пол. Пронзила мысль, что ошибся: ноги встретили не мохнатый ковер, а голые доски. Не было и запаха восточных курений и аромата цветов... Холод, почти как на улице. Прантиш осторожно ступил вглубь помещения. Темно, будто дракон проглотил. Он напряженно прислушивался: не дышит ли кто рядом?

– Кто здесь? – еле слышный шепот ударил по напряженным нервам, как выстрел пушки.

– Панна, я от Бутрима...

– Это вы, такой милый парень, что с ним приходил? – в шепоте слышалось волнение.

Прантиш приблизился, вытянув руки, и за его руку схватились холодные пальчики.

– Хлопец, вы должны сейчас же уйти, пока ваша авантюра не обернулась непоправимыми последствиями! Я все равно на цепи...

– Ничего... Где замок?

Прантиш вслепую, как его учил доктор, ковырялся согнутой проволокой в замке от цепи минут десять, которые показались бесконечными. На лестнице все время чудились шаги. А что, если сейчас заскрипят засовы, и в комнату ворвется сам князь! По спине школяра тек холодный пот от одной мысли, что он не справится, и придется вернуться к Лёднику ни с чем... Сильфида молчала, дыша так тихо, что временами брало сомнение, земное ли она создание. Наконец в замке что-то щелкнуло, и цепь очутилась на полу. Сильфида приподнялась, зашуршала ткань. Хотя всей роскоши в убранстве комнаты хозяин непокорную пленницу лишил, на ней еще было необъятное платье-роговка. Прантиш потянул Сильфиду за руку к окну:

– Пойдемте!

– Подожди... – женщина повозилась, и юбка, натянутая на три обруча из китового уса, вместе с обручами с мягким шуршанием опустилась на пол.

– Все...

И дух воздуха вылетел в вольную стихию.

Лёдник подхватил подругу своего детства на руки... Прантиш скромно отвернулся, хотя в темноте все равно только мог слышать взволнованное дыхание обоих да неразборчивый шепот: «Это ты!», «Это ты!».

«Нет, дракон из Белого озера», – обиженно ответил в мыслях Прантиш полностью поглощенным друг другом полочанам.

Окно завесили черной бархатной портьерой, можно было зажечь свечу и наконец увидеть друг друга. Сильфида с облегчением стянула с себя высокий парик, унизанный жемчугами, и ее черные волосы блестящими волнами рассыпались по плечам. В таком виде, пусть с темными кругами под глазами, и исхудавшая, она выглядела еще краше... Лёдник поднес ей отвар:

– Выпей сейчас же... Это придаст сил.

– Спасибо! – сказала Соломея, принимая горячий кубок с заваренными травами в нежные ладони – такие могли бы принадлежать шляхтянке, которой с детства надевали и днем и ночью немного зауженные перчатки, чтобы пальцы были тонкими. – Если бы не твои лекарства, я за последние дни застыла бы совсем...

По лицу доктора пробежала тень ненависти.

– Развращенные юродивые с родовыми гербами вместо мозгов... И Бог у них другой, чем у народа, которым управляют, и язык другой, и мораль другая... *Vene natus et possessionatus et catholicus...*

– Чем оскорблять шляхту, ты бы рассказал, что делать дальше! – пробормотал Вырвич.

Соломея ласково улыбнулась рассерженному школяру, почему-то только на одной ее щеке, левой, возникла ямочка, Прантиш смутился.

– Это твой ученик, Бутрим?

– Не совсем... – Лёдник посмотрел на Прантиша почти беспомощно, но Вырвич не собирався унижать его в глазах красавицы. Тем более бумага о покупке осталась у Сапеги, переданная на сохранение его камердинеру в небольшом свертке личных вещей, вместе с записками Вороненка и шляхетской шапкой Вырвичей. – Это... это благородный юноша, которого мне доверили для воспитания. Его настоящее имя – Франтасий.

– Прантиш, – горделиво уточнил школяр. – Прантиш Вырвич, герба Гиппоцентавр.

Сильфида даже вздрогнула, услышав громкое шляхетское имя, еще раз улыбнулась школяру, на этот раз более скованно, и склонилась в поклоне.

– Простите, ваша мосьт, я не знала, кто вы. И вы рискуете ради меня, ваша милость...

Прантиш пожал плечами и принял важный вид, хотя ему больше бы понравилось, если бы Сильфида называла его и дальше «милый мальчик». Но та смотрела на доктора.

– Давно хотела тебя спросить... Это откуда?

Ее пальцы коснулись шрама на лбу алхимика.

– Один шляхтич расписался, – недовольно ответил Лёдник.

– А это? – Соломея осторожно провела пальцем по еще свежей царапине на шее.

– Второй шляхтич расписался.

– И много на тебе таких... аристократических подписей? – в голосе Сильфиды под насмешкой послышались жалость и горечь.

– Не имеет значения... В конце концов, за то, чем я занимался, нужно расплачиваться. И благодарю Господа, что остановил меня... – Лёдник перекрестился. – Чем глубже мы в пропасти – тем сильнее нас нужно тащить наверх. И сугубая неблагодарность – жаловаться, когда от сильной спасительной руки остались пара синяков.

Доктор прекратил неприятный разговор и достал из-под кровати узел, в котором оказалась какая-то странная одежда: ситцевые шаровары, кацавейка, пестрые тряпки...

– Должен огорчить тебя, Соломея, в ближайшие часы ты будешь арапкой.

Та тихо засмеялась.

– После роли Сильфиды ты меня ничем не огорчишь.

Вскоре вместо Соломеи Ренич в комнате стояло странное создание, закутанное в дешевую пеструю ткань, намотанную поверх толстой кацавейки. Лёдник довольно осмотрел женщину:

– Фигура неузнаваемая. Теперь краска...

Нащупал в узле круглую стеклянную банку, снял крышку...

– Вырвич, это что?

Прантиш склонился над банкой. Даже в полумраке было видно, что краска – не черная и не бурая, а красная. Школяр огорчился.

– Джованни показал, где брать, сказал – будет написано: «для эфиопов».

– Это, по-твоему, слово «эфиопы»? – со злостью прошипел Лёдник. – Неуч! Это для индейцев! Краснокожих!

Но времени выяснять отношения не было. Алхимик выложил немного краски в блюдце, потом достал из кармана маленькую бутылочку, высыпал в краску ее черное содержимое с редкими золотистыми искорками, перемешал просто пальцами, и скомандовал Соломее:

– Повернись ко мне!

Провел по ее щеке темную линию, аккуратно растер, проверяя оттенок, осторожно прибрал ногтем золотую искорку.

– Всегда мечтал безнаказанно испачкать твое личико!

– Бутрим, что ты делаешь? В камине навалом сажи! А это же... – Прантиш понял, что за бутылочку опорожнил Лёдник.

– Это всего только пепел, и здесь ему самое место, – твердо сказал Бутрим, размазывая по белому лицу подруги детства алхимическое золото, за которое отдал десять лет жизни и самого себя в придачу.

Теперь в темноте лицо Соломеи можно было, пожалуй, принять за негритянское, если бы, конечно, не синие глаза. На голову ей навернули полотно. А сверху Лёдник набросил рядно.

– Прикрывай лицо и руки, чтобы дождь не смыл краску. Основа жирная, но все-таки лучше не рисковать. И глаза свои васильковые не поднимай.

Можно было бы над этим маскарадом посмеяться, но не теперь...

Лёдник взял свечу, подошел к окну, сорвал бархатную портьеру, провел свечой справа налево какую-то загогулину и сразу же потушил огонь. Где-то далеко во мраке зажегся огонек, который тоже описал зигзаг и погас.

– Все, теперь будем наготове...

Дождь отбивал бешеный ритм нечеловеческого танца. Оставалось немного времени, а вопросов было – как мака в сморгонском баранке.

– Как ты узнал, где я нахожусь? – прошептала Сильфида. – Я думала, упаду в обморок, когда увидела тебя...

– Когда меня арестовали за шарлатанство, – улыбнулся Лёдник, – то обещали, что будут судить вместе с еще одной... ведьмой.

– Мне нужно было быть осторожнее... – печально прошептала Соломея. – Путник попросил помощи. Мол, глаза заболели, сил нет. И я же видела – нормальные глаза, может, кулаком натерты. Дала слабый содовый раствор – чтобы отстал. Это же совсем безвредно, хоть пей, хоть умывайся... А на завтра – все, тянут в суд. Ослеп! И оказалось – путник из Слуцка, один из княжеских паюков. Ясно, что специально подосланный... Только дядька Лейба, аптекарь наш, засвидетельствовал, что я безвредные лекарства дала – но его хорошенько припугнули, чтобы умолк. Да и что его свидетельство в суде стоит. И меня быстренько завезли в Слуцк, потому что я покалечила слугу слуцкого ордината.

– А воевода полоцкий взял письмо от Трибунала, чтобы тебя вернуть в Полоцк. Тебя не удивляет такое внимание?

Сильфида промолчала, и Лёдник сокрушенно вздохнул.

– Ясно... И как пану Ивану посчастливилось попасть в такую историю, да еще и тебя втянуть? Что за чушь о хранителях копья?

– Отец сделал большую ошибку, – проговорила Соломея. – Он вынес из подземелий несколько свитков... И не удержался, показал знакомому торговцу. Не мог без восхищенных слушателей.

– Подожди... Так он все-таки нашел Полоцкую библиотеку?

Соломея неохотно ответила:

– Именно так тот торговец и решил. А отец, вместо того, чтобы все отрицать, давай делать намеки, цену себе набивать... Ну ты его знал. Прости, и сам таким раньше был, как начнешь рассуждать о Великом Деянии, аурум-аргентум, хоть над ухом стрельни, хоть поцелуй – не заметишь, – Соломея тихо засмеялась, видимо вспомнив какой-то не самый почетный для Лёдника случай. – Вот и пошли слухи, чем дальше, тем более фантастические. Торговец донес Мартину Радзивиллу, который давал самую высокую цену за любую магическую чепуху.

Прантиш разочаровано уточнил:

– Так ничего нет? Ни рамфеи, ни миссии ее хранителя?

Но Лёдник не был таким легковерным. Его голос не стал менее напряженным.

– Соломея, ты понимаешь или нет, что стала важной фигурой в крупной политической игре? Что само присутствие тебя в стане того или другого магната будто дает ему больше прав на корону? Из-за Елены Прекрасной, между прочим, погибла Троя и куча не боязливых сильных мужчин. Ты владеешь каким-то тайным знанием?

Соломея ответила несколько изменившимся голосом, в котором слышалась даже власть:

– Не каждым знанием можно владеть, дорогой мой, как владеют драгоценным камнем или университетским дипломом. Не каждое ведение можно передать по своему желанию, как передают право владения домом или рабом. Вот я знаю, что я – литвинка... Что у меня есть Родина, за которую стоит умереть, что я – из славного вольного города. И отец это знал. Но как передать это ведение тому, кто не может его разделить?

– Ты считаешь, что я сильно изменился, и не заслуживаю больше доверия? – пытаюсь говорить спокойно, спросил Лёдник. – Что я перестал любить свой город?

– Ты слишком долго жил на чужбине, и слишком легко покинул родину, – промолвила Соломея. – И я помню, как за свиток с формулой ты был готов заложить душу, и пошел бы в ученики хоть к Харону, если он откроет тебе, как делать гомункулусов... Знаешь, как отец называл тебя, когда ты отсутствовал? Фауст. Наш бедный Фауст. И теперь, когда ты исчез, а твое имущество распродали, я решила, что ты снова подался в далекие путешествия.

Прантиш отметил про себя, что Лёднику удалось скрыть от земляков сделку с паном Агалинским.

– Что же, я заслужил такие слова. Но меня можешь не бояться, я на твои ведения не претендую – так как отказался даже от своих, – с трудом, будто ему было больно, проговорил Лёдник. – Да, я все мог отдать за новые знания... Кроме души. Верил – вот, пусть учусь у безбожников, которые говорят о переселении душ и утверждают, что общаются с духами, но я же только наблюдаю, и выбираю, что стоит перенимать, и всегда сумею остановиться, не переступить черты... Как будто, ступив в грязную лужу, можно выбрать сухое место. И мне страшно представить, как далеко я мог бы зайти по дороге в бездну... Но все в воле Господа, я понял, что брать на себя роль избранного и носителя тайных знаний – самое высокое проявление гордыни. Я больше не алхимик и не астролог. Я... лучше тебе не знать, насколько мало я теперь значу.

Дождь ударил в стекло мягкой невидимой лапой, будто о чем-то предупреждал.

– Бутрим, я совсем не считаю себя избранной или тебя недостойным... – огорченно проговорила Соломея. – Я же помню, как мы ходили в Софийку, сидели над Двиной, и как ты мне рассказывал о Рогнеде и Владимире, о Евфросинии и Скорине... И о том, как Иван Грозный завоевывал наш город, а потом Стефан Баторий. Как мы лазили по стенам и подвалам, и как нашли ржавый рыцарский меч с изображением всадника... Поверь, все, что я имею, и я сама – принадлежит тебе. Кроме того, о чем спрашиваешь. Просто это не моя тайна, я ее не просила, и я над нею не властна!

– Неважно... – промолвил Лёдник. – Я за свою гордыню расплачиваюсь сполна. И не хочу, чтобы ты, пусть посвященная не по своей воле, расплатилась тоже. Ибо если нам каким-то чудом удастся выбраться из замка – тебя сгребут другие жадные руки... Сапег, Богинских, Чарторыйских, Понятовских... Кого угодно. А я не ради этого пробую тебя освободить.

– А ради чего? – спросила Соломея. Лёдник вздохнул, как студент на экзамене, к которому не подготовился.

– Ты должна быть вольной... Жить, как хочешь...

– Ты знаешь, чего... точнее, кого я хочу, – голос женщины звучал даже насмешливо. – Собственно говоря, я же дождалась – ты пришел! Мой бедный Фауст...

И если бы доктор в этот момент начал говорить, что не достоин ее, Прантиш перестал бы его уважать. Но в полумраке, который начал чуть-чуть, по капельке, светлеть, Лёдник только поднес к губам руку женщины, будто клюнул носом. У Вырвича в очередной раз шевельнулась обида: и почему этого страхолюдного неудачника любят самые красивые женщины? И еще мелькнула мысль: а Полонея Богинская наверняка тоже хочет заполучить ту реликвию! Быть может, с помощью рамфеи, копья Святого Маврикия, мягкий по характеру, но образованный и к искусствам склонный князь Михаил Богинский станет королем Речи Посполитой? Это будет, наверное, намного лучше, чем очередной саксонец, российский ставленник, или безумный Героним Радзивилл... И что, если ту рамфею добудет шляхтич Прантиш Вырвич? На трон его самого, конечно, навряд ли посадят, нужно даже в мечтах знать пределы... Но он может торжественно передать святыню будущему королю и тем как бы возвести его на трон. Прантиш Вырвич, благодетель короля! Тогда юная Богинская посмотрит на него, как на равного!

Вырвич сам не заметил, как от сладких грез задремал, и снились ему золотые фанфары, которые беззвучно играли славу герою, выглядывая из облаков, как трубки огромной волынки. Прантиш стоял просто на тучке под дождем из невесомых роз, созданных из завитков пара, и силился расслышать хоть кусочек торжественной мелодии в свою честь. Он знал, что фанфарам подпеваает ангельский хор, но его тоже не было слышно. Тихо падают, как снежные комья, розы. Тают в воздухе... Вдруг слух начал улавливать отдельные звуки... И они стали слагаться в похоронный марш. От возмущения Вырвич проснулся... А еще от того, что Лёдник дернул его за рукав.

Возможно, солнце и подумывало вынырнуть из ночной бездны, но не решалось, потому что тучи так плотно застилали небо, что через них все равно невозможно было показать свою сверкающую красоту измазанной осенней слякотью земле, а стоило ли в таком случае беспокоиться?

Меж тем у ворот слышались какие-то звуки, замелькали огни...

– Все, время! – сдавленным голосом произнес Лёдник.

– Ты так и не сказал мне... – тихо промолвила полочанка, превращенная в арапку.

– Я был дураком, – просто признался бывший алхимик. – Не знаю, простишь ли меня. Ты – лучшее, что могло бы со мной произойти. Но теперь уже слишком поздно.

– Никогда не бывает поздно, поверь, – уверенно прозвучал глубокий низковатый голос Соломеи Ренич.

У ворот происходила какая-то суэта и слышались непонятные жалобные выкрики, не похожие на человеческие. Лёдник шел впереди, выпрямившись, как полководец, Прантиш нес за ним чемодан с лекарским инструментарием, негритянка, ссутулившись, спешила за ними мелкими шагами. На подходе к воротам Лёдник начал выкрикивать по-немецки:

– Приказ его княжеской милости!

Все испуганно рассыпались по сторонам. Лёдник подошел к начальнику караула и недовольно поинтересовался:

– На этот раз не тюленей и слона ли привезли?

– Точно так! – с облегчением ответил начальник караула, немолодой рыжеватый пруссак, на лице которого читалась такая растерянность, какой не могла вызвать самая жестокая и безнадежная баталия. – Никто ничего понять не может. Приезжие кричат, чтобы сей же час дали им телеги, потому что слон сдохнет, тюлени разбегутся, арапы тоже... Говорят – его княжеская милость заказывал этот зверинец в самом Гамбурге, вот они приехали, слон заболел, задержались в Тройчанах, до утра ждать не могут, так как тюленям нужны новые бочки с водой, старые разбились... Предводитель, нахальный молодец, требует, чтобы сейчас же доложили об их приезде князю, иначе тот разгневется. Но если его милость князя разбудим, что, не разгневется? Майн готт, что такое тюлени, герр Лотман? Это хищники?

– Морские животные, и если близко не подходить – не съедят. Князь как раз дал мне распоряжение насчет этого зверья, – властным голосом объяснял Лёдник. – Бессонницей страдал его милость, и вспомнил, что должны тюленей привезти, крики которых успокаивают бурление крови. Но дал указание, которых тварей пускать в замок, а которых нет. Дайте мне переговорить с гостями.

– А негритянка вам зачем? – с подозрением поинтересовался начальник караула.

– Ну, если вы, герр офицер, знаете арапский язык, эта женщина нам действительно понадобится. Вы вместо нее поможете нам объясниться с неграми и африканским слоном, которого привезли князю, – в голосе Лёдника было столько яду, что офицер махнул рукой, и доктор со своими спутниками прошли вперед, к выходу из ворот. На той стороне моста виделось несколько всадников и телега, на которой что-то ворочалось и жалобно не по-человечески кричало.

– Опустите мост, я должен переговорить с тем человеком, – приказал Лёдник. Офицер перевел приказ, жолнеры бросились выполнять. Молодой человек, размахивая бумагой, перебежал через мост, и Прантиш с удивлением узнал Игната Менчинского в одежде купца и с бородой.

– Панове, вот письмо князя Радзивилла! Неужели вы осмелитесь не пустить в замок приобретенных им животных?

Лёдник холодно спросил, разговаривает ли пан по-немецки, и купец повторил все на ломаном языке бюргеров.

– Спокойно, пан, не спешите! – сурово проговорил Лёдник. – Во-первых, князь у вас еще ничего не купил, даже канарейки. Во-вторых, из того, что вы привезли, князь приказал отобрать животных и негров определенного сорта. Его милость узнал, например, что тюлени с особой формы белым пятном и негры с особым клеймом могут быть связаны с демонами. Короче говоря, пойдем, я сам осмотрю привезенное, а эта арапка разберется со своими единоплеменниками.

Менчинский развел руками, будто с досадой, и молча поклонился.

– Это недалеко, ваша мость. Можете воспользоваться нашей телегой – на ней только маленький тюлень, мы его привязали, он безвредный. А эту дикарку я посажу на своего коня.

Менчинский схватил Соломею за руку и повел к лошадям. Прантиш двинул следом. Лёдник повернулся к караулу:

– Я пришлю сказать, сколько нужно бочек с водой.

– А адской кареты за тобою не прислать? – вдруг послышался издевательский голос. Одноглазый жолнер осветил фонарем лицо Лёдника. – А я думаю, что за голос знакомый? Вот пан Юдицкий обрадуется!

– Не понимаю, о чем сударь говорит, – по-немецки ответил Лёдник, не меняя голоса, и повернулся, чтобы уйти...

– Хватай шпиона! Это не немец, это Балтрмей Лёдник, чернокнижник, который от Юдицкого сбежал! – заорал жолнер. – И помощник его шпик! Держите!

Жолнеры выхватили сабли, начальник караула твердо промолвил:

– Оставайтесь, пан доктор. Этот человек утверждает, что вы – не тот, за кого себя выдаете. Мы легко выясним, врет ли он.

– Только после того, как я выполню приказ князя, – возразил Лёдник. Офицер колебался, в то время как жолнер кричал:

– Да это же он меня глаза лишил! Пришелец поганый! Посмотрите на его лоб – пан Юдицкий приложил!

Прусак тронул рукой саблю, что все посчитали знаком тревоги.

– Эй, вы, тоже стойте! – крикнул один из офицеров тем, кто уже очутился по ту сторону моста, и кто-то из солдат двинулся, чтобы их задержать.

– Делайте что должны! – крикнул изо всей силы Лёдник и выхватил саблю. Менчинский понял его, вскочил на коня, и, крепко держа в объятиях негритьянку, пустился карьером. Трое, которые были с ним, тоже пришпорили лошадей и отправили пару пуль в сторону преследователей, чтобы пригасить их пыл. А у жолнеров Радзивилла на выходе из ворот оказалось препятствие в виде одного, но боевитого доктора, сабля которого мелькала, как крылья взбесившейся ветряной мельницы.

Лёдник понимал, что при всем упрямстве и хорошей стратегической позиции хватит его ненадолго, но каждая выигранная секунда добавляла песчинку на чашу весов, которые взвешивали вероятность спасения Соломеи Ренич. Путь на ту сторону моста был не для него. Вдруг рядом послышался ухарский крик, и жолнеры встретились с еще одной саблей. Лёдник простонал сквозь зубы:

– Вырвич! Какого рожна ты вернулся?

– Я свое имущество не бросаю! У меня его не так много! – с веселым цинизмом прокричал Прантиш, радуясь, что, наконец, распрощался со своим «немецким молчанием», и что можно заняться настоящим шляхетским делом и испытать свою фехтовальную науку.

В замке протрубили тревогу. Зазвонили колокола... Похоже, обнаружился и побег Сильфиды. Теперь поднимется весь гарнизон. Лёдник и Прантиш стояли в воротах, плечом к плечу, запыхавшиеся, потные... А на них направили стволы ружей столько солдат, сколько смогло поместиться в проеме.

– Ну зачем ты вернулся... – как-то тоскливо проговорил Лёдник. – Все мне испортил, глупый мальчишка. Я бы сейчас мог...

Он не договорил, но Вырвич понял: Лёдник намеревался драться до последнего, выживание в его планы не входило. А теперь из-за Вырвича он не может так сделать, и придется сдаться, а потом – подвалы, что хуже смерти.

– Я тоже смогу! – отчаянно крикнул Прантиш, и с саблей рванулся на ружья:

– С дороги, трусы! Гиппоцентавр идет!

Лёдник попробовал опередить парня, по привычке заслонить... Но пули в самоубийц не полетели, значит, кто-то успел отдать приказ – брать шпионов только живьем. Строй вооруженных ружьями мушкетеров расступился, и на двух вояк набросили сети.

Когда их скрутили, Прантиш со свежеподбитым глазом спесиво заявил:

– Руки прочь, холопы! Я шляхтич! Я требую, чтобы ко мне относились соответственно моему званию!

– Для шляхтичей, ваша мось, у нас есть специальные ямы в подземельях! – с издевкой ответил один из жолнеров.

А Лёдник, невероятно зля конвоиров, мечтательно улыбался. Он был уверен, что Сильфида в этот жуткий замок не вернется.

Глава девятая

В подвалах Слуцкого замка

У каждого в детстве есть какое-то мнимое страшилище, которое обростает подробностями и пугает больше, чем что-то реально опасное. Бабай с выпученными красными глазами, горящими как пламя, и желтыми, до колен, клыками, который ходит ночами по чердаку, намного страшнее, чем черное око проруби, в которое заглядываешь, стоя на подтаявшем льду, или соблазнительно блестящие волчьи ягоды. Хоть несчастный Бабай еще не убил никого, а в проруби погиб не один любопытный малыш...

Настоящая опасность никогда не выглядит такой страшной, как выдуманная.

Прантиш столько раз представлял себе ужасы подземелий Геронима Радзивилла, что, попав туда, почувствовал даже непонятное облегчение: ну вот и случилось то, чего боялся больше всего на свете.

Помещение со сводчатым потолком, камином и двумя каменными колоннами, куда затолкали пленных, не было в самом низу, под землю, наоборот – оно располагалось первым от входа, эдакое чистилище перед спуском в ад, парадная комната Аида. Не было кровавых подтеков по стенам или скелетов в углах. Серый камень, темный мох в щелях. Здесь запросто могли бы храниться мешки с зерном, кадки с салом или другие мирные привычные вещи. Разве что для освещения комнаты не пожалели целых четырех фонарей, по одному в каждом углу – видимо, чтобы не пропустить самое малое движение узника. Было и маленькое оконце, в котором виднелся серый клочок неба и сиротливый куст травы, сгибавшийся от порывов мокрого ветра. Значит, крики отсюда могли радовать князя Геронима, даже если бы он не присутствовал на допросе, а находился в своих покоях. Прантиш представил, что каждая такая камера с окошком – специальный музыкальный инструмент боли, из которых состоит настоящий, а не театральный оркестр Слуцкого замка...

А князь Героним наверняка к ним заявится! Чтобы лично задать вопросы... Прантиш, видимо, при этой мысли замедлил шаг, потому что его подтолкнули в спину. Школяр в очередной раз прокричал:

– Я шляхтич! Повежливее, собачьи морды!

– Да мы ничего плохого благородному пану не сделаем, – с издевкой заверил Прантиша толстый тюремщик. – Вот сюда присядьте, ваша мость, на эту скамью...

Вырвича усадили на каменную скамью у стены справа от окна и надели на руки кандалы, прикрепленные к сиденью, так что Прантиш мог достать до своего носа, только низко наклонившись. Двое тюремщиков отошли полюбоваться своей работой:

– Ну как, удобно пану? Нигде не жмет?

Прантиш горделиво закинул голову:

– Я лично спущу шкуру с ваших спин за оскорбление шляхетской чести!

Но на него уже не обращали внимания... Потому что занимались Лёдником, и именно ему, похоже, отводилась главная роль в предполагаемом спектакле со многими действиями. И Прантишу очень не понравилось то, что творили с его слугой. Лёднику приказали раздеться до пояса и разуться, что он не торопясь и сделал, на сухом месте у стены аккуратно стопочкой сложил одежду. На его жилистом подтянутом теле были и «шляхетские подписи» – видимо, пан Агалинский воспитывал должника, и шрамы, покинутые саблями да пулями, кои конвоиры посчитали доказательством его маскарада: откуда такое у обычного доктора? Когда тюремщики еще увидели на груди Лёдника серебряный православный крест, разъярились лютее, обругали «московских собак», проклятых шпииков, но снимать крест и бить узника не стали. Видимо, потому, что пока не получили по поводу его никаких распоряжений. Только паук с

удовольствием потоптался грязными сапогами по аккуратно сложенной Лёдниковой одежде. За это время один из конвоиров разжег камин, и навряд ли для того, чтобы пленникам было тепло. Тем более, в углу у камина громоздились страшные железные приспособления, совсем не похожие на обычную кочергу.

Доктора поставили меж двух каменных столбов лицом к окну и приковали цепями за руки и ноги так, что он напоминал рисунок идеального человека Леонардо да Винчи, хотя такого носа у идеального человека точно быть не может. Лёдник молчал, на его худом лице нельзя было прочесть ничего, кроме презрительного безразличия. Зато Прантиш помимо воли начал дрожать, и не знал, сможет ли достойно выдержать зрелище, которое здесь готовилось. Наконец, все вышли, оставив узников одних. Лил дождь, его шум казался зловещим, так как крики и стоны из глубин подземелий он заглушить не мог, и они более не были призрачными.

– Прантиш! – твердо вымолвил Лёдник. Вырвич с трудом заставил себя поднять глаза.

– Посмотри на меня! – властным голосом проговорил доктор. – Что бы сейчас ни происходило, просто закрой глаза и думай о другом. О Полонее Богинской, о латинских спряжениях... Да хоть бы о своем друге Вороненке. Помнишь, как мы упражнялись – концентрация, считаешь свой пульс, следишь за дыханием... Помнишь?

Прантиш кивнул, пробуя проглотить давящий ком страха.

– И главное, что бы со мной ни делали – молчи! Уловил? – продолжал наставления Лёдник, и Прантиш снова смог только кивнуть головой. Доктор понял его состояние и улыбнулся – откровенно, широко, как никогда раньше не улыбался, даже лицо его помолодело и похорошело.

– Ну, выше нос, Гиппоцентавр! Мы выберемся!

Брякнули засовы, распахнулась дверь, и вошел человек, видеть которого Прантиш хотел бы еще меньше, чем князя Геронима – одноглазый жолнер. Его мягкое лицо с двойным подбородком совсем не подходило воину. Потерянный глаз прикрывала черная повязка, а второй горел лютой ненавистью. Одноглазый не обратил никакого внимания на Прантиша. Он медленно обошел вокруг доктора, зрелище явно приносило ему наслаждение.

– Что же, человек ты, по-видимому, тертый... Не простой доктор-клистирник. Воевал, плетей попробовал... И, наверное, ничего и никого не боишься... Да?

Остановился перед узником почти вплотную.

– Ты думал, я схохну? Думал меня более не увидеть, а, ведьмак? Ты ошибся, мы, мужчины из рода Прашковичей, живучие... А еще мы ничего не забываем. – Рот одноглазого растянула невеселая улыбка. – Мой дед был солдатом в армии Станислава Лещинского, когда тот воевал на стороне шведского короля. И однажды однополчанин обыграл деда в кости, перед этим напоив водкой из красивых таких маленьких стеклянных рюмок с изображениями райских птичек, которые носил на счастье в специальной коробке, набитой соломой. Подливал, подливал – за дружбу, говорил, нельзя не выпить. И дед, чтобы отыграться, даже ружье представил. А назавтра на построении, на которое дед, естественно, пришел без оружия, его отлупили, едва не расстреляли. А однополчанин смеялся... Как ты, когда бросил мне в глаз это...

Прашкович резким движением поднял прямо перед лицом узника бронзовый стержень.

– Узнаешь? – мягкое лицо Прашковича было совсем близко от мрачного лица Лёдника, а блестящий, старательно заостренный конец древнегреческого стила, которое принадлежало когда-то школяру Вороненку, едва не касалось глаза доктора. – Так вот... Мой дед выжил, и его счастливый соперник тоже. Они по-прежнему считались друзьями. Тот мерзавец даже в знак примирения и дружбы подарил деду одну рюмочку с райскими птицами. По дороге домой они остановились в корчме и заказали свиные ребрышки с фасолью. После которых у однополчанина начался кровавый понос. Потому что в его тарелку дед мой высыпал давно подготовленное истолченное в пыль стекло от той самой рюмки. Однополчанин умер там же... Будто

бы от несварения. Хозяина корчмы оштрафовали – за некачественную пищу. Тебе нравится такая история, ведьмак?

Прантиш хотел было высказать свое мнение о гнусности и подлости услышанной истории, но встретился с твердым взглядом Лёдника и сдержался.

Прашкович говорил, будто мурлыкал кот, который подбирается к птице, попавшей в силки. Вдруг голос его изменился, зашипел по-змеиному, стило коснулось щеки Лёдника, будто ужалило...

– Как бы я хотел выколоть этой штукой оба твои нахальные глаза! – теперь Прашкович даже трясся от ненависти, обманчивая мягкость покинула его лицо. – Или загнал бы ее тебе в печень, и смотрел бы часами, днями, как ты медленно дышаешь!

На минуту Прантишу показалось, что жолнер выполнит свои слова, но тот отвел стило и вымолвил:

– Но его княжеская милость хочет получить тебя целым. Поэтому я не могу существенно попортить твой вид.

– Так, возможно, тебе стоит пропустить князя вперед? – иронично спросил Лёдник.

Прашкович зло рассмеялся.

– После князя мне уже ничего не останется, дурак. Ни одного вершка целой шкуры. Твое счастье, что его княжеская милость срочно отъехал – на переговоры с вашим хозяином Сапегой. Но против того, чтобы тебя немного пригладили, подготовили, князь ничего не имеет. И ты сто раз пожалеешь, что бросил в меня этот гвоздь!

Прашкович поднял острием вниз стило, которое, очевидно, искренне считал гвоздем, и с криком наслаждения всадил его в грудь Лёдника, направив так, чтобы стержень прошел под кожей. Лёдник сдержал стон, только дыхание его на мгновение прервалось. Палач отошел, понаблюдал... Потом осторожно, будто выполнял тонкую работу ремесленника, начал толкать видимый конец стила вниз, чтобы острие показалось из-под кожи... Ухватил его, вытянул как сапожную иголку. По груди Лёдника побежала тонкая темная струйка.

– Никакого существенного вреда, правда? – голос Прашковича мерзко дрожал от удовлетворения. – Но ведь больно не меньше, чем если бы я рубил тебя саблей. Я вышью этой иголкой на твоём теле всю свою боль, паскуда!

И всадил стило в плечо доктора. Снова протянул его сквозь рану под кожей. Медленно-медленно, ловя наименьшие проявления боли...

Вырвич словил злой взгляд Лёдника и послушно закрыл глаза. Постарался вспомнить улыбку Полонейки... Синие очи Сильфиды... Грациозные движения Михалишивны... Считал удары собственного сердца... Но слышал только неровное дыхание Лёдника, которое время от времени замирало. А тут еще одноглазый жолнер, не прекращая своей ужасной работы, начал напевать знакомую песню:

З вушак будуць нажнічкі,
З вушак будуць,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Нажнічкі.
З зубоў будуць пацеркі,
З зубоў будуць,
Лігіцігі-лігірулі, вой ды з мазурамі,
Пацеркі...⁹

⁹ Из ушек будут ножнички, / Из ушек будут, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Ножнички. Из зубок будут бусинки, / Из зубок будут, / Лигитиги-лигирули, ой да с мазурами, / Бусинки... (бел.)

Самое мерзкое, что палач ни о чем не спрашивал, ему не нужно было от узника ничего, кроме боли... Вырвичу показалось, что этот ужас тянется бесконечно. Закричать? Оттянуть внимание на себя? Но Лёдник не даст этого сделать, специально разозлит мерзавца, и будет еще хуже. К тому же настоящие пытки ждали впереди, очередь должна дойти и до молодого шляхтича.

Во дворе послышались крики, кто-то приказывал открывать ворота... Захлопали двери в подвале. Песня про мазура и сдохшую кобылу умолкла.

– Теперь ты меня запомнишь! И гвоздь твой возвращаю...

Прантиш открыл глаза: одноглазый стоял за спиной Лёдника и снова орудовал стилем, медленно загоняя его под кожу узника. Но доставать не стал, потер руки и ушел, довольный, пьяный мучениями врага. Двери хлопнули, как челюсти людоеда. Пленные снова остались одни.

Доктор выглядел... Плохо выглядел. Он почти висел на цепях, темные слипшиеся волосы закрывали опущенное лицо.

Прантиш севшим голосом проговорил:

– Доктор... Эй, доктор...

Лёдник встряхнул головой, выпрямился, твердо стал на ноги.

– Этот гицель совсем не знает анатомии, – голос его не изменился совсем – таким только лекции нерадивым студентам читать. – Сведущий в расположении болевых точек человек мог причинить гораздо больше вреда.

– Ты – как?..

– Как заштопанный сапог.

Прантиш едва не рассмеялся с облегчением – если бы слезы не душили.

– Жаль, ты не убил эту сволочь тогда, в карете!

– Никогда не нужно жалеть, что не отобрал у кого-то жизнь, – хоть и утомленно, но поучительно промолвил Лёдник. – Не ты же ее давал. А таких, как Прашкович, я считаю больными. В Париже видел я кучку развращенных людей, настоящих сумасшедших, которые называли себя «либертенами». Они во время оргий хлестали один другого плетками, втыкали в тело иголки... Наибольшее наслаждение, однако, получали, когда не по-людски издевались над беззащитными жертвами. У Прашковича те же симптомы, что и у них, он даже слюну пускал, когда чувствовал, что мне больно. Так что теоретически и я мог бы иметь удовольствие от его манипуляций.

Прантиш не мог не улыбнуться от ироничного тона доктора. Но сейчас же навалился позорный страх. Первое действие окончено. А дальше? Ясно, что слова «мы выберемся» бывший алхимик бросил, просто чтобы успокоить хозяина. За дверью камеры, в коридоре, что-то грохотало, слышались глухие вскрики, будто кто-то прощался с жизнью.

– Доктор, а если человеку суждено умереть в пыточной, это в гороскопе предсказывается? И на ладони написано?

– Выбрось эти мысли из головы! – звякнул цепями Лёдник. – Еще недавно бежал с саблей на ружья с криком «Гиппоцента-авр», а теперь? Даже линии на руке могут меняться, если их владелец не теряет головы в самой отчаянной ситуации.

– Ага, сейчас Сильфы к нам прилетят, или Краснолюдки через землю пророются... А может, Гиппоцентавр в дверь вломится?

Дверь распахнулась со страшным грохотом, исполинская фигура возникла в проеме, и чье-то тело кулем упало на пол.

Пришелец сделал шаг в ярко освещенное помещение, свет фонарей засеребрился на бровях и веках, заблудился в бездонных глазах непонятного цвета. Герман Ватман! Прантиш не верил своим глазам. Перевел взгляд на того, кто неподвижно лежал на полу... Одноглазый «либертен» Прашкович!

Между тем Ватман со своей обычной жестокой усмешкой неспешно обошел вокруг Лёдника.

– М-да, как-то не отважился бы я ходить лечиться к доктору, который так часто попадает в подобные ситуации.

– Пан пришел проверить, в какой я ситуации? – холодно поинтересовался Лёдник.

– Не поверишь, но угадал! – Ватман потряс связкой ключей, примеряясь, какой из них – от цепей.

– Вас прислала Полонья Богинская? – вскрикнул с радостной надеждой Прантиш. Ватман бросил на юношу насмешливый взгляд.

– Пан... Вырвич, если не ошибаюсь? Вы по-прежнему считаете, что мир крутится вокруг вашей драгоценной персоны, и панне Полонье больше не о ком вспоминать, как о недоучившемся школяре?

Начал отмыкать цепи Лёдника.

– Дело очень простое... Его княжеская милость Героним Радзивилл не сомневался, что одна исчезнувшая из его замка прекрасная особа очутилась у князя Сапеги. И прискакал к нему на переговоры, прихватив мушкетеров. Вот такая диспозиция... Сапега с названной особой не может оставить кавалергардию, но к нему на помощь, узнав снова-таки о присутствии той особы, приехал мой пан, воевода Богинский со своими жолнерами. А упомянутая прекрасная особа, очень, кстати, дерзкая, объявила панам Сапеге и Богинскому, что передаст интересную им вещь только в обмен на жизни двух лиц, которые находятся сейчас в этом помещении. Этого мы, конечно, не считаем... – Ватман кивнул в сторону Прашковича. – Поэтому Сапега отказался вести переговоры с Радзивиллом, пока тот не предоставит точных известий, что особы живы и здоровы... А пан Богинский поручил проверку мне. Вот я и приехал. С письмом от князя Геронима Лысого, Как Колено. Ну и с тайным поручением попробовать вас вывезти.

– Твой пан будет главным претендентом на тайну прекрасной особы? – спросил Лёдник, с облегчением опуская освобожденную руку.

– Точно так! Вот я и зашел сюда... С двумя провожатыми. Только у них сразу за дверью ноги подвернулись и шеи свернулись. Такое вот неудобство. А тут этот... под руку попал. Узнал меня, верещать начал, что я шпики...

– Вы его убили? – поинтересовался Прантиш без особенной жалости к Прашковичу.

– Зато теперь у него точно оба глаза. На том свете калек ведь нет, – поучительно молвил Ватман.

Упала последняя цепь с Лёдника, и обессиленный доктор оперся руками о столб. Через какую-то минуту был освобожден и Прантиш. Школяр подбежал к доктору и взглянул на его спину: стило было воткнуто под левой лопаткой. Вырвич осторожно достал тонкий окровавленный стержень и хотел было брезгливо отбросить в сторону, но Лёдник задержал его руку:

– Дай сюда...

Ватман многозначительно кашлянул:

– Если паны никуда не спешат, я могу их оставить в этом приятном месте. Но, боюсь, что какого-нибудь покойника в этих коридорах мне не удалось спрятать как следует, и сейчас прямоком к нам явятся проблемы... с ружьями, сабельками и шестоперами. Понимаете, где ни пройду последнее время, – скромно заметил наемник, – вокруг меня свеженькие покойники появляются. Планида, видимо, такая.

Лёдник натянул на себя одежду, причем молодой хозяин на этот раз не побрезговал сам ему помочь.

– Доктор, ты хоть можешь двигаться? – на всякий случай спросил Вырвич, которого смущало, что рубашка его слуги сразу окрасилась красными пятнами.

– Перестаньте беспокоиться из-за нескольких царепин! – раздраженно ответил доктор, застегивая черный камзол, под которым скрылась запачканная рубашка, будто никакой страшной сцены и не было.

За окном прогрохотали по мостовой колеса...

– Это мои ребята приехали. Пойдем! – скомандовал Ватман, взяв в одну руку пистолет, в другую саблю. Оружие одноглазого по праву того, кто выжил, досталось Лёднику.

Ватман шел, как могучий зверь, немного нагнув голову, будто собирался пробивать ею стены. Никого живого по дороге не встретилось... Мертвые – да, были. Чаще всего с переломанными шеями – видимо, излюбленный приемчик Ватмана. А вот когда двери из подвала приоткрылись, тот разочарованно вздохнул. На выходе стояла кучка жолнеров, которые показывали пальцами в сторону какой-то повозки, которую сейчас обыскивали. Все поливал унылый дождь.

– Влипли мои ребята. Надобно придумать другой план, – шепнул Ватман Лёднику и Прантишу, которые прятались за дверью, над трупом караульного ватманской работы. – Всех мне не перебить.

В голосе наемника, когда он произносил последнюю фразу, послышалось грустное сожаление.

– Если бы пробиться к Малому дворцу, к конюшне... Вон туда... – сказал доктор, показав на дверь, за которыми Пфальцман доводил до ума железную черепаху. Ватман кивнул головой.

– Можем добежать. Если вы будете в мундирах, – показал на труп караульного. – И если сюда раньше времени не войдет кто-нибудь – снаружи или снизу. Скажу честно – если бы вас отвели ниже, а где заканчиваются эти подземелья, я не знаю, – даже у меня могло бы ничего не получиться. Ну, а если очутились бы в башне Верхнего замка – все, панове, могила.

Сквозь ливень фигуры в замковом дворе казались размытыми, неестественными, как отражения в воде. Когда трое немного взволнованных жолнеров приблизились к Малому дворцу, от Копыльских ворот бешеным карьером, разбрызгивая дождь, слякоть и тревогу, влетела кавалькада. Тот, кто ехал первым, орал, как резаный:

– Приказ князя! Шпионов в башню! Доктора с пацаном! Стеречь! Не трогать!

– Все, доложили тронутому о торге, – прошипел сквозь зубы Ватман. – Будет нам свадьба с расколотой квашнею...

– Быстрей! – выкрикнул Прантиш и бросился в конюшню, приспособленную под мастерскую.

Казалось, подземелье Слуцкого замка беззвучно завывало им в спины, как голодное чудище, из челюстей которого вырвалась почти съеденная вкусная жертва.

Глава десятая

Последний путь железной черепахи, или рождение Слуцкого дракона

Железная черепаха была на месте, и Пфальцманы в полном составе с их слугою Генрихом в придачу. Только никак нельзя было сказать, что у них кипит работа, хотя из черепахи шел пар, видимо, герр Якоб проверял действие двигателя. Фрау Эльза всхлипывала на плече у мужа, злобно поглядывая вокруг, усатый Генрих, похожий на лишенного хатки бобра, понурившись, как над гробом, тискал в руках шапку, а напротив сердитый пан в мундире полковника радзивилловского войска сурово выговаривал:

– За укрывательство шпионов! За предательство его княжеской милости!

Двое пауков многозначительно покручивали в руках сабли, время от времени боязливо, но со скрытым интересом, косясь в сторону «дракона».

Бой был недолгим. Ватман брезгливо выпустил из рук два тела с разбитыми головами, и теперь их освобожденные души непонимающе озирались где-то рядом – что же это с ними произошло? Лёдник аккуратно вложил окровавленное оружие в ножны и мрачно посмотрел на испуганных Пфальцманов. У Пфальцмановой жены будто отпустило какую-то пружину, она бросилась на Бутрима с кулаками:

– Все из-за тебя, проклятый еретик!

Переключилась на Прантиша, нацелилась худыми пальцами в его честные глаза:

– Лжец! Лжец!

Изобретатель схватил фрау в объятия, что мало помогло, и с отчаянным вопросом, шатаясь туда-сюда волей своей фрау, посмотрел на однокурсника. Тот пожал плечами.

– Порадовать нечем. Если не уйдем отсюда – смерть ждет всех мучительная и неизбежная. Героним Радзивилл ничего не прощает.

– Что же делать? Что делать? – губы Пфальцмана тряслись, как холодец на свадебном столе во время танцев.

– Могу сразу прирезать, чтобы не мучились, – вежливо предложил немцу Ватман, как будто предлагал нюхательную соль. Пфальцманы его своеобразный юмор не оценили, и фрау начала с бледным лицом падать на землю.

– Значит, с бабы и нужно начинать, вон какая дохлая, толку от нее... – меланхолично заметил Ватман, и фрау быстренько встала на ноги, протыкая злобным взглядом выпуклых серых глаз наемника Богинских.

– Якоб, твоя машина готова? – мягко спросил Лёдник. Пфальцман испуганно моргнул, румянец возвратился на его обрюзгшие щеки.

– Ты хочешь... Ты хочешь... Чтобы мы...

– А ничего другого не придумать. Давай испытаем твою машину, насколько она стоящая.

Якоб растерянно посмотрел на жену, но та временно лишилась способности давать советы, и решил, чему немало поспособствовало то, что в запертые на засовы ворота конюшни начали настойчиво колотить.

– Садитесь! Хоть всем будет тесновато... И жарко.

– Потерпим, не восковые! – ответил Лёдник.

Когда Пфальцман уселся за рычаги своего изобретения, сразу изменился: движения и голос приобрели уверенность, даже черты лица подтянулись. Тем более жена лежала теперь буквально у него под ногами – положение, к которому она, видимо, не привыкла. Но иного места не нашлось – все и так жались друг к дружке, как орехи в горле рождественского гуся.

Поддерживать огонь в котле поставили Ватмана – хоть рвался Лёдник, который по привычке не желал признать себя покалеченным и не самым сильным. Доктора усадили на ящик с углем. Прантиш и кучер Генрих пристроились по бокам, где были орудия, их успели установить всего восемь. Между спинами школяра и кучера были зажаты бочонок с порохом и ящик с ядрами.

Огонь в топке гудел, вода в котле, который находился снаружи, закипела, запахло раскаленным железом, черепаха выплюнула струю пара...

– Шнель! – воскликнул Пфальцман, дернул рычаги, тронулись с места шатуны, будто перебирало ногами огромное насекомое. Завращались колеса и колесики, звякнули щиты черепахи, смыкаясь, от чего внутри стало темно и жарко, как в бане.

Видимо, грохот, который создавала черепаха, слышали снаружи, потому что ворота ломать перестали.

– Франц, стреляй! – приказал Пфальцман, и Прантиш зажег фитиль миниатюрной пушки, которая находилась в специальном желобе наверху, так что ее отдача не делала вреда.

Ядро врезалось в створки ворот, и те разошлись, закачались, как будто тоже желали удрать...

А потом начался местный Апокалипсис.

О том событии свидетели долгими зимними вечерами рассказывали своим внукам и правнукам, а те передавали дальше. Рассказ о белорусском драконе-людоеде, из ноздрей которого шел черный дым, приобрел жалостливый сюжет, обогатил репертуар лирников и прибавил образованным лицам скептицизма насчет возможности исправить мифологическое сознание тутошнего темного люда с пережитками языческого мировоззрения.

Естественно, если бы радзивилловские слуги не растерялись, если бы действовали, как должно, шансов у медлительной машины не было бы. Но все просто разбежались со знакомыми до зубной боли криками «Цмок! Цмок!» – «Дракон!». Тем более теперь черепаха могла стрелять во все стороны, а вот ее блестящие щиты не брали никакие пули. Вокруг машины вился дым, который выглядел бы еще более устрашающе, если бы сейчас же его не прибавал дождь, как хлопотливая хозяйка – залетевшую муху. А здесь еще к суматохе присоединились небесные силы – поздняя гроза послала на Слуцк целый отряд крылатых гусар-молний, и присутствующие во дворе Нижнего замка тут же связали это явление с железным чудищем.

Черепаха со скоростью обычного прохожего направлялась в сторону ворот около бани, где был опущен мост. Нет, его начали было поднимать те, кто не совсем потерял голову... Но пара выстрелов из пушки – и порыв старательных охранников растаял, как соль в бульоне.

Где-то стучал молоток оружейника, безразличного к суете человеческой – мастер изготавливал очередное приспособление для защиты от смерти, дорогой кольчужный панцирь, что благородный шляхтич сможет надеть под сарматскую чугу, прежде чем идти на сейм, который в этой несчастной державе обязательно закончится сечей. А рядом, в кузнице, хлопотал молоток кузнеца, ковал инструмент смерти – шестопер, булаву с острыми пластинами, который не заметит тонкий панцирь и честно переломает ребра шляхтичу в сарматской чуге, проголосовавшему не за того кандидата или использовавшему свое «либерум вето» и сорвавшему сейм, как сбежавшая невеста – свадьбу.

Дождь лил, железное чудовище, выдыхая огонь, с ревом ползло по Слуцку, горожане закрывали ставни и читали молитвы. О том, что делается в княжеском замке, давно ходили самые ужасные слухи, и когда оттуда выполз дракон, это никого не удивило. Горожане легко поверили бы и в то, что подобный облик принял сам князь. Жолнеры, обязанные выполнять свой долг, тянулись за страшилищем на безопасном расстоянии и время от времени постреливали в него из-за строений. Черепаха плевала в ответ одиночными выстрелами из пистолетов.

Машина приближалась к рынку, сейчас пустому – не потому, что торговцы побоялись дракона и стрельбы, нет, слуцких торгашей не напугал бы и дождь из смолы, если бы при этом

кто-то, хоть бы и с рогами, продолжал бы покупать огурцы и сало. Но в такой ливень надежд на покупателей не было, даже из русалочьего племени. Хотя несколько телег с бочками стояли, от них за версту шел аромат подгнившей селедки. Ватман унюхал этот запах издали и крикнул Пфальцману:

– Герр, как там тебя, твоя колымажка может прокатиться сама по себе хоть несколько сажень?

– В принципе, может... Если разогреть двигатель хорошо, и я закреплю рычаг... – прокричал в ответ Пфальцман.

– Тогда внимание, гражданские! Сейчас мы поравняемся с возами, на которых стоят бочки. В бочках, миль пардон, не совсем свежая селедка. По моему знаку приоткрывается щит с этой стороны, все выскакивают, как крысы из печи... Кто сможет незаметно залезть в бочки, лезет и спасается. Кто медлит, брезгует, или боится – предупреждайте сразу, но должен сказать, что уголь все равно заканчивается.

Естественно, никто не промолвил ни слова.

– Подмени меня немного, заштопанный, – попросил Ватман Лёдника, припал к одной из щелей и как-то особенно свистнул.

– Ну, если, сучьи дети, не выполнили приказ и разбежались – прибью...

Свистнул еще раз... Наконец послышался свист в ответ. Из-за рыночных прилавков высушились испуганные физиономии, недоверчиво всматриваясь в железного дракона.

– Вырвич, стрельни хорошенько во все стороны, кроме этой!

Густое облако черного дыма на минуту закрыло черепаху, преследователи попрятались. Никого не удивило, когда ошалелые кони понесли куда-то в боковую улочку телеги с бочками, которые стояли около рынка. Черепаха бодро проползла еще десять сажень и медленно остановилась, выпуская клубы пара. Ее маленькие многочисленные колеса-лапки грозно застыли, будто готовясь к неудержимому рывку.

Погоня затаилась. Чего ждать? Новых выстрелов? А, может, у дракона сейчас вырастут крылья, выдвинется голова на длинной шее и начнет плевать огнем? Образованные офицеры справедливо считали, что беглецы готовят какой-то подлый план по использованию секретного смертоносного оружия. Особенно пугало то, что, когда по черепахе снова начали постреливать, она в ответ молчала.

Кто-то предложил начать переговоры. Проклятым немцам-колдунам советовали оставить металлическое чрево машины и сдаться, иначе... В ответ – тишина. Тем временем подкатили две пушки – Амальфею и Доминику, одну даже сняли с главных ворот. Еще раз предупредили бунтовщиков... Некоторые напоминали, что князь будто бы приказал не трогать доктора-чернокнижника, но комендант Карлинг, разъяренный до взрыва мозга тем, что его город-крепость едва не сдался собственному страху, хотя из солдат любой страх должен был быть давно выбит шпицрутенами и муштрой, лично отдал приказ. И пушечные ядра – серьезные, большие, не то, что у черепахи – полетели в страшилище. Недолет, перелет... На месте, где недавно стояли телеги, и вместо части рынка возникла ямища. По стене соседнего дома прошла трещина, как по мартовскому льду. Следующим выстрелом удалось попасть точно. Взрыв получился выдающийся, ибо в черепахе содержался еще хороший запас пороха, а в котле был пар под давлением. Вверх взлетели детали, колеса, колесики, рычаги... Остатки железного дождя случаем еще долго собирали на своих улицах, крышах и огородах. Найти такую драконью кость считалось плохой приметой.

За это время, несмотря на строгий приказ коменданта никого не выпускать из города, через виленские ворота выехали три телеги с бочками гнилой селедки, которые были отправлены с княжеской кухни в соседнее имение на корм свиньям. Возможно, охрана не увидела в грузе ничего подозрительного, и не захотела, чтобы рядом было такое смрадное соседство, а, возможно, офицеры были подкуплены... Но разбираться потом никто не стал, потому что

все разговоры в городе шли вокруг гибели железной черепахи и чернокнижников... И о гневе князя Геронима на тех, кто это допустил.

А где-то среди литвинского осеннего леса, на глухой полянке, поросшей вереском, очень вонючие люди охотно подставляли себя холодному дождю, а невысокий толстенький немец бессильно тряс кулаками, будто угрожал самому небу, и ругался так виртуозно и затейливо, что богатырь с белыми волосами и много раз плохо склеенным носом с уважением покивал головой, подошел к одному из кучеров, что освобождали от бочек повозки.

– Мартин, осталось чего от корма свиньям? Давай сюда...

Крепкий усатый кучер чинно кивнул головой, залез куда-то под воз, достал оттуда тяжелую кожаную мошну, бросил предводителю. Белоголовый взвесил мешочек в руке:

– Дукатов сто, сто двадцать осталось. Кажется, еще несколько камешков там должно болтаться.

Передал немцу, чья жена в перепачканном платье, в чепце набекрень, тут же принялась жадно пересчитывать монеты и рассматривать на свет диаманты, которые действительно в мешочке имелись.

– Это немного, – промолвил белоголовый. – Но когда доедете до дворца князя Богинского – будьте уверены, вас вознаградят сполна. Главное, нигде не называйтесь настоящими именами, придумайте себе другую историю... Помните, что Пфальцманов на свете больше нет. А вообще радуйтесь, что выбрались живыми. Посоветовал бы вам вместо оружия перейти на музыкальные машины.

К белоголовому подошел высокий черноволосый человек с худым мрачным лицом, на фоне великана он выглядел даже изящно.

– Пан Ватман, Пфальцманы отъезжают?

Наемник пожал плечами.

– А зачем они нам? Помеха... Вот кучеры их отвезут. А у нас с вами еще много важного, доктор.

Голубоглазый юноша с дерзким лицом вмешался в разговор:

– Не забывайте, Ватман, что доктор – мой слуга! Без моего позволения он ничего делать не будет!

– Ну что вы, как же без вас... – белоголовый по-шутовски склонился. – Пока что выберите себе по коню – не смотрите, что они в мужицкие телеги запряженные, мы отбирали самых быстрых. И двинем...

– Куда? – поинтересовался Лёдник.

– Пока что недалеко. Меньше спрашиваете – дольше проживете.

На поляне, заросшей вереском, валялась то там, то сям гнилая селедка, будто ее принес дождь. Ватман, не обращая внимания на фрау Эльзу, разделся до пояса, растер водяные струи по исполосованному боевыми шрамами телу, засмеялся от наслаждения. Прантиш скептически осмотрел своего слугу, тот, хмурый и напряженный, стоял в своем камзоле, застегнутом на все пуговицы до горла, дернул его за рукав:

– Там ручей есть, за лощинами, я побывал. Вот рубаха и свитка – кучер дал взамен моей рубашки, хоть соленой, зато с кружевами. Не строй из себя стойка Сенеку, иди, нормально вымойся и переоденься. Как ты сидел в рассоле-то со своими ранами?

Лёдник странно посмотрел на Вывича, его губы дрогнули, взял одежду:

– Спасибо...

Даже не ворчал. Прантиш пожал плечами и подставил лицо дождю: как же хорошо жить! *Moliter vivit!* Даже в бестолковую сумасшедшую эпоху – а кто сказал, что на этой земле случаются более легкие? Как хорошо быть литвином и шляхтичем, иметь прекрасную даму, и саблю, хоть и чужую, и герб Гиппоцентавр! И рядом невыносимо ворчливого, невероятно сведущего и невероятно мужественного Лёдника...

Через час три всадника въехали на небольшой холм, который, скорее всего, имел гордое название Лысая гора – потому что на белорусских землях Лысых гор, похоже, не меньше, чем лысых литвинов. Здесь была только заброшенная охотничья хатка, больше похожая на шалаш. Зато с просеки виды на Случчину открывались выдающиеся – дождь приостановился, серое небо перестало напоминать сплошное льняное полотно, теперь в нем были просветы из пушистых белых облаков, а октябрь щедро разбросал багрянец и золото по черной земле, хотя знал, что эту красоту никто не оценит... Ватман бдительно всматривался куда-то в ту сторону, где виднелась красная крыша кавалергардии, в которой собрались целых три магната делить одну Сильфиду.

– Доктор, ближе ко мне! – скомандовал Ватман. Лёдник подъехал, остановил коня рядом.

– Смотри в ту сторону! – Ватман показал пальцем в направлении кавалергардии. И даже помахал кому-то рукой, хотя с такого расстояния их никто увидеть не мог.

– Что теперь? – вежливо поинтересовался Лёдник.

– Теперь – мы отдыхаем, ждем и не задаем вопросов.

Ватман легко соскочил с коня и зевнул.

– Туман поднимается... Это хорошо. Ну что стоишь, щавлик, иди привяжи лошадей, а потом костер разведи, пока дождя нет! Умеешь?

Прантиш хотел было возмутиться, потому что щавликом обозвали именно его, но Ватман был дворянином и военным, а военная наука вынуждает даже самых родовитых заниматься грязной работой. Каждый воин должен уметь зашить сапог, наточить лезвие сабли, перевязать рану. Это магнатов, вроде «Пане Коханку», вывозят с детства на войну, как на парад, вместе с поварами, лакеями и шелковыми шатрами. А вот Андрей Римша, чьи произведения изучали в коллегииуме, так написал о возвращении гетмана Криштофа Радзивилла по прозвищу «Перун» в лагерь во время Ливонской войны, когда воевали с московитами:

Пан прыехаў – трасецца, як пячкур у меху,
Што казаці – было тут пану не да смеху:
Затушыў дождж кастрышчы, дровы не прасохлі,
Ляжа ў адзенні, да касцей прамоклы¹⁰.

А когда литвины переходили Медвежье болото, то:

Не пазнаць было, хто там гетман, хто паняты:
У гразі ўсе таўкліся, быццам парасяты¹¹.

Все это очень походило на их сегодняшнее положение, поэтому Вырвичу, который мечтал о воинской славе, не к лицу было жаловаться. Он действительно с военной точки зрения был «щавликом», которого нужно учить. В конце концов, после подземелий Слуцкого замка даже шалаш на вершине Лысой горы казался райским дворцом.

Пока светло, можно набрать грибов, поискать каких орехов... По крайней мере, они с Лёдником так когда-то и делали. Но Прантиш увидел, как несгибаемый доктор буквально упал на наваленное в шалаше отсыревшее сено, и понял, что лучше его не тревожить. Но сделал другую глупость, начал интересоваться родословной герра Ватмана. На эту тему любили рассуждать все, ибо шляхтич с детства изучал свою родословную до мелочей, и чаще всего можно было в таких разговорах убедиться в родстве с очередным «паном-братом» через какого-либо

¹⁰ Пан приехал – трясется, как пескарь в мешке, / Что сказать – было тут пану не до смеха: / Затушил дождь кострища, дрова не прасохли, / Ляжет он в одежде, до костей промокший. (бел.)

¹¹ Непонятно было, кто там гетман, а кто паничи: / В грязи все толклись, будто поросята. (бел.)

затерянного в веках князя или короля. Сам Вырвич собирался похвастать, что веточки его родословной тянутся до самого князя Полемона. Отец Вырвича все время повторял, что когда ляхи не имели гербов своих, литвины уже были шляхтой – от древних римлян. Но Ватман только усмехнулся:

– До Полемона, говоришь? А я – сын маркитантки! Родился на поле боя, крещен пулями. Дворянство заслужил саблей. Есть у меня и баронство – от короля Густава, и еще пара орденов, которые укрепляют мое шляхетское достоинство как стальной клинок, и даже замок в Силезии, где меня лет семь ждут верноподданные невесты на право первой ночи. Герб мне нарисовали с грифонами. Но мне на это на...ть.

Лёдник одобрительно хмыкнул, и Прантиш обиженно отошел от этих хамов, которые не понимают благородных бесед.

Снизу подымался седой туман, будто собирался штурмовать Лысую гору. Теперь можно было не бояться, что их костер заметят. Лёдник лежал ничком, и это было плохо. Хорошо хоть, не на земле – на досках, прикрытых сеном. Еще в шалаше находился узкий стол, украшенный двумя старыми глиняными мисками с прелой листвой и дохлыми мухами, и остатки скамьи. С другой стороны стола на мокром сене лежал, подложив под голову руку, Ватман.

Прантиш присел рядом с Лёдником.

– Доктор, тебе лучше ближе к огню. Недалеко растет дуб, можно коры надрать... От воспаления кожи заварить. И веточки осины можно взять... С хинином... От горячки...

– Выучил, школяр, зачет, – Лёдник с трудом присел. – Давай неси... Еще найди смолы-живицы. И во-он тех красных ягод нарви. Всем пригодится от возможной простуды.

Ватман презрительно воскликнул:

– Гражданские! Солдат в снегу ночует и не простужается.

– Еще как простужается, уважаемый, и сколько я у таких героев в Пруссии да Чехии отрезал отмороженных рук и ног – на телегу не поместились бы. Пилил и пилил, – не смолчал Лёдник.

Наемник ощерился, как зверь:

– Вот бы я сейчас не отказался от хорошего куска мяса.

Сделал устрашающую паузу, и добавил успокоительно, с насмешкой:

– Нет, не человечьего.

Захохотал, а потом тихо завел приятным хрипловатым голосом милую песню о девушке, которая ждала с войны своего любимого, ждала, а тот вернулся в виде призрака и завез ее с собою в темную сырую могилу.

Ой, ці не страшна табе са мной?

Ой, мне не страшна, мой герой!

А косткі мае не надта грываць?

За пацалункам іх не чуваць!

А хутка і вусны мае згніюць!

А зубы ж не хутка выпадуць!¹²

Спина Лёдника, который снова лежал ничком, начала трястись, будто от лихорадки. Он перевернулся, и, не прячась, захохотал, а потом начал подпевать черноюморному Герману:

А што, калі ўсё разваліцца?

¹² Ой, не страшно ли тебе со мной? / Ой, мне не страшно, мой герой! / А кости мои не слишком гремят? / За поцелуями их не слышно! / А скоро и губы мои сгниют! / А зубы зато не скоро выпадут! (бел.)

Тады з костак булён зварыцца!¹³

И Вырвич понял, что все будет хорошо.

А когда туман почти дополз до верха, из его призрачной глубины послышался свист. Беглецы съехали с горы, и к ним присоединились пять всадников, у которых нашлась для вымоченных в сельдевом рассоле новая одежда. Получили изголодавшиеся мужчины и припасы в дорогу. Прантиш, прямо сидя в седле, впился зубами в кусок мяса.

– Трогай! – скомандовал Ватман.

– Куда? – жуя, спросил Прантиш.

– В Менск, в монастырь бернардинок!

И сердце школяра забилося сильнее: к Полонейке!

А Лёдник упрямо закинул голову:

– Я никуда не поеду без одной особы!

Всадник, невысокий, стройный, приблизился к нему вплотную, приподнял белое лицо с огромными глазами и произнес неровным от радостного волнения голосом:

– Думаю, это не проблема, мой бедный Фауст!

¹³ А что, если все развалится? / Тогда с костей бульон сварится! (бел.)

Глава одиннадцатая

Как Прантиш в женском монастыре жил

Нынешнее лето было в славном городе Менске не самым спокойным. «Пане Коханку» Радзивилл весь потолок в зале Трибунала в ратуше расстрелял на решето. Потом его конфидент пан Михал Володкович город на уши поставил, проходу панам радцам не давал.

Все ждали сечи, а любая шляхетская ссора отражалась на горожанах самым грустным образом. Трибунальский вице-маршалок Марикони поклялся, что за все бесчинства заставит Володковича отвечать по закону. А какой закон может быть для пана, без которого всемогущий «Пане Коханку» шага ступить не может, в лоб целует и братом называет? Вон несвижский ксендз Облачинский, которого едва ли не святым прихожане считают, попробовал было в Мариинском соборе буяна пристыдить, так тот ему через неделю богослужение сорвал. Привел на площадь музыкантов, цыган с медведями и обезьянами, да бочку вина выкатил. Особенно радовались ученики иезуитского коллегиума. Прантишу тогда удалось побыть в толпе, исключительным зрелищем насладиться и вином дармовым. Тогда он искренне завидовал хвату Володковичу и мечтал стать похожим на него. Захотел кому плетей дать – дал, захотел красивую женщину полапать – пусть ее муж терпит... Сегодня, вспоминая бешеные глаза Володковича и его красное, испитое лицо – хоть пан еще молодой – Прантиш уже не был уверен, что это его идеал.

Из окон монастыря бернардинок хорошо виден Мариинский собор с двумя башенками, украшенными колоколами, отлитыми из огромного, привезенного из Кенигсберга колокола по имени «Ян Сологуб», слишком огромного для использования на местной колокольне. Виднелось и до боли знакомое здание иезуитского коллегиума. Где-то там, в общежитии-конvente, осталась родовая сабля Вывичей, с выгравированным на эфесе Гиппоцентавром. Лирник под окном запел балладу о могучем гетмане Радзивилле, чем, наверное, ранил бы сердца благородных представителей рода Богинских, если бы те считали стоящим прислушиваться к пению какого-то нищего:

Радзівіл князь выязджае,
Веліч нібы сонца ззяе
Моц і слава зямлі літоўскай
Па-над ім лятае.
Моладзь і высока панства,
Рыцары – Літвы ваярства,
Коні рвуцца пад імі,
Чуюць вершнікаў штукарства¹⁴.

Прантиш придвинулся поближе к окну... Только при пани игуменье по сторонам особо не повертись. Мать Альжбета, дородная и властная, сурово глядела на гостей, хотя и ожидавшихся и хорошо оплаченных племянником. Двое мужчин, к тому же схизматиков, и женщина в мужском платье – в ее монастыре!

– Как хотите, но в кельях я их поселить не могу! – строго сказала мать Альжбета белоголовому великану с перебитым носом, конфиденту воеводы Богинского.

¹⁴ Князь Радзивилл выезжает, / Величие как солнце светит, / Мощь и слава земли литовской / Над ним летает. Молодежь и благородные паны, / Рыцари – Литвы воины, / Кони рвутся под ними, / Чуют всадников искусство. (бел.)

– Но ведь, тетушка, его княжеская милость, мой пан брат очень просил... – милым голоском промолвила молоденькая послушница с немного вздернутым носиком, розовыми губками и шаловливыми, совсем не как у монашки, глазками. – Его княжеская милость уверяет, что гости эти очень важные, их безопасность – дело нашей семейной чести и...

– Умолкни, сорока, – раздраженно остановила племянницу мать Альжбета. – Если бы не это, не пустила бы в святые стены эту банду.

Осмотрела еще раз пришельцев, как хозяйка – неудачные булки:

– Значит, так... Поселитесь в левом крыле, где казна. Туда всем ходить запрещено, ключ только у меня, есть выход через подвалы... Самое то. Женщину – в верхнее помещение, где сложены гобелены. И чтобы запиралась на ключ! Мужчинам придется ночевать под лестницей. Надеюсь, не нужно предупреждать, что здесь – приют целомудрия...

– Я сама прослежу за их поведением, тетушка! – послушница поцеловала руку игуменьи.

– Ты уж проследишь... – в голосе матери Альжбеты сквозь раздражение слышалась снисходительная любовь. – За тобой следить нужно, озорница. А заботиться о гостях и правда придется тебе. Потому что лишних глаз и ушей нам здесь не нужно.

Остановила взгляд на госте в мужском костюме, чье ослепительно красивое лицо было таким бледным и измученным, будто сейчас пани упадет, взглянула на ладного юношу с нахальными глазами и его старшего спутника, с умным саркастическим обликом, слишком умным и слишком саркастическим для доброго христианина, нахмурилась...

– Распорядись, Полоней, чтобы нагрели воды. Запах от этих мужчин, как от гнилой селедки. Девушка пусть ложится в кровать. И на ключ запирайся, слышишь! Мерзость-то какая делается... Мужчины в женском монастыре!

На прощание послушница подмигнула Прантишу так, что у него радостно зашлось сердце.

Спать Лёднику и Вывичу следовало на сенниках, брошенных на пол под витой лестницей. Но и это было хорошо. Это было даже роскошно. Еще в их распоряжении была лестничная площадка цокольного этажа внизу, но все двери комнат – и там, и выше – были надежно заперты, сберегая добро бернардинок. Можно было подняться по лестнице на самый верх, на чердак, к круглому окошку. Ход в подвалы закрывался плитой в полу, и смысла рваться туда пока не было.

Утром Соломея спустилась вниз, переодетая в простое коричневое платье, навряд ли из гардероба дочери воеводы, скорее, какой-нибудь простой послушницы. Как при этом она умудрялась по-прежнему быть похожей на Сильфиду – загадка. Прантиш наблюдал за ее плавными движениями, за тонкими чертами лица, горделивой статью... И крамольные мысли возникали: чем эта мещанка хуже шляхтянки? Поставь рядом ее и любую магнатку, неопытный человек именно в полочанке узнает голубую кровь. А Михалишивна из Слуцкого театра, такая же изящная и красивая, вообще из крепостных!

Спасительная мысль вернула пошатнувшийся мир на место: а кто сказал, что у этих паненок нет голубой крови? Ну, дали плоды внебрачные шалости магнатов... Обычное дело. Может, и у Лёдника, сына скорняка, такой выдающийся ум именно потому, что его мать или бабушка понравились благородному пану. А кровь – не водица!

– У меня для вас подарок!

Сильфида ласково улыбнулась – именно от такой улыбки Минотавры начинают стыдливо приглаживать космы на звериной морде и вспоминают, когда последний раз чистили клыки – и передала в руки Прантишу знакомый узелок. Шляхетская шапка с облезлым соболем и алмазным гузом, фамильный сигнет Вывичей, мешочек с дукатами от Полонейки. К которым теперь можно было присоединить целых сто дукатов от ее брата... Эх, сюда бы еще и дедовскую саблю! Дальше в узле были докторский диплом Балтроема Лёдника из Пражского университета, его же диплом из Лейпцигского университета, несколько склянок-бутылочек

с зельями и докторская трубка, перевязанная суровой ниткой стопочка листков, исписанных мелким почерком, молитвенник, ясно, тоже Лёдника, его же карандаш, записки Вороненка, и – бумага о продаже должника Балтрома Лёдника, полоцкого мещанина, во владение шляхтичу Прантишу Вырвичу.

– Это мне его княжеская мось Александр Сапега передал – когда уверился, что вы погибли, в знак того, что вы были его посланцами, и я должна ему доверять, – объяснила Соломея.

– Ты видела нас, когда мы стояли на Лысой горе, – то ли спросил, то ли вынес вердикт Лёдник.

– Да. В подозрную трубу, – подтвердила полочанка. – Пан Богинский переиграл всех. Я поставила условие – спущусь за рамфеей в подземелье только для того, кто спасет вас. Князь Богинский тихонько пообещал, что сделает это, и когда покажет мне вас живыми и в безопасности – я должна тайно, чтобы не узнал Сапега, уйти с его слугами. Когда люди Богинского вывели меня из кавалергардии, окно оставили открытым, а внизу там река. Чтобы объявить – я от горя, что мой жених... прости, Бутрим, так тебя называли – погиб, выбросилась через окно. Так что для всех, кроме нескольких заговорщиков, мы мертвы.

– Это не самое худшее положение в этом поганом мире, – тихо молвил Бутрим. – Жаль только тех, кто остался в Слуцке.

Прантишу от известия, что он считается покойником, сделалось немного не по себе, однако в голове сразу начали возникать интересные планы, как можно подавать себя в виде пришельца с того света, и что веселого и полезного из этих появлений можно поиметь.

Реничевна подошла к Лёднику и потрогала его лоб:

– Фауст, у тебя горячка!

– Глупости... – проворчал Лёдник, но Прантиш, который вчера, когда они по очереди мылись в подготовленной монашками лохани с горячей водой, имел сомнительное удовольствие видеть на теле слуги итог работы древнегреческого стила, решительно промолвил:

– Бутрима нужно бы смазать каким-нибудь бальзамом для заживления ран. На Лысой горе он прикладывал отвар коры дуба и живицу, но...

– Что с тобой сделали? – вскинулась Соломея к Лёднику, а тот только фыркнул и отворачивался:

– Ничего страшного и опасного для жизни.

– Я тебя знаю, Бутрим, – ледяным голосом промолвила Реничевна. – Может, ты и добыл философский камень, но не способен вытянуть себя даже из самой маленькой лужи. А я, хоть и не получила диплом лекаря, могу узнать, когда человек действительно болен, но от глупого гонора храбрится.

Прантиш довольно улыбнулся: нашелся кто-то, кто мог легко ставить Бутрима на место. Вскоре Соломея раздобыла через Полонею бальзам, который готовили здешние монашки.

– Раздевайся!

Лёдник подозрительно покосился на стеклянную банку с желтым вонючим веществом, наклонился, принялся:

– Основа из древесного масла... Восемь гран желтого воска, пять белого, десять гран живицы, один гран ладана, одна часть сливочного масла... Кажется, слишком не переварили. Давай, я сам.

– Ты уже много чего сделал с собою сам, – твердо вымолвила Соломея. – И из этого получилось мало хорошего. Не забывай – я много лет, как и ты, лечила людей. Или ты хочешь, чтобы тебе мазал спину сам пан Вырвич?

Лёдник злобно скосил глаза на Прантиша, который, сидя на своей кровати, лыбился, как зубы продавал, и потянулся расстегивать рубашку. Когда полочанка увидела его без одежды,

вымолвила только два слова, которые не очень подходили для ее губ, но четко обрисовывали положение:

– Олух хвощевский!

Потом ворчливого доктора напоили отварами... Лицо его немного порозовело, а панна Соломея остатки мази понесла к себе наверх. Прантиш догадался, зачем. Ехали они сюда всю ночь и утро, а панна – всадник не очень опытный, к концу дороги держалась еле-еле, на одном упряместве, которого ей тоже не занимать... И теперь ходит с трудом. Эх, Лёдник, звездочет несчастный... Под носом ничего не замечает.

На смену радости от спасения, такого маловероятного, снова приходила тяжесть ожидания и неизвестности. Они в очередной раз оказались узниками, на этот раз у Богинских. Если бы не жесткий ритм занятий – от математики до фехтования – Прантиш бы истосковался, как некрасивая девушка, которую никто за весь бал не пригласил на танец. Ясно, что князь Михал решил переждать, пока об утраченной Полоцкой тайне забудут Радзивиллы и Сапегы. Но ведь вынудит ехать в Полоцк. По поводу наследия отца панна Соломея по-прежнему хранила молчание, так что не было понятно, насколько опасно и реально добыть реликвию, и как с ней наилучшим образом обойтись.

Полочане все время подначивали друг друга, разговоры их были интересные и резкие, часть их ученых бесед Прантиш вообще не понимал, но за словами вырисовывалось такое единство душ, что завидки брали. Иногда доктор и Сильфида замолкали, и казалось, что в это время они ведут самые важные диалоги через взгляды, жесты, биение сердца и дыхание.

А вот амурные дела самого Прантиша требовали решительных действий. Особенно обидно было осознавать, что в этом же здании полно красивых одиноких девушек, а ему от этого никакой пользы. Иногда до школяра долетали молитвенные песнопения, из окна он мог видеть фигуры в серых бернардинских платьях. Возможно, среди них есть та, которую в монастырь силой отдали жестокие родственники, и она мечтает сбежать отсюда, или хотя бы не против перекинуться словом с гожим юношей. Но до монашек было не добраться никак, в эту часть монастыря они не заходили, а старая Доминика, которая приносила еду, не считалась.

Конечно, основное место в грезах занимала Полонья Богинская, которая в своем послушницком наряде больше не казалась такой недоступной. Почему бы не выманить Полонью для разговора в какой-нибудь тихий и безлюдный уголок монастыря, ну хоть бы на чердак? Воспользоваться тем, что воеводская дочка, сосланная к тетке для отбытия какой-то епитимьи, здесь скучает, и при отсутствии балов и кавалеров может удовлетвориться разговорами с голубоглазым школяром. Интересно, что же она такого сотворила, что брат отправил ее сюда? Хотя такая может натворить чего угодно...

Они с Богинской сидели у круглого окошка и смотрели на Минск, который тонул в вечерних сумерках, как могучий корабль с белыми парусами облаков и коренастой мачтой ратуши. Полонейка расположилась просто в оконной нише, из-под серой полы монашеского платья иногда показывалась ее ножка во вполне светской, вышитой зелеными камешками туфельке на высоком изогнутом каблучке. Прантиш пристроился ниже, у ног своей прекрасной дамы, и млел от счастья и гордости: он, сын посконного Вырвича из Подневодья, который пас коров и собственноручно разбрасывал по полю навоз, сидит сам-друг с Полонеей Богинской, которая качалась в золотой колыбели и ела с диамантовых тарелок! Школяр только что закончил цветастый рассказ о своих подвигах в страшном Слуцком замке, спасении Сильфиды, побеге в железной черепахе, получил свою долю заинтересованных улыбок и теперь надеялся на нечто большее, чем дукаты.

Где-то далеко, на Кальварийском кладбище, загорелись огоньки на могилах, напоминая, что заканчиваются «Дзяды». В Троицком мерцала свеча в окошке недавно открытой аптеки Шейбы – вот Лёдник там пороскошествовал бы, среди зелий. Тускло светились окна храмов. Даже Желтой церкви, которая после пожара совсем пришла в упадок, в почерневших стенах

осталось всего несколько монашек. Но Прантишу вдруг захотелось очутиться в том полуразрушенном храме, у трепетного огонька, зажженного во имя Господа...

– А почему ты не перешел в униатство? – почти безразлично поинтересовалась Полонейка, у которой так мило из-под серого платка послушницы выбивались непокорные пряди волос – как легкий дымок.

– Отец говорит, нехорошо отказываться от того, что деды берегли, – помолчав, тихо ответил Прантиш, совсем не желая нарваться на богословские споры о преимуществе той или иной веры. Не пересказывать же отцовские истории, как полочане содрали с городских ворот униатские иконы, и войт жаловался королю, что они «лжат, дэспектуюць, дзяруць, топчуць, насьмейваючыся», и тем иконам «насы вышарпваюць», а потом у православных поотбирали храмы.

– Деды считали, что мыться вредно, – насмешливо произнесла Полонейка. – А твой доктор нам с теткой целую лекцию прочитал о «гигиене чистого тела».

– Он может... лекцию... – сердито сказал Прантиш – и здесь нельзя обойтись без Лёдника! Зато хорошо, что тему поменяли, и можно взять галантную ноту. – Я уверен, что особенно красивые паненки имеют природную чистоту и чрезвычайно приятный аромат, как цветы. Вот кожа ваша, моя панна, пахнет самыми лучшими розами... – Прантиш осмелился склониться к ручке паненки. Полонейка мило сморщила носик и скромно убрала ручку.

– Пан, наверное, забыл, что даже розы растут на земле, которая насыщена совсем не приятными ароматами. Нужно всегда помнить, что мы из земли вышли и в землю сойдем.

Богинская явно повторяла поучения тетки, и еще вздохнула при этом притворно-сокрушенно.

– Неужто паненка собирается в монашки? – галантно удивился Вырвич. Полонейка засмеялась, зубки ее, белые, аккуратные, почему-то казались острыми, как у хищного зверька.

– Надеюсь, эта судьба меня обойдет. Да я уже и просватана.

– За кого? – немного натянуто спросил Вырвич, хотя яснее ясного было, что посконник в качестве жениха для сестры магната и претендента на корону подходил не больше, чем телега для колыбели, и любое проявление ревности здесь нелепо.

– За Адама Чарторыйского, подчасшего, – легкомысленно ответила Полонейка.

– Он же... старый, – буркнул Прантиш.

– Ну и что? – кокетливо пожалала плечиками панна, как будто они были декольтированными, а не прятались под плотной тканью послушницкого платья. – У него три местечка, десять имений, душ, наверное, с сотню тысяч. А утешить сердце я найду с кем!

– Как бы я хотел утешить сердце панны – хоть сейчас... – по всем правилам куртуазности проговорил Прантиш, но встретил холодный насмешливый взгляд.

– Может быть, если пан Вырвич начнет появляться при дворе... На балах...

Прантиш покраснел, что-то больно зашевелилось под сердцем, как будто он снова услышал возгласы в коридорах иезуитского коллегиума: «Навозник! Навозник!» Так больше быть не должно! Он перерос это жалкое положение.

– Но ведь этот королевский двор может быть вашим, моя панна! Если я, рискуя жертвенно жизнью своею и не жалея крови своей, принесу его княжеской милости, пану Михалу Богинскому, рамфею, копье святого Маврикия, реликвию, которая придает мудрости и величия, и он станет королем... Может быть, при вашем дворе найдется место и для меня?

Полонейка посмотрела на Вырвича сверху, и он на миг ужаснулся, потому что лицо ее показалось ему лицом античной богини, более мраморным даже, чем представляли крепостные актрисы Геронима Радзивилла.

– Безусловно, брат вознаградит вас щедро, и найдет почетное место. Например, мог бы сделать вас кавалером... Через три года обучения вы приобрели бы необходимый светский блеск и достойные манеры и могли бы продолжить свою карьеру.

Прантиша как холодной водой обдало. При магнатских дворах всегда были кавалеры, иначе – пажи: юноши из шляхетских семей три года служили, как прикажут, носили за паном оружие, за пани – молитвенник. Если напакостят – получали по спине плеткой, на ковре, конечно. Через три года хозяин давал такому юноше оплеуху, выпивал из его рук чару, награждал оружием и чем-либо еще от щедрости своей, и считалось, что юноша постиг светскую и военную науку. Раньше Прантиш мог только мечтать о таком. Но неужели это все, что Полонейка считает достойным Прантиша? Даже после того, как он с саблей бежал на вооруженных ружьями жолнеров в Слуцких воротах, убежденный, что сейчас геройски погибнет?

Злость и обида подымались из глубины души кровавым туманом... Может, просто дело в том, что он слишком галантный, а женщины любят решительных? Вон как она оскорбительно вспоминает о своем «мягкотелом», боязливом брате, которого нужно толкать в спину, даже чтобы тот взошел на небольшой холм, и который от страха перед небольшим таким скандальчиком при королевском дворе сослал свою сестру сюда, тосковать и замаливать совсем незначительные для благородной паненки грехи. Друг пана Михала, российский посол Репнин, едва не в глаза называет его мокрой курицей, а князь терпит. Adonis in Eskarpnis, Адонис в легких башмаках, а не сарматский рыцарь. На месте российской принцессы Полонейка тоже такого бы в сердце не впустила!

Вырвич же не был мокрой курицей... И попробовал сорвать с губ паненки поцелуй. В конце концов, он точно был ему обещан! Еще тогда, в корчме.

Но поцелуй не получился, хотя Прантиш считал себя в этом деле искушенным, как старый охотник – в стрельбе. Паненка скривилась, будто дотронулась до лягушки, оттолкнула парня и насмешливо спросила, сколько у его отца крепостных, сколько деревень и городов... И как давно пан участвовал в придворной карусели – рыцарском поединке. И не он ли был в первом ряду карусели в Кракове, в черных доспехах, на арабском скакуне с зеленой сбруей? Нет? А пан вообще коня имеет?

Она действительно искренне считала таких, как Вырвич, людьми иной, более низкой породы. Так же, как Вырвичи презрительно смотрели на простых мужиков, пусть те рядом с ними пахали землю и смеялись за глаза: «Два паны – одни штаны». Но когда маленький Прантиш играл в ящера и чижа с крестьянскими детками, старший Вырвич бдительно следил, чтобы мужицкие лапы не ударили шляхетского сына, а после игры чтобы каждый поцеловал руку молодого Вырвича и поблагодарил панича, что снизошел поиграть с ними. Правда, это не всегда выполнялось, особенно что касалось пинков, которыми малыши обычно обменивались, невзирая на титулы.

– Навозник! Навозник! – звучало в ушах Прантиша, и мерещились у стен фигуры, зажимающие носы при его приближении.

Такой утонченный светский тон, который крошил достоинство собеседника на мелкие куски, будто блестящий клинок турецкой сабли – перезрелую тыкву, Вырвич слышал впервые. Но злиться на паненку было все равно что на ливень, который тебя вымочил – а нечего выходить под небесный водопад. Он просто чувствовал себя мизерным, неуклюжим, никчемным, и понимал, что, какие бы подвиги ни совершил он в будущем – в глазах этих Сапегов, Богинских, Радзивиллов все равно останется Навозником. Не паном-братом, а «братцем»... Теперь он понимал циничный тон Ватмана в отношении титулов: пруссак знал, что хоть барон он, хоть герцог – хозяева боятся, уважают и одновременно пренебрегают им.

– Пан Вырвич, что случилось? – менторским тоном спросил Лёдник, когда Прантиш молча упал на свой тюфяк. Еще нашелся опекун... Если Вырвич – навоз под ногами Богинской, то доктор – навоз под ногами Прантиша! Так, контроль за дыханием, считать пульс...

– Вырвич, я задал вопрос!

– Не твое дело... – только и смог пробормотать юноша.

– Может, нам заняться фехтованием? – задумчиво промолвил Лёдник. – Перед сном, конечно, вредно, но я чувствую по твоему дыханию, как тебя переполняют гнев и ненависть, а физические упражнения – лучшее средство с ними справиться.

– Не хочу! – едва сдерживаясь, чтобы не начать ругаться на доктора, проговорил Прантиш.

– Тогда попробуем выговориться... На кого ты так разгневался?

– На своего отца! – неожиданно выпалил Прантиш, и почувствовал, как горят щеки от гнева. – Он мог не разбазаривать свое имущество и материно приданое! Не сводить мать в могилу своими пьянками и драками! И у меня была бы нормальная шляхетская жизнь! Все Подневодье когда-то принадлежало нам. На поле работали бы мужики, а не мы. Я бы имел коня, парчовый жупан, саблю-карабелу... Знаешь, как мы вконец обнищали? – Прантиш нервно захохотал. – Напились отец с соседом и пошли в заклад, кто больше собственного имущества разбазарит – так как рыцарь не должен от имущества зависеть и в любой момент может себе саблей новое добыть. Лошадей пораздавали, меха и жупаны просто порубили... Даже сарай пожгли! Отец победил, все без жалости уничтожил и раздал, хоть и так немного имел. Вот только нового нажать не осилил. Мне год был, когда я остался по его милости нищим. Он никогда меня не любил! Кроме пинков да драной задницы ничего я от него не имел! Ненавижу!

И начал бить кулаками в тюфяк так, что поднялись клубы пыли.

– В действительности ты любишь своего отца, и он очень много для тебя значит, – тихо промолвил Лёдник. – Ты сам не замечаешь, как все время ссылаешься на его суждения, пробуешь вести себя, как он. Ты пеняешь, что он не дал тебе богатства... Но ведь он не бросил тебя, не пошел в клиенты к богатому пану, чтобы лизать его задницу и расправляться с его врагами. Честно обрабатывает свою землю, тяжело добывает хлеб, и ничего ни у кого не просит. Воевал за Отчизну. Веру дедов сохранил, не побоялся остаться ограниченным в правах диссидентом. Это заслуживает большого уважения. А его слабости... Их нужно простить. Потому что и нам наши слабости кто-то должен простить. Ты когда последний раз послал отцу письмо?

Вырвич еще раз стукнул кулаком сенник.

– Зачем ему мои письма? Ему плевать!

– Уверен, он думает о тебе. Я тоже считал, что отцу на меня плевать, и из Европы ни разу не послал ему весточки о себе. А когда вернулся – не было уже кому встречать меня в моем доме. А Соломея рассказала: он ежедневно спрашивал у Ивана Ренича, не слышно ли о Бутриме, притворялся, будто просто мимо их дома шел, а сам в любую погоду... С другого конца города... Но мне теперь не у кого просить прощения. – Лёдник наклонился к Прантишу и похлопал его по плечу. – Ну, выше нос, Гиппоцентавр! Я понимаю, что тебе хочется сравняться с более богатыми и знатными... Но не лучше ли – с самыми отважными и умными? Есть такой молодой французский мыслитель Жан-Жак Руссо. Он говорит, что все люди имеют естественные права, одну кровь и одного Бога. Должен существовать общественный договор – уважать один другого, не посягать на свободу друг друга. Тогда и создастся идеальное общество, где не будет магната и посконника, пана и мужика, раба и хозяина, только личные свойства помогут возвыситься. А свойства у тебя есть хорошие, поверь. Тебя есть за что уважать, больше, чем какого-нибудь развращенного магнатского сынка, который еле читать умеет и которому целуют ручки придворные шляхтюки. Мне приятель из Парижа написал, как принц Конде в опере углядел симпатичную бедную провинциалочку, посадил на колени и дал, крепко удерживая, сто оплеух – так, что у девочки пошла кровь из носа и разбитых губ. А принц, хохоча, бил на глазах всего театра и приговаривал: «А я не умею давать оплеухи!» И никто, ни один благородный рыцарь не фыркнул.

– Я бы заступился! – воскликнул Прантиш.

– Я знаю, – усмехнулся Лёдник. – Потому и говорю, что ты заслуживаешь уважения. Ну, а теперь, парень, давай почитаем вечерний канон... Это – самый лучший способ получить совет и покой.

«Знаю, Господи, что не стою я человеколюбия Твоего, но стою всяческого осуждения и муки. Но, Господи, хочу ли, не хочу, спаси меня... Пусть не одолеет моя злоба Твоей несказанной благодати и милосердия: и если хочешь, сделай мне это»...

Слова молитвы затихли, но не растаяли бесследно. Вырвич смотрел на беленые стены сухими глазами и думал, что вот, хотя бы Лёдник у него есть. Утешит, объяснит, поможет. К тому же он целиком зависит от Вырвича, от его воли, он никуда не денется... Есть что-то определенное в этом мире и для недоученного школяра! Темная злая сила, которая жила в душе и которой Вырвич сам боялся, понемногу стихала. Прантиш повернулся на бок и задремал...

Разбудил его шепот:

– Соломея, зачем ты так?

– Не глупи. Я слишком долго ждала. И ждала бы еще... Но теперь у нас нет времени. Возможно завтра... Послезавтра... Придет смерть. И в чем тогда смысл моего ожидания? Если ты сейчас мне откажешь, не сделаешь своей, это будет бессердечно...

– Не мучай меня. Если бы у меня не было сердца, если бы не любил тебя, я бы согласился. Но я не могу тебе предложить ничего, даже самого себя. Я больше себе не принадлежу. Я...

– Тихо, любимый, я знаю... Я прочитала ту бумагу в узле. Но ведь твой временный господин – хороший парень, отважный и честный...

– Он – шляхтич, со всеми недостатками своей касты, я – его слуга. Точнее, раб. Даже если мы все выживем, я не смогу на тебе жениться. Пока не верну себе воли.

– Значит, ты ее вернешь... Человек не должен быть рабом другого человека. Это противоречит природе и Божьей воле.

– Начиталась Вольтера...

– Тебя пугает, что ты разделишь любовь с ученой женщиной?

– Меня пугает, что я причиню тебе еще больше зла, связав тебя со своей фатально несчастливой персоной.

– Знаешь, в эту минуту многие сказали бы, что тебе повезло.

– Мне и правда невероятно повезло...

– Значит, ты меня не гонишь?

– Я не ледяной... Несмотря на фамилию.

Шепот умолк, а после послышались шаги: двое людей осторожно подымались по лестнице наверх, потом скрипнула дверь, повернулся в замке ключ...

Прантиш лег на спину и едва не завыл от злости и обиды. Значит, он Лёднику мешает! Он не хочет ему служить! Навознику! Правильно, даже имея сто дукатов, Прантиш не сможет поселить его во дворце и выкупить лабораторию для опытов. Лёдник только притворяется, будто искренно заботится о Прантише. Он ненавидит его, своего хозяина, хитрый и подлый раб! И это после всего, что они вместе пережили!

Вырвич, конечно, позволил бы, чтобы Лёдник женился на Соломее Ренич, и пусть бы они оба, и дети их, стали его верными слугами, а он бы щадил их, и миловал, и защищал... Да что там – отпустил бы Балтроея на волю, но чтобы при том оба остались при нем... С ним... Но теперь ясно: подлый алхимик при самой малой оказии убежит от Прантиша, предаст его, бросит! Он тоже пренебрегает им! Им, который ведет свой род от Полемона! Пусть отец Прантиша пьяница, но когда в шинке один мужик по пьяному делу его толкнул, выхватил саблю и отрубил хаму руку. И ничего не было – по закону сделал. Правильно творит Полоней – нужно топтать тех, кто внизу, только так останешься на высоте! А позволь только приблизиться к тебе более низкому – обгадят, наподлячат, ухватят, что можно, и бросят! «Хороший хлопец», ха!

В душе снова бурлила темная злоба, которой Вырвич уже не сдерживал. Он и сам не заметил, как провалился в сон, черный, как отчаяние, и неглубокий, как грязная лужа. Сквозь дрему отметил, что Лёдник вернулся на свое ложе только на рассвете. Старый греховодник...

Все утро Лёдник тревожно поглядывал на молодого хозяина, надутого и молчаливого, как арендатор, которого предупредили об окончании аренды, и тоже в основном молчал, так как предложения позаниматься латынью-немецким-фехтованием-химией-душевными беседами встречали только ненавидящие взгляды и холодные реплики вроде: «Когда захочу – скажу».

Завтрак, принесенный доверенной монашкой Доминикой, был поглощен каждым в своем углу. Соломея, видно, предупрежденная Лёдником, взяла свою тарелку и укрылась наверху. Лёдник, наверное, охотно присоединился бы к ней, но не осмеливался. Полочане, очевидно, чувствовали себя неудобно, увязывая перемены в поведении юного Вырвича со своим ночным свиданием, а Вырвич ясно наблюдал, что они не могут спрятать свое пьянящее, тайное счастье, что между ними тянутся невидимые нити, которых разорвать не удастся уже никому, и от этого бесился еще больше. Взрыв произошел после завтрака, когда они с Лёдником остались один на один. Доктор подошел к школяру и ухватил за плечи, вынудив посмотреть себе в глаза:

– Прантиш, нужно поговорить. Так нельзя... Твое душевное состояние...

– Прантиш? – Вырвич злобно сбросил с себя руки доктора. – Какой я тебе Прантиш? Ты забыл, как нужно обращаться к шляхтичу, мужицкая морда? Как нужно обращаться к своему пану?

Вырвич толкнул доктора в грудь, и тот на шаг отступил.

– Прантиш... Пан Вырвич, гневом нужно овладевать. Ты сам потом пожалеешь. Концентрация...

– Я тебе покажу концентрацию, хамло! – Вырвич еще раз толкнул Лёдника. – У Агалинского тебе, видно, лучше было, более почтительно себя вел? Тот же богаче меня, титулованный! Ему ручки-ножки целовал, а со мной – как с ровней можно, как со школяром?

Лёдник опустил глаза, его лицо осунулось, погасло.

– Прошу прощения у пана за дерзость.

Прантиш от гнева уже ничего не видел, кровь шумела в ушах. Он пан, он может холопа своего «держат, употреблять, во всем отдавать, использовать, дарить, заменить, заставить и в соответствии с желанием своим трактовать и куда хочет определить». Школяр получал мучительное и острое удовольствие от того, что доктор перед ним отступает, мельчает. Что-то недавно он слышал о таком ненормальном удовлетворении...

– По-твоему, так у пана просят милости? Или мне надобно было обращаться с тобой, как Агалинский? Дрыном? Ты, значит, рассчитал, что добрый хлопец Прантиш отпустит тебя на волю, и ты над ним посмеешься? Уйдешь и через плечо плюнешь? Не ценишь добра! На колени! Руку целуй, хамло!

Лёдник с каменным лицом, опустив глаза, встал на колени, почтительно взял руку Прантиша и приложился к ней губами.

Школяр смотрел на доктора, который стоял перед ним на коленях с опущенной головой, но спина по-прежнему была выпрямленная, не согбенная покорно... И ему хотелось реветь – от злобы, обиды, гнева... В целовании руки превосходящему тебя не было ничего непривычного или позорного. Сколько сам Прантиш перецеловал всяких ручек-ножек, чистых и не очень – пану-отцу, крестному, священнику, ректору, декану, сколько раз видел, как богатые и родовитые шляхтичи не брезговали в своих шитых золотом нарядах с алмазными пуговицами бросаться в ноги более богатым панам, осыпать поцелуями их сапоги и униженные перстнями руки... Да и самому доктору процедура точно не внове. Это была обычная жизнь! Когда отец отправлял Прантиша на учебу – разложил на ковре и согласно сарматскому обычаю всыпал плетей. А Прантиш слугу своего даже ни разу не стегнул! Но Лёдник, неправильный доктор,

который добыл философский камень и отрекся от него, умудрялся стоять на коленях так, что в этом виделась неправильность, несправедливость, и Вырвичу его унижение было невыносимым. . . И поднимался гнев на Лёдника еще и за этот свой стыд. Руссо, Дидро, Вольтер, человек не должен быть рабом. . .

«Я тебе еще покажу! В Европах своих отвык от сарматских обычаев! Ты еще пыль с моих сапог слизывать будешь с почтением!» – Прантиш, задыхаясь, взбежал на чердак, припал к окну, у которого сам недавно в разговоре с панной Богинской пережил страшное унижение. Вот так оно все в мире и происходит? Один одному передает злобу, гасит обиду о шкуру ближнего своего?

За окном снова нудил дождь, барабанил в стекла, как надоедливый нищий, просящий приюта. А с Верхнего, Нижнего и Рыбного рынков доносились крики и ругань, и уличные торговцы орали просто под окнами, предлагая свежую рыбу, пойманную в Немиге, вееры с городенской мануфактуры, поставские платки, булки из Троицкого предместья и другие вещи, которыми грешное тело так сильно привязано к этому суетному миру, что забывает готовить ангельское оперение бессмертной душе к последнему полету, в который ничего не взять – ни тех литых поясов, ни налибокских рюмочек, ни того, что из этих рюмок так хорошо пьется.

Прантиш жалел себя, пока внизу не грохнула дверь и не раздались голоса. Вырвич сбежал с лестницы и увидел Германа Ватмана, спину которого обтягивал черный бархатный жупан с серебряным шитьем, и наемник казался черной скалой. А рядом со скалой сиял цветок, сама Полонья Богинская в скромном платье послушницы поглядывала вокруг веселыми надменными глазами:

– Собирайтесь, пойдём! Приехал мой многоуважаемый брат, вас ждет его милость Михал Богинский.

Прантиш почтительно склонился, стремясь выглядеть спокойно и весело. Ясно, их разговор для панны ничего не значил, и в ее памяти как что-то чрезвычайное не отложился. Нужно, чтобы она не чувствовала его обиду. . . Которая стучала в висках, снова наполняла его черным гневом. . .

Хотя что ей его обида? Никому в мире нет дела до Прантиша Вырвича и его чувств! Что же, герои Плутарха не ждали сочувствия, сами добывали уважение и императорскую корону. Прантиш Вырвич найдет, как доказать своим ближним, что с ним нужно считаться и ценить.

Глава двенадцатая

Как Прантиш Лёдника продавал

Где бы человек ни поселился – прежде всего он думает о защите и возможном побеге. Что он делает для защиты – известно всем, ибо издали видны земляные валы, каменные стены и заполненные водой рвы. А что готовится для побега – окружающим не должно быть видно. И чем меньше они об этом знают – тем надежней путь для отступления. Мало кто, проходя по площади около ратуши, догадывался, что он идет над подземными ходами, которые соединяли здания всего Верхнего Города.

Хотя идти через площадь было не дольше, чем съесть тарелку клецок, гостей из бернардинского монастыря вели на встречу с Михалом Богинским именно через подземелья. Для всех князь Богинский был в это время за границей, занимался искусствами. Вернулся он в Речь Посполитую тайно, и любой лишний взгляд мог его тайну разоблачить.

Где-то в этих подземельях, наверное, и были спрятаны во время отступления войска Петра I сокровища иезуитов. Петр в Северную войну жил в менском иезуитском коллегиуме, ему очень нравилась отработанная там система обучения, преподавателей нахваливал и милостивил... Но когда его союзника Августа Сильного шведы разбили как глиняный горшок, отношение переменялось. Солдаты князя Шереметьева начали перед отступлением грабить город как захваченный. Бесстыдно врывались в храмы, даже в Желтую церковь, не посмотрели, что православная – братчики горожан созвали, еле свой храм защитили. Вот тогда отцы иезуиты имущество свое в подземельях и схоронили... Пришли шведы, разгром довершили, а потом еще и чума заявила – мор любит кровавые времена, когда еще до его прихода страшная жатва началась... И монахи, которые знали тайну сокровищ, погибли.

Прантиш с интересом посматривал по сторонам, гадая, за каким поворотом мог быть заветный ход к сокровищам. Ватман держал фонарь, который освещал низкие влажные своды и делал лица похожими на лица покойников. Особенно это касалось Лёдника, его худой мрачный облик точно мог напугать случайного прохожего, если бы такие здесь попадались, но многочисленные встречные крысы боялись только света и шума. Соломея Ренич тоже казалась неземным созданием. Бледное лицо с огромными отчаянными глазами и тонкими чертами, идеально очерченные губы, гордая шея, тонкая фигура... Прантиш случайно заметил интересную сцену, которая произошла, когда они выходили из подземелья по лестнице и Ватман пропускал всех вперед, подсвечивая ступени фонарем. Когда последней мимо него проходила панна Ренич, прижал ее к себе и полушутя предложил:

– Выйдешь за меня, ведьмочка? У меня замок в Силезии. Будешь баронессой. Мою жену никто пальцем не тронет, ни магнат, ни король, а колдовства я не боюсь.

Соломея аккуратно выскользнула из медвежьих объятий:

– Ваша мосьт шутит... Какая из меня баронесса? Я простая женщина.

– А ты подумай...

Хорошо, что Лёдник этого не слышал.

Похоже, они очутились в нижнем зале ратуши, видимо, и предназначенном для тайных собраний – ни одного окна, тяжелые своды, казалось, давили на самую душу. Испуганно мерцали свечи, их огоньки тянулись к невидимому проему, будто хотели убежать.

Богинский на этот раз был в сарматском костюме, довольно скромном по сравнению с парадными, в которых он обычно появлялся. На его груди болтался золотой медальон, в котором, как говорили, находится портрет жены наследника российского престола и ее локон: Богинский еще не потерял надежду оттеснить счастливого соперника по завоеванию сердца будущей царицы и продолжал на всякий случай играть пылкого влюбленного. Князь Михал

обнялся с младшей сестрой, пошутив над ее монашеским видом, пообещал, что вскоре вернет ее к светской жизни, при хорошем поведении, естественно, и уселся за тяжелый дубовый стол, украшенный резьбой в виде скрещенных мечей. Рядом с ним устроился черноволосый пан с седыми усами и висками, с умными темными глазами, которого называли Марикони – Прантиш вспомнил, что это вице-маршалок менского трибунала, лютей враг Радзивиллов. За спиной Марикони вырос молодой шляхтич с такой спесивой рожой, какая могла принадлежать только малозначительному судебному чиновнику. Герман Ватман тоже встал за своим хозяином, обманчиво расслабленный, но готовый мгновенно приложить к полу любого, кто вызовет недовольство пана. По правую руку от Богинского расположилась мать Альжбета, его и Полоней тетка, рядом с ней еще одна женщина, с красивым властным лицом и тяжелым подбородком – старшая сестра Полоней Алена, жена маршалка дворного Потоцкого. Семейный совет Богинских с советниками... Ледник, Прантиш и Соломея стояли перед ними как подсудимые.

– Я исполню, что обещала его княжеской милости, – тихо промолвила полочанка в ответ на безмолвные вопросительные взгляды. – Но обещать наверняка ничего не могу. Места опасные, погибнуть можно.

– С тобой пойдет он, – Михал Богинский кивнул на Ватмана. Герман широко улыбнулся, его улыбка мало кому прибавила бы настроения. – Могу послать и лучших жолнеров, сколько скажешь. А твой жених тебя подождет здесь.

– Со мною должен пойти человек, связанный со мной кровью и единством душ. Иначе не получится. Подземелья не позволят мне привести чужого человека, – твердо промолвила Соломея.

Богинский и Марикони переглянулись, а Алена из Богинских раздраженно нахмурилась, полочанка Сильфида ей явно не нравилась.

– Ты хочешь сказать, нужно найти какого-то твоего родственника? – уточнила княгиня Алена.

– Или разговор о каком-то ведьмовском ритуале? – подозрительно спросила мать Альжбета.

– Не обязательно родственника, – Соломея покраснела, но продолжала говорить. – Поскольку Господь сказал о муже и жене, что двое будут единой плотью... Со мной пойдет Балтроем Ледник.

– Но ведь он пока не муж тебе, – сердито сказала пани Альжбета. Панна Ренич на минуту опустила глаза, но снова смело продолжила:

– Перед небом и людьми – муж. Де факто... Пусть и не де юре.

Ватман зло прищурился, но тут же нарочито весело захохотал:

– Ну, доктор, ну, пройдоха...

Ледник стоял, как будто это его не касалось, весь такой достойный и важный. Полоней пробовала спрятать улыбку, прикрываясь рукавом. Мать Альжбета начала громко возмущаться, что разврат проник в святые стены, и это нужно жестоко карать, но Михал Богинский вежливо прервал ее своим мягким голосом:

– Извините, пани-мать Альжбета, моральность – это важно, но мне кажется, для нас важнее сейчас обсудить совсем другое... За реликвией пойдут, как я понимаю, панна Ренич и ее амарат, но Ватман тоже. Как, Ватман?

– Да пусть себе идут вдвоем, – ответил наемник с кривой ухмылкой. – Не проблема, ваша мось... Если я пойду следом.

– Награда вам будет самая щедрая, – заверил князь Богинский.

– Пусть ваша княжеская милость и все присутствующие высокие гости простят, но позвольте напомнить об одном обстоятельстве, – Прантиш едва дотерпел, чтобы не вмешаться ранее. – Дело в том, что этот Ледник не является вольным человеком и не может распоряжаться собою по своему усмотрению. Он мой пожизненный слуга, который продал себя за долги.

Прантиш с самым светским поклоном подал в руки князю бумагу от Агалинского, и торжественно промолвил фразу, которая заставляла его сердце победно биться.

– Доктор – мое имущество!

Богинский пробежал глазами бумагу и передал Марикони, который начал внимательно ее изучать. Лёдник вперился куда-то перед собой отсутствующим взглядом, Соломея сжала руки, будто ей стало холодно.

– Имущество шляхтича – дело святое, – сказал Богинский. – Но я готов купить у пана Вырвича его слугу за любую сумму, которая его утешит.

Прантиш довольно улыбнулся. Вот теперь доктор почувствует, как нужно ценить своего хозяина!

– Может быть, и продам, – промолвил Прантиш, от чувства сладкой мести у него даже кружилась голова. Ну пусть не руку его доктор начнет целовать, пусть хоть попросит: «Не продавайте меня, пан Вырвич», хоть знак какой подаст. Да хотя бы огорчится, Прантиш и его испугом удовлетворится. – Слуга мой с характером, непочтительный. Худой, зато сильный, – Вырвич схватил Лёдника за руку, будто демонстрируя присутствующим. Лёдник повернулся к нему и спокойно поинтересовался:

– Зубы показать?

– Что? – растерялся Прантиш.

– На рынке у рабов обычно еще и зубы проверяют, – ровным голосом объяснил Лёдник. Прантиш где-то в глубине души почувствовал, что перегибает палку со своей местью.

– А я бы его купил! – радостно промолвил Герман Ватман. – Доктор, звездочет, золото варит... Только нужно ему сделать определенную операцию, чтобы девиц больше не портил.

– Не забывайте, пан, здесь дамы! – возмутилась мать Альжбета.

– А что, дамы против? – дальше паясничал Ватман. – Они все заинтересованы в потенции доктора?

На этот раз своего конфиденнта оборвал сам Богинский, строго оглянувшись на него.

– Так за сколько продашь своего слугу? – серьезно поинтересовался князь. Прантиш сделал надлежащую паузу, принял важный вид и набрал в легкие воздуха, чтобы произнести давно заготовленное: «Мой слуга не продается! Поэтому в подземелье с ним отправлюсь я, чтобы защищать его и панну Ренич и добыть рамфею!»

Но произнести не успел, потому что трибунальский вице-маршалок Марикони скрипучим голосом сказал:

– Никакой проблемы не вижу! Согласно артикула девятнадцатого, раздел двенадцать Статута Великого княжества Литовского, если вольный человек продает себя в неволю, потому что не в состоянии выплатить долги – за ним остается право выкупить себя в то же время, как он раздобудет соответствующие средства. И кредитор не имеет права удерживать его.

Богинский улыбнулся.

– Вот и чудесно... Сколько там Лёдник должен?

– Двести дукатов, – зачитал Марикони.

– Всего-то! – снова улыбнулся князь. – И на что пошли те двести дукатов, а, Балтромей?

– На алхимические опыты, – грустно признался Лёдник.

– И как, нашел философский камень?

– Главное, я понял, что его не стоит искать, – так же мрачно ответил доктор.

– Ватман, двести дукатов с собою у нас есть? – спросил Богинский. Наемник вытащил из своей сумки тяжелую кошелек, высыпал на стол монеты, пересчитал:

– Двести, даже с лишним, ваша мось!

– Отлично! Передай их Лёднику.

Ватман аккуратно ссыпал монеты назад в кожаный мешочек, лениво подошел к доктору, бросил мешочек ему в руки.

– Так, теперь при свидетелях доктор Балтроем Лёдник должен отдать двести дукатов своему хозяину, шляхтичу Прантишу Вырвичу! – скомандовал Марикони. – А вы, пан Романовский, – приказал чиновнику, который стоял за его спиной, – сейчас же это все юридически оформите.

Чиновник послушно сел за стол, разложил принадлежности и начал быстро писать, даже перо поскрипывало. Князя Богинского эта сцена, похоже, очень позабавила.

Прантиш как во сне почувствовал, что ему в руки вкладывают тяжелый сверток, который он едва не уронил.

– Ишь, как радуется парень, что столько денег заимел, – заметил Ватман.

– Алхимики, ведьмаки, чернокнижники – они же одержимые, – презрительно промолвила мать Альжбета. – Этот жалкий грешник все равно свою волю не удержит.

– Вот как... – задумался Богинский. – А что, Лёдник, ты продолжаешь свои опыты?

– Я отказался от алхимии, астрологии и всех магических занятий, ваша мось, – твердо промолвил Лёдник, у которого от потрясения горели на худых щеках красные пятна.

– Очень достойный поступок, не правда ли, тетушка и сестрицы? – задумчиво проговорил Богинский, которому понравилась игра «дай волю доктору». – И лекарь ты, видимо, хороший... Диплом есть?

– Даже два, ваша мось! – промолвила Соломея Ренич, вот у нее голос дрожал. – Пражского университета, доктора вольных наук, и Лейпцигского университета, доктора медицины.

– Очень достойно! А что, пан Марикони, у тебя еще остался какой-нибудь королевский патент нобилитации? Ты, кажется, от Брюля получал...

Марикони улыбнулся, повертел головой.

– Есть один...

– Вот и впиши фамилию доктора. Сегодня абы кто шляхетство себе покупает, сволочь всякая – галантерейщики, бакалейщики... А здесь – дважды доктор, в Европе учился.

Ватман снова захохотал, а пани Альжбета разбушевалась:

– Михал, это уже слишком! Ты что, хочешь этого хама сделать шляхтичем? Не позорь наши святые идеалы!

– Как говорит Жан-Жак Руссо, тетушка, все люди имеют от природы равенство, и отличаются только личными качествами, – насмешливо промолвил пан Михал.

– Ваша княжеская мось, пане-брат, я понимаю ваше увлечение Дидеротом и другими французишками, но представитель нашего старинного рода не должен так безразлично относиться к шляхетству! – вскрикнула и княгиня Алена, злобно взглянув на Соломею, будто та во всем была виновата. Но князь Богинский, похоже, был только рад «показать козу» старшей сестре и тетке, которые с детства привыкли его поучать. Княгиня Алена утверждала, что низких людей лучше всего поощрять плетью... Пани Альжбета ворчала по поводу проклятых вольнодумцев, которыми увлекается племянник, о его музицировании и пачкотне, каковые являются грехом легкомыслия, отрывая от таких важных дел, как политика и война. Но Михал Казимир вовсе развеселился и начал обсуждать с Лёдником нашумевший трактат Руссо, игнорируя выкрики тетушки, что Руссо – лакей, и философия его лакейская!

Между тем бумаги были составлены, подписаны высокими персонами и зачитаны. Из них следовало, что полоцкий мещанин Балтроем Лёдник, во-первых, считается с настоящего момента снова вольным человеком, ибо рассчитался с долгами, а во-вторых, он теперь становится шляхтичем, паном Лёдником.

– Герб сам себе найдешь! – веселился Богинский. – Примажешься к какому-нибудь роду... Да хоть к Вырвичскому Гиппоцентавру... Бывший хозяин ведь одолжит тебе свой герб? Ты же ему теперь брат в шляхетском равенстве?

– Пусть лучше из клистирных трубок да ланцета специальный герб составит! – хохотал Марикони.

– Это не галантно, – присоединилась к тонким издевкам и Полонея. – Вы же понимаете, что, скорее всего, гербом будет пользоваться и та панна! А вы – клистир...

Паны хохотали, будто смотрели в балагане на дрессированных медведей, которых вынуждают танцевать, изображать светских хлыщей в богатых костюмах. Прантиш молча наблюдал, как Лёдник и Соломея Ренич на коленях благодарят благодетелей за такую высокую милость. Кланяются, усердствуют... А паны все хохочут... Полонейка кокетливо закидывает головку, показывает белые острые зубки, мать Альжбета прикрывает тонкогубый рот рукой, увешанной перстнями, даром что монашка, Богинский уже вытирает слезы со своего пухлого лица... Хохот будто превращался в жемчуга, которые заполняли помещение, как в давеча увиденном кошмарном сне.

У школяра в голове было пусто, будто после доброй попойки, когда еще не начали болеть полученные синяки да шишки, но состояние «море по колено» постепенно проходит.

– Ну вот, на второй неделе поста отправляетесь в Полоцк, – промолвил, отсмеявшись, Богинский, которому снова становилось скучно. – Сапеги и Радзивиллы в это время будут на сейме в Варшаве.

– Пусть они в Варшаве решают что хотят, а мы знаем, кто станет следующим королем Речи Посполитой! – объявил Марикони.

– Виват королю! – выкрикнул, преданно выпучив глаза на Богинского, чиновник Романовский, желая, очевидно, угодить пану раньше других, но его подхалимского выкрика никто не поддержал, князь даже скривился, будто разгрыз гнилой орех, и пан Романовский смущенно отступил в тень.

– Если рамфея попадет в твои руки, племянник, нужно будет безотлагательно засвидетельствовать об этом перед всем миром! – предупредила мать Альжбета. – Тебя поддержит святой костел! Особенно если пообещаешь, что пожертвуешь ему святыню...

– Я еще подумаю, как распорядиться этой святыней. И стою ли я ее... – задумчиво промолвил пан Михал, вертя в руках медальон с портретом будущей российской царицы с самым мечтательным выражением на мягком лице. Пани Алена и тетка многозначительно переглянулись.

– Конечно, ты, и только ты достоин владения реликвией и польского трона! – с нажимом промолвила пани Альжбета.

– Брат, подумай, ты сможешь осуществить все свои планы по улучшению жизни народа, мужичков наших несчастных просвещать станешь. При тебе расцветут искусства, пригласишь, наконец, ко двору своего любимого Дидро, и будешь с ним советоваться, – скрывая раздражение, подобострастно промолвила княгиня Алена, а панна Полонея, нарушая торжество момента, фыркнула.

– Возможно, и так... – вяло сказал Богинский, с тоской глядя куда-то в потолок и, наверно, мечтая вернуться к флейте или к кистям и краскам вместо тревожных политических разговоров, которые обещали только нешуточные хлопоты.

На его красивом сонливом лице просто написано было: отцепитесь... Я живу в мире Муз... Такого тяжело представить королем.

В помещении под лестницей на Вырвича, наконец, навалилось осознание того, что он за этот день натворил. И как ставил Лёдника на колени, и как красовался перед Богинским и его сестрами в роли владельца ценного слуги, как пробовал слугу продать...

Двести дукатов, плюс полученные ранее сто... За эти деньги можно было приобрести и коней, и одежду, и купить слуг, и даже дом...

А Лёдник был не бедный, когда начал добывать философский камень, раз таких долгов наделал.

Лёдник... Пан Лёдник. Конечно, к новоиспеченной шляхте отношение было ироничным, и никто с ними, как с «панамии-братьями», не считался. Плевались да возмущались теми

«патентами» – раньше только на поле битвы великий гетман мог рыцарское звание выдающемуся воину присвоить, или сейм такое постановление принять... А тут королевские фавориты указами торгуют, саксонцем подписанными. Позор! Над фальшивыми шляхтичами смеялись, но это не были уже мещане, и все привилегии им принадлежали.

Что же, Лёдник вполне справится с поддержанием своей шляхетской чести... Раз ему удалось сохранить эту честь даже в положении раба.

Вырвич сейчас может возвратиться домой на собственном коне... Хоть в карете. Но более никогда низкий строгий голос не расскажет ему о путях планет и свойствах растений, о Монтене и Дидро... Не перед кем будет доказывать свои мужество и ловкость, и способность понимать самые высокие материи... Соломея Ренич больше не назовет его милым мальчиком и не подарит улыбку, от которой хочется жить и становиться лучше. И в полоцкие подземелья с собою Прантиша они точно не позовут, а он надеялся проявиться там героем, вынести на свет Божий реликвию... Проявился. Теперь – все...

Прантиш впервые подумал, а что бы он делал, если бы Лёдник действительно сломался, стал его нахваливать, целовать ручку, униженно терпеть побои и радоваться подачкам? Ему нужен был такой Лёдник, прирученный, на цепи? Или ему нужен человек, которого он уважает и чье одобрение так важно? Наставник, которого Бог послал ему за шелег на дороге в Воложин, которого он оскорбил и, наконец, продал за двести дукатов?

Прантиш кинул мешочек с монетами на пол, будто он обжигал руки. Какая пустота... Сам все уничтожил... Единственное стоящее, что у него было... Как тогда, с Вороненком! Он же так никогда открыто и не признал его другом – чтобы не унизиться. И промолчал, когда того тащили в карцер за чужой проступок.

Вырвич упал лицом вниз на сенник. Просить прощения напрасно, такое не прощают. Навозник... Он же получал удовольствие, унижая доктора – так же, как либертен Прашкович в подземельях Слуцкого замка с помощью бронзового стержня. Вот тебе, парень, правда о шляхетской удали.

Прошли часы, может, дни, а, может, столетия... Юноша не обращал внимания, что там проплывает рядом – он хотел остаться на дне своего отчаяния навсегда.

На лестнице послышались шаги – Лёдник выходил от своей Соломеи... Вот это любовь – не побоялась прилюдно признаться в грехе, чтобы любимого не оставили заложником.

Прантиш не шевельнулся. Лежал ничком, и мечтал только, чтобы бывший слуга ничего не сказал... Не добил ядовитым справедливым словом. Пусть презрительно молчит и обходит бывшего хозяина, как кучу навоза... А, может, и вызовет его на дуэль за оскорбление – он же теперь имеет право! И пусть, пусть убьет...

Но доктор подошел к Прантишу и присел на край его тюфяка.

– Ну что, отыграл спектакль? Удовольствие получил?

Как ни странно, в голосе Лёдника не звучало презрения или ненависти, только усталость и укор.

– Будешь изображать из себя умирающего Цезаря, или все-таки сделаешь милость встать и поужинать?

Прантиш не верил своим ушам. После всего доктор беспокоится, чтобы он поужинал?

– Хочешь, чтобы тебя с ложечки кормили?

Вырвич почувствовал, что из глаз впервые за столько времени потекли слезы. Вот же стыдоба... Даже в слуцком подвале не плакал. Его даже затрясло от несказанной жалости. А Лёдник вдруг тронул его за плечо:

– Заканчивай истерику, у меня с собою нет лекарств. Не знаю, что ты там себе напридумывал, но я тебя не покину. И не собирался. Хотя временами ты ведешь себя просто как свинья.

Прантиш замер, потом сел и непонимающе заглянул в привычно недовольное лицо Балтроея. Тот терпеливо, как маленькому, повторил:

– Не покину я тебя... И не убегу. Хотя иногда очень хотелось. Точнее, мы с Соломеей тебя не покинем, если сам этого не захочешь. Ты же без присмотра да по примеру титулованных самодуров превратишься в очередного буяна да пустодома с алмазным узлом на шапке. А все-таки проблески интеллекта у тебя последнее время наблюдались.

Вырвича затрясло еще больше, он прислонился головой к плечу доктора и сквозь слезы начал что-то говорить:

– Я не собирался тебя продавать! Правда! Только поугубить... Чтобы ты сказал, что хочешь со мной остаться... И чтобы меня в подвалы взяли...

– Не стоило бы тебе идти с нами, – со вздохом промолвил Лёдник. – Это не на прогулку. Но, похоже, в окружении наших благодетелей нам опасней находиться, чем под землей. Нам с Соломеей кажется, что этот дождь милости – даже с патентом на шляхетство – прячет не очень привлекательное для нас будущее. Где хозяин кладет самый вкусный кусок сыру, знаешь? В ловушке. И о судьбе рамфеи мы должны думать. Князь может по слабости характера отдать ее в руки российской царицы, чтобы подлизаться... Или попадет святыня в Рим вместо того, чтобы укреплять силой свою нашу Полоцк.

– Так может... удрать? – предложил Вырвич.

– Если бы мы были другими – убежали бы... Но Соломея присягнула. Выкупила наши жизни ценой согласия пойти в подземелья и отыскать копьё святого Маврикия. Теперь умрет – присягу не нарушит. Но ведь и отцу она слово давала хранить тайну... Короче, снова между жерновами, парень, мы попадаем. Ну, ну, перестань реветь... В конце концов, благодаря твоим взбрыкиваниям я получил волю и шляхетство, а ты – деньги. Хотя удастся ли тебе использовать твои дукаты, а мне – мое шляхетство, неизвестно. Успокойся, а то заставлю заниматься немецким сей же час.

Прантиш был готов хоть немецким заняться, хоть ненавистой латынью, если доктор желает. Возвращался смысл жизни... Впереди ожидали подвиги! Даже воспоминание о Полонее Богинской больше не рвало сердце.

– Соломея, иди сюда! И тарелку носи. Пан Вырвич вышел из состояния всемирной печали и больше не хочет играть в укротителя своенравных слуг.

Глава тринадцатая

Как Прантиш за гиппоцентавром ходил

На иконе Пресвятая Богородица имела такое прекрасное, кроткое, грустное лицо... А ее пылающее любовью сердце пронзали целых семь мечей! Молодой шляхтич Прантиш Вырвич от жалости глубоко вздохнул и на минуту представил, как бы он защищал Пресвятую, отбивая вражеские мечи своим Гиппоцентавром, изнывающим в плену иезуитского коллегиума.

Прантиш, естественно, знал, что мечи на иконе просто символизируют ту боль, которую пережила Пресвятая Дева, потеряв Сына. Без оружия не обходится даже в святых делах... В Апокалипсисе сказано, что из уст Господа нашего Иисуса Христа исходит меч – символ непреодолимой небесной правды... С огненными мечами стоят архангелы у входа в потерянный рай, чтобы грешные потомки Адама и Евы не влезли к соблазнительным плодам, не испоганили любопытством своим святое место. С мечом рисуют святого Павла... Мечом святой Петр, самый боевитый апостол, отрубил ухо римскому солдату из караула, который пришел схватить Господа в Гефсиманском саду... Если бы там был Вырвич, жолнер отрубленным ухом не отделался бы! Конечно, нас Святое Писание учит прощать врагов, подставлять другую щеку... Но как же шляхтичу без оружия, особенно того, которое побывало в руках отца, деда и прадеда? На эфесе которого выгравирован Гиппоцентавр? Не зря в рукоять меча вкладывали святые реликвии. Испанский паладин Роланд, так тот умудрился в свой меч Дюрандаль вложить зуб святого Петра, сосуд с кровью святого Василия, волос святого Дионисия да часть одеяния Пресвятой Девы.

В родовом мече Вырвичей ничего подобного не было, он сам был реликвией. С ним в руках на поле боя погиб дед Прантиша. Размышляя, Прантиш расхаживал по комнате и напевал:

Ехаў Ліцвін ды па Сініх Водах
Тры дні, тры начы,
Тры дні, тры начы,
Меч крывавячы.

Скокаў Ліцвін, ой ды пад Смаленскам,
Тры дні, тры начы,
Тры дні, тры начы,
Шабляй рубячы.
Кляўся Ліцвін у святой Дуброве
На старым мячы,
На старым мячы,
Чужынцаў сячы...¹⁵

В ушах звучали поучительные слова Лёдника о настоящей отваге и мнимой, которая осуществляется за счет тех, кто не может оборониться. И Вырвичу очень хотелось доказать доктору и прекрасной панне Соломее, его сердечной подруге, а также заносчивой панне Полонее Богинской, а прежде всего себе самому, что он способен на отважные поступки. Сидеть безвыходно в монастыре, выжидать и учиться уже не хватало сил. Лёднику лучше – у него есть Соло-

¹⁵ Ехал литвин да по Синим Водам / Три дня и три ночи, / Три дня и три ночи, / Меч в крови купая. Скакал литвин, ой да под Смоленском, / Три дня и три ночи, / Три дня и три ночи, / Рубя саблей. Клялся литвин в святой Дуброве / На старом мече, / На старом мече, / Чужаков сечь... (бел.)

мея, да еще каждый день ходит к матери Альжбете в качестве доктора – как же женщине без разных болячек! А доктор, хоть и схизматик, но с дипломом, и в ремесле своем горазд. Начал лекарства для всего монастыря готовить, для чего ему на первом этаже хранилища еще одну комнату открыли, сдвинув в угол сундуки с добром. Бывший алхимик устроил там небольшую лабораторию, гоня сестру Доминику на кухню за припасами да приспособлениями. Аптечку монастыря, в которую Лёдника ночью на ту же кухню водили, он наполовину забраковал, посоветовав выбросить запасы мышинового жира, сушеных лягушек и летучих мышей, настои на щенках и другие необходимые в каждом доме вещества. А еще они вместе с Соломеей дорвались до монастырской библиотеки. Прантиш с таким же умилением мог посматривать разве что на свежий пирог с зайчатинной под конец Великого поста, как эти двое на пыльные, пожелтевшие фолианты, которыми здоровенных крыс убивать можно.

– «Апостол»! Скорининский! – гладит нежно страницу, а у самого даже рука дрожит, и в голосе от умиления слезы. Тьфу, чокнутые!

И когда на мостовую лег первый снег, будто святой Франтасий постелил ковер ради дорогого гостя, Прантиш решил: время выручать своего Гиппоцентавра!

Естественно, что Лёдника в такие планы не посвятишь – раскричится, запретит... Хоть и шляхтич теперь, но ведь натуры своей учительской не изменил, да и шляхетства своего всерьез будто не принимал. Хотя мог, как такие же «фальшивые шляхтичи», сразу отрастить усы, на подаренные ему в придачу к патенту княжеские деньги – заказать соответствующее платье, надеть перстни да пояс, и требовать обращения «пан». Но Лёдник ни на гран не изменился, был почтительный без подобострастия, и одновременно строгий, требовательный да язвительно-ироничный, и это радовало. Потому что Прантиш все же считал такое «шляхетство» шарлатанством – не на поле брани добытое, с хохотом подаренное... И, похоже, Лёдник относился к ситуации так же.

Нет, в деле с Гиппоцентавром требовался другой сподвижник.

И вот в сумрачную пятницу повезло: монашка Доминика, презрительно сверкая глазами цвета высохшей листвы, объявила, что ее княжеская милость дочь воеводы Богинская желает лично передать пану Вырвичу приказ своей тетки, матери Альжбеты, которая с утра в отъезде. Это, по суждению школяра, означало, что панна так же, как и он, тоскует и воспользовалась отъездом тетки, чтобы увидиться с хоть и не стоящим внимания, но все же кавалером, и получить свою долю поклонения и куртуазных разговоров.

Сестра Доминика всем своим видом показывала, что не одобряет такие вольные нравы, но дочь воеводы была теперь в монастыре самым влиятельным лицом, и Вырвича с должными предосторожностями проводили к келье на первом этаже. Гостя встретила прислуга панны, которой он раньше не видел – тоненькая девчонка с грустными темными глазами в платье послушницы.

Прислуга завела Прантиша в переднюю, по-монашески аскетичную, только распятие на стене и деревянная скамья, и осторожно постучала в дверь:

– Ваша мосьт, пришел пан Вырвич!

То, что панна Богинская подготовилась к приходу гостя, можно было понять хотя бы по тому, что она нарочито не обратила на его приход внимания, сидя в кресле, повернутом к окну, но ножка в вышитом ботиночке была поставлена на обтянутую бархатом скамеечку именно так, чтобы тот, кто вошел, сразу увидел эту маленькую, похожую на челнок феи, ножку, и оценил изысканный французский башмачок на изогнутом красном каблучке в три вершка. Да и вместо платья послушницы на панне было пусть не парадное, но шляхетское желтое шелковое платье с голландскими кружевами. Комнату украшали предметы, отличные от монашеского устава, которые особенно выделялись роскошью на фоне голых стен: китайская шелковая ширма с павлинами, два зеркала в золоченых рамах, фарфоровый чайный набор на столике из красного дерева...

Вырвич вспомнил все, что вычитал о светских манерах в трактате Рея из Нагловиц «Зерцало, или жизнь учтвого человека», и постарался держаться как можно более достойно, раскланялся, подошел к ручке панны. . . Полонейка сделала вид, будто только теперь увидела гостя, и сразу настроила голос на холодно-снисходительный тон:

– А, пан Вырвич. . . Я и забыла, что приказывала вас привести.

– Всегда готов служить очаровательной панне! – вежливо ответил Прантиш, сиюсь не впустить в сердце никому не нужную обиду.

Богинская повернула к нему заносчивое личико (а нос припудрила, не ради монашек же!) и строго вымолвила:

– Пан Вырвич, должна передать вам приказ моей тетки, ее княжеской милости матери Альжбеты. Среди сестер бернардинок пошли нехорошие слухи о том, что происходит в левом крыле монастыря. Потому что до них долетает лязг оружия и выкрики! Я понимаю, что занятия фехтованием необходимы для мужчин, но в этом месте мужчин быть не должно! Передайте и вашему доктору: нужно держаться потише!

Прантиш самым галантным образом поклонился и заверил паненку, что они исправятся. . . Но есть одно обстоятельство, которое при упоминании оружия и фехтования надрыгает вырвичское сердце. . .

Полонейка надменно приподняла бровку, показывая, что ее мало трогает, что там делается в сердце какого-то загоного шляхтича, но не остановила – она бы сейчас, наверное, и кваканье лягушки послушала для разнообразия.

И Прантиш как можно более ярко рассказал ей о своем попавшем в плен оружии, которое он должен теперь любой ценой вызволить. Особенный упор делая, что с этим оружием его дед служил в полку под началом деда панны, воеводы троцкого Марциана Богинского, и ранен был смертельно в славной Хотинской битве с войсками Гусейн-паши на Днестре. И все, что просит от панны – помочь ему выбраться ночью из монастыря, и дает свое шляхетское слово, что до утра вернется.

И ей-богу – глаза панны загорелись, и Прантиш готов был присягнуть, что ей сейчас больше всего на свете хотелось бы пойти с ним и пережить Большое Приключение. И понял, что не ошибся, обратившись к спесивой магнатке, за обликом которой скрывалась шаловливая, бесстрашная (и беспощадная) девчонка. Полонейка хлопнула в ладони, и сейчас же прибежала прислуга, испуганно поглядывая большими темными глазами на хозяйку.

– Ганулька, когда пани тетка вернется?

– Завтра, после утренней службы, ваша мось, – тихим нежным голоском ответила прислуга.

– Тогда вот что. . .

Вырвич мечтал воспользоваться подвалами – но тяжелую плиту в одиночку даже Ватман не подымет, да и показать путь некому. И Прантиша вывела из монастыря Ганулька – самым банальным путем, через дверь, когда все уснули. Трусиха дрожала, как осинка, и останавливалась на каждом шагу, нервируя Прантиша. Как она выдержит в темном коридоре до утра, ожидая условного свиста Вырвича?

Ветер подул в лицо колючими мокрыми снежинками. Воля! А школяр и забыл, какая она на вкус! Прантиш поправил за поясом пистолет, погладил саблю: хорошая, но ведь не своя! Менск спал на дне черной ноябрьской пропасти, и были в этом мраке свои чудовища и свои Тезеи. . . И, как светоч Ариадны, светилось окошко панны Полонеи, *la belle dame sans mersi* – Прекрасной Дамы, которая не знает пощады, ради которой стоит умирать, но не стоит ждать благодарности и сочувствия.

Окрестности иезуитского коллегиума Прантиш знал, как цыган знает, на какую ногу начнет хромать проданный им конь. Сколько раз школяр покидал свою комнату в конvente не через дверь. . . Так что вскарабкаться с помощью знакомого до последней веточки дерева к

окну спальни младшего курса не было никакого труда. Школяры побогаче селились отдельно, в гораздо лучших условиях, с прислугой... А здесь, в конvente, набитые в комнаты, сколько помещалось – ночевали бурсаки из бедноты. И один из них, тот, который был нужен Прантишу, спал как раз у окна... Совсем не случайно, так как умный школяр всегда готовит себе путь к ретирации и проказам.

Прантиш поцарапался в окно.

– Михась! Игрок, ты тут? Мицкевич!

К стеклу прилипла заспанная физиономия, окно тихо приоткрылось (умный школяр всегда держит путь к ретирации и проказам наготове).

– Кто это здесь?

– Михась, это я, Прантиш! Прантиш Вырвич! Только тихо...

– О-ей! Матерь Божья Ченстоховская... Перекрестись! – тот, кто шептался, перепуган был не на шутку.

– На, перекрестился... Если ты в этой тьме увидел. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Все, вылезай, Игрок, дело есть!

Прантиш соскочил на землю, и вскоре около него очутился шустрый щавлик Михась Мицкевич, лучший игрок в карты за всю историю коллегииума. Благодаря этому, а еще своему авантюрному отчаянному характеру, Михась и был принят в банду Вырвича. И прославился тем, что однажды выкрал из кабинета ректора конфискованные астрогалы – свои счастливые кости для игры. Лучшего компаньона по освобождению Гиппоцентавра нельзя было и придумать.

– Нам сказали, ты погиб! – немного подозрительно сообщил Михась, очевидно борясь с желанием пощупать старшего приятеля и проверить на предмет принадлежности к нечистой силе. Прантиш хмыкнул, объяснять ничего ни про свое исчезновение, ни про воскрешение не стал, однако заставил Игрока дать клятву, что никому не скажет о встрече. В их банде клятв никто не нарушал, и придумали они такие заклятия, заковыристые да витиеватые, что их произносить было страшно, не то, что нарушить. Одно такое заклятие Игрок и прошептал Прантишу на ухо, пообещав в случае измены среди прочего найти свои зубы высыпанными в собственный сапог и отдать печень на съедение гадюкам.

Когда Прантиш пояснил, что пришел за своей саблей, Михась задумался.

– Не иначе она у ректора в кабинете. Есть там такой сундук, куда конфискованное да пожертвованное попадает... Когда у Шастовича нож забрали за то, что парту изрезал, он точно видел, что отец Романович положил его туда.

– Знаю я тот сундук, – задумчиво промолвил Прантиш.

– Но на нем замок...

– Это не препятствие! – заверил Вырвич, наученный Лёдником открывать любой замок шпилькой вслепую. – Пойдешь со мной?

– А то! – улыбнулся Мицкевич. – Всю жизнь мечтал с покойником банду создать!

Ночью приличным людям, которые не отягощены освобождением родовых сабель, следует спать. Ночью никакое учебное заведение работать не должно, если там не готовят упырей или волков-оборотней.

Но когда Прантиш и Михась пробрались темным коридором к кабинету ректора, пана Ромуальда Войниловича, из-под дверей пробивалась полоска света. Прантиш прислушался: тихо. Заглянул в отверстие для ключа: пусто, ей-Богу, пусто! А свеча горит, обгорелый фитиль наклонился, как пьяный. Будто кто-то вышел на минуту и сейчас вернется, или невидимые духи в комнате гуляют. Но отцов-иезуитов духи должны бояться, поэтому...

– Давай быстрее, я постерегу! – шепнул Мицкевич, и Прантиш дернул дверь, которая оказалась отпертой. Замок на сундуке, огромном, как челн, он прикончил за пару мгновений – не то что на ноге Сильфиды в Слуцком замке, осталось радоваться, что в кабинете светло –

потому что среди наваленного в сундуке добра он бы свою саблю в темноте до утра искал... Там были сложены дилеи и жупаны, серебряные кубки и подбитые мехом кунтуши, кинжалы и шкатулки...

Вот он, Гиппоцентавр! Прантиш поцеловал с детства знакомый клинок, надел на себя перевязь с ножнами из кожи угря...

– Идут! – тревожно шепнул Мицкевич, и школяры засуетились, как пескари в сети. В коридоре уже слышались чьи-то шаги, поэтому ретироваться не получалось... Куда спрятаться? Мицкевич первый нырнул в сундук, за ним туда сиганул и Прантиш, искренне надеясь, что в полумраке никто не обратит внимания на открытый замок, и что гремящие предметы их присутствия не выдадут. Что-то твердое сразу впилося Прантишу в бок...

– Сюда, пан Марикони!

В кабинет, судя по голосам, вошли трое.

– Благодарю, пан ректор, что поддержали наши стремления добиться справедливости.

Это говорил Марикони.

– Как слуга Божий, я не могу оставить грех ненаказанным. Особенно после истории со святым отцом Облачинским... – в голосе всегда выдержанного ректора Ромуальда Войниловича слышался гнев. – Святой отец до сих пор не может отойти от позора.

– А вы слышали, что Володкович еще и отцов францисканцев разогнал, когда те шли со святыми дарами и с гробом за покойником? А музыкантов вынудил идти с ним на гауптвахту, где сидел его приятель, такой же разбойник, и играть полечки...

– Слышал, пан Длуский... – мрачно проговорил ректор. – И считаю, что эти преступления нужно остановить.

Длуский был одним из советников магистрата, и Прантиш понял, что они присутствуют при заговоре против Михала Володковича, приятеля «Пане Коханку». А поскольку дело это было очень опасным, не удивительно, что заговорщики собрались ночью, в таком месте, где никто не заподозрит сходки.

Что-то еще более болезненное впилося в бок школяра, и Прантиш вспомнил историю о спартанском мальчике, который, чтобы не пошевелиться в присутствии старших, терпел, пока спрятанный под рубашкой лисенок выедал ему внутренности. А между тем заговорщиков даже трясло от ненависти.

– Он безбожник! Это точно! Прямо в зале суда выкрикивал страшные кощунства... А то, что он святое распятие разрубил? – кричал с ненавистью Марикони. – Это страшнее, чем разрубленная рука пана Длуского...

– И это правда, панове... – отметил Войнилович. – Но мы ничего не можем сделать, как не смогли осудить его брата Юзефа за истязание шляхтича Яцыны. Пан Михал выбран казначеем Трибунала... В соответствии с законом за рассеченную руку он может отлить для пана Длуского серебряную, а за кощунство – ему разве что три месяца башни светит. И то сомневаюсь, что он их отсидит.

– Менская шляхта – за нас! – Длуский едва не извергал огонь, как слущкий дракон. – В Быхове, Варшаве, Вильне, Городне – повсюду есть люди, которым радзивилловские бесчинства в горле сидят. Полк Масальского нас поддержит! Главное – не отступать! Осудить мерзавца «на горло»! И сразу же – расстрелять.

– Так он на суд не явится... – засомневался Войнилович. – В город приехал радзивилловский наемник, судья Юдицкий, живет в проклятом доме на Подгорной, а шпики рассылают от Татарского конца до Золотой горки. Вынюхают, предупредят разбойника, чтобы не приезжал.

– Явится! – заверил Длуский. – Володкович бахвалится, что никого и ничего не боится. Его господин рассказал очередную байку, как с чертом дрался и победил, так этот богохульник теперь, напившись, бегаёт по кладбищу и вызывает нечистую силу на дуэль. Вот бы Господь допустил, чтобы она ему явилась, да свернула поганую шею! Нет, панове, Володкович придет

в суд, даже если точно будет знать, что его казнить собираются. Даже еще вернее появится – чтобы доказать свое бесстрашие и всемогущество. Тогда – никакой пощады! Закон не для таких, как он. После рождественского карнавала и объявим суд!

– А что потом сделает с нами его милость Кароль Радзивилл? – осторожно спросил Войнилович. Марикони рассержено фыркнул:

– Радзивиллы тоже не всемогущие. Придет сила и на них!

– Вот как... – продолжил Войнилович. – Слышал я, что вскоре в Беларуси явится одна святыня... очень могучая... И объявится она в руках следующего короля, которого никто не победит. И это, возможно, будет не Радзивилл. Вы ничего не слышали об этой святыне?

Голос ректора звучал мягко, будто он осторожно раскладывал силки из слов.

– Ничего, – коротко ответил Марикони.

– А что за святыня? – заинтересовался Длуский.

– Та, которую стоит вернуть в Рим, святому престолу, – так же мягко, но с затаенной угрозой, промолвил ректор. – Уверяю вас, что тот, кто это сделает, получит мощную поддержку от костела... Если же нет – накличет на себя вечное проклятие.

– Я бы на месте вашего преосвященства не очень верил слухам, – сухо промолвил Марикони.

– Наш отец Игнатий Лойола учил быть бдительными... – мягко возразил Войнилович. – Под каждым нелепым предрассудком может оказаться реальная тайна или дьявольские происки. В Полоцке наши братья по милости покойного короля Стефана Батория построили костел Святого Стефана. Во время строительства встретились с удивительными явлениями... И слухами.

Иезуит помолчал, видимо, ожидая комментариев, не дождался и продолжил:

– Возможно, пан Марикони, вы что-то узнаете о некоей святой вещи, и подскажите тем, кто на нее охотится, как нужно поступить.

– Если вдруг узнаю, васпан, подскажу, – холодно заверил Марикони.

– И главное – ни слова о наших намерениях даже на исповеди! Лучше ко мне на исповедь приходите! – полушутливо предупредил Войнилович.

Когда свеча была затушена, дверь кабинета закрылась и шаги в коридоре умолкли, школяры решили покинуть сундук. Прантиш с облегчением растер онемелый бок...

– Они же на ключ кабинет заперли! – с отчаянием прошептал Михась. Но Прантиш только покровительственно похлопал младшего приятеля по плечу... После науки Лёдника Вырвич мог возглавить банду воров и шарить по домам, несмотря ни на какие засовы – правда, доктор ошалел бы, если бы такое услышал.

На улице был собачий холод... Вдруг повалил мокрый снег. Школяры рысцой двинули к общежитию... Стали под деревом.

– Ну, слава святому Франциску, обошлось! – радовался Михась. – Сабля твоя у тебя, никто нас не видел! Ты чего кислый, как капуста?

– Мне не нравится дело с Володковичем... – удрученно признался Вырвич. – Это не благородно – без суда и закона расстрелять шляхтича.

Где-то на Верхнем рынке залаяла собака, и ей отозвались соплеменники по всему городу.

– А что тебе до Володковича? – пожал плечами Игрок. – Если бы встретил его где, думаешь, он бы тебя дукатами осыпал? Лупить бедных шляхтичей плетьюми, как он – это, по-твоему, благородно?

Вырвич вздохнул, ощущая себя последним дураком. Но уже знал, что не может поступить иначе.

– Нужно его предупредить.

Игрок даже подскочил.

– Ты дурак? Его же и в Менске нету.

– Может, через судью... Юдицкого того... – неохотно проговорил Вырвич, вспоминая неприятные минуты своего и Лёдника заключения, и как Юдицкий разбил доктору лоб, и угрожал проверить Прантиша шляхетство... Но даже ради мести врагу сарматским идеалам изменять нельзя. Дуэль – да... Переиграть врага, перемудрить – достойно. Схватить гурьбою одного и расстрелять – позор! Пусть он трижды заслуживает. Теперь Прантиш понимал, почему Лёдник собирался лечь в лесу раненого конвоира, что не помешало бы ему раньше или позже зарубить своего пациента саблей в бою. Благородный человек – это тот, у кого есть принципы, которые он не переступит даже ради собственного спасения.

Михась Мицкевич очевидно не понимал, почему атаман вдруг стал на сторону Радзивиллов, и Вырвич не стал его тащить с собой. Попросил только сбросить из окна свечу, огниво и мел.

У Вырвича нарисовался интересный план, который сочетал сладкую месть и исполнение сарматского долга. Дом на Подгорной не зря был назван проклятым. Несколько лет назад жила там красивая панна, было у нее два ухажера, один, как водится, старый и богатый, второй – молодой и бедный. Панна охотно поменяла бы их свойства, что позволило бы ей наконец определиться, а пока дурила головы обоим. А когда бедный шляхтич начал аффектировать, поставила: пусть принесет ей особенные лилии, которые растут только в Несвиже, в оранжерее дворца великого гетмана Казимира Радзивилла Рыбоньки, и отдаст она взамен свое сердце.

Хорошо еще звезду с неба не попросила.

Шляхтич, однако, не колебался, доскакал до Несвижа и среди ночи полез в княжеский сад. Цветов наломал, но был покусан собаками, изловлен и приведен к самому князю. Незадачливый вор честно рассказал Казимиру Рыбоньке свою историю и ждал наказания. Но князь расчувствовался, признался, что и сам изведал подобные пылкие чувства, и приказал романтического вора отпустить, отдав ему цветы с серебряной вазой в придачу. И случилось бы оно все, как в сказке, если бы это была сказка, а не жизнь. Потому что влюбленный молодчик, припершись с добытыми ценою покусанных голеней цветами к любимой, увидел ее в объятиях богатого соперника, и осталось ему только заесть свой афронт радзивилловскими цветами. Парень, однако, не имел при себе доктора с двумя дипломами, который напомнил бы ему о контроле над дыханием, и вскипел, как забытое на огне молоко. Богача зарубил, а любимую схватил и – вместе с нею – в Свислочь... Так что оранжерейные лилии возложили на свежие могилки. Куда подевалась подаренная гетманом серебряная ваза – никто не рассказывал.

Ну и, естественно, пошли слухи, что девица стала русалкой и блуждает, прохожих губит... Что значит – пугает да топит в Свислочи. И убийца при ней тенью бродит. Родственники утопленницы из дома съехали, никто не захотел там жить. А судья Юдицкий, известный скупердяй, видимо, и позарился на низкую цену. Но, насколько Прантиш помнил, отвагой судья не отличался. Так что в появление призрака должен поверить.

Дом был одноэтажный, на два конца, с деревянными колоннами на крыльце... Чтобы не ошибиться, где ночует судья, оставалось только бросить в стекло камень. Знакомый визгливый голос за одним из окон сейчас же обругал менчан до седьмого колена.

Теперь осталось выждать, и...

Судья Юдицкий действительно имел большую печень и проблемы в постели, что не придавало приятности его характеру. Но, вспоминая о той ночи, делался он желтым, как шафран, и злющим, как стая борзых, из-под носа которых чудесным образом вырвался хромой заяц. Вот вскочил вдруг на тучку, летит себе, хохочет, а они могут только лаять вслед...

До конца своей судейской жизни не забудет Юдицкий, как в окне его мерцало неестественно белое лицо, которое немного напоминало школяра-чернокнижника, расстрелянного пушками в Слуцке вместе с дьявольской машиной.

– Юдицкий! Юдицкий! Меня послал святой Франтасий! – завывал призрак. – Скажи Михалу Володковичу, пусть не идет в суд, ибо погибнет!

Судья, стоя в кровати на коленях, пробовал молиться, но в голову лезли только статьи Статута, касательные записей и продаж, и вертелась фраза «если бы какой спадок на кого по умерлой руке правом прирожденным припал».

Ужасное видение вдруг исчезло, будто растаяло в ночи. Юдицкий не сразу отважился подойти к окну. А когда все-таки подошел, с зажженной трепещущей рукою свечой... Ну не зря же он достиг высот в судебном деле, которое при королях Сасах превратилось не то чтобы в лабиринт, но в непролазные дебри, где нет ни троп, ни дорожек, а из-под каждой коряги может прыгнуть хищный зверь. На клочке мокрого снега под окном, который еще не успел растаять, виднелась цепочка следов, которую ни один приличный выходец из могилы после себя оставлять не станет.

Крики судьи сотрясли славный город Менск и ускорили бег одного дерзкого и слишком живого призрака. Большое его счастье, что вместо мокрого снега снова хлынул дождь, смывая следы. Прантиш мчался к монастырю бернардинок, а голоса погони уже звучали где-то на соседней улице...

– Сюда! – окно на первом этаже распахнулось. – Держи!

Прантиш почувствовал касание чего-то мягкого, не веревка – скрученная ткань... Но карабкаться наверх ему не впервой.

– Вот мой Гиппоцентавр!

...На осклизлом берегу холодной Свислочи, обнявшись, горько плакали два призрака: молоденькая кокетливая паненка, с волосами, украшенными гнилыми лентами водорослей, и ее убийца с выеденными речными обитателями глазами... Такая благоприятная ночь для появления, для запугивания доверчивых горожан – а те горожане, будто им пятки жгут, бегают просто сквозь призрачную парочку, совсем не обращая внимания, только стирают со своих перепуганных физиономий нездешнюю изморось, и ищут мошенника с испачканным мелом обликом, прикидывающегося честном призраком! Вот она, несправедливость жизни: маскарадные фигуры считаются единственно настоящими, а от истинных ужасов отмахиваются, как от паутинки бабьего лета! Как же не заплакать призрачными слезами, не возжелать навсегда покинуть этот разуверившийся неблагодарный город, который мог бы своих призраков использовать, к примеру, ради привлечения богатых заграничных путешественников, охочих до ужасных чудес...

И оба неуспокоенных духа снова бултыхнулись в черные воды Свислочи, которая и не такую дрянь в себя принимала и еще примет на протяжении столетий.

Прантиш с княжной Полонеей сидели в темноте, прислонившись спинами к теплому боку печи-грубки, так близко друг к другу, что мать Альжбета осудила бы обоих на двухнедельное покаяние. Вырвич незаметно спрятал в карман платочек, пожертвованный ему княжной, чтобы стереть с лица мел – хорошо будет навязать этот платочек на шапку, если придется идти в бой.

– Возможно, судья все-таки решит, что ты ему привиделся, – тихо промолвила Богинская. – Но рисковать всем ради того, чтобы спасти врага... Юдицкий бы тебя в тюрьме сгноил. Если же до моего брата дойдет, он посчитает, что ты его предал.

– Я не мог иначе.

Полонья помолчала.

– Знаешь, за что меня в монастырь сослали?

– Нет...

– За дуэль.

Вырвич постарался не выдать удивления.

– Дуэль по всем правилам. А что? В Вильне дамы бьются, в Кракове, в Париже, в Санкт-Петербурге. Жена наследника российского трона Екатерина по несколько раз в году бывает секунданткой у своих придворных дам. Я вызвала Агнешку Чарторийскую, сестру своего жениха. Отбила у меня первую фигуру в кадрили. Кавалера увела и еще посмеивается, лахудра.

Кавалер тот мне и на закуску не сойдется, но честь задета! А главное... Главная причина – она считает, что Богинские не могут быть королевской семьей! Мы – только придворными у Чарторыйских, понимаешь, можем быть! А брат мой – «мокрая курица»!

Богинская расходилась не на шутку. Интересно, остальные сестры пана Михала такие же амазонки?

– А на чем вы дрались? – осторожно спросил Прантиш, который слышал, что в качестве оружия боевитые дамы иногда употребляют зубы и ногти.

– А на шпагах! – спокойно ответила Полонейка. – Я эту швабру сразу в правую руку ранила, так она давай реветь, как ребенок, у которого игрушку отняли. Короче, шуму... Жених в оскорбленную позу становится. Тетушки дворцовые шипят о падении нравов. И брат сказал, что с него хватит, что бешеные сестрички больше не втянут его ни в какие авантюры, отказался общаться с паном Сапегой, сказал, что никакой рамфеи не существует, одни выдумки... И отправил к тетке Альжбете грехи замаливать.

Богинская вздохнула.

– Хорошо, удалось все сделать, как планировали. Старшие сестры тоже постарались, как могли, брата настроили.

Вырвич, конечно, промолчал, что без него, Прантиша, ничего бы у женской половины Богинских не получилось бы.

Когда перепуганные бернардинки, которые проснулись от шума на улице, помолившись святому Бернару, уснули, Полонейка проводила Прантиша в казнохранилище.

А на прощание сказала странным тихим голосом:

– Слушай... Не ходи с этими мещанами в подземелье. Не надо тебе.

И даже не сразу отстранилась, когда посконник Вырвич поцеловал ее в щечку.

А в казнохранилище Лёдник и Соломея не спали. Соломея напрасно пробовала успокоить бывшего алхимика и едва удерживала от того, чтобы выскочить через окно или полезть в подвалы в поисках исчезнувшего школяра. Прантишу даже показалось, что сейчас он получит розгами по тому самому месту, для которого они предназначены. К счастью, розг под рукой не было, а Лёдник испытал огромное облегчение, что его бывший господин вернулся живой и невредимый, и гнев его прошелся только по вершинам, как легкий ветер.

Зато у Прантиша был его Гиппоцентавр! Бутрим, естественно, поворчал о неразумном мальчишке, но Вырвич так светился гордостью, что доктор не стал даже пробовать его пыл потушить. Сам изведал острое счастье, когда, вдыхая смертельные испарения, добывал неведомые вещества.

Зато рассказ Вырвича о встрече с Юдицким доктора встревожил по-настоящему... Но ругать Прантиша, что не должен был предупреждать врагов об опасности, Бутриму и в голову не пришло. Беспокоило и то, что о рамфее узнали иезуиты – хотя это как раз было неудивительно, с их всемогущей шпионской паутиной и одержимым собиранием всех старинных тайн.

Прантиш лежал рядом со своей родовой саблей и думал о Полонейке. Отважной, как античная богиня. Она ведь тоже не посчитала напрасным его поступок с Володковичем и пообещала сохранить в тайне. Более того – школяру показалось, что его поход к Юдицкому вызвал у нее уважение большее, чем похищение Гиппоцентавра. Поцеловать позволила... Но ведь при этом и не вспомнила, что где-то у дверей, в темном коридоре, пугливая Ганулька, а она, похоже, не простая девка, все ждет возвращения пана Вырвича, чтобы впустить его в монастырь.

И Вырвич, к сожалению, уже не мог не понимать, что, когда они с очаровательной, отважной Полонейкой встретятся потом, на людях, она, скорее всего, его просто не узнает, или – как самое большое одолжение – холодно и едва заметно кивнет головой со сложной прической... И невидимый меч снова пронзит сердце загонного шляхтича с голубыми глазами.

Глава четырнадцатая

Минотавры Полоцких подземелий

По дороге из Менска в Полоцк не так много оставалось православных храмов... А нужно было еще найти тот, где священник проведет тайный обряд венчания в ночи, и никто из окрестных деревень не уследит.

Но пан Лёдник, владелец свежего патента на шляхетство, подписанного королем Августом Саксонским и проданного за тысячу дукатов его конфиденентом графом Брюлем неизвестно кому, уперся, чтобы перед опасным путешествием в очередные подземелья обязательно освятить отношения с красавицей – подругой детства.

А если доктор упорствовал, его можно было убить, но не отговорить.

Свечи мерцали, как будто какие-то крошечные существа, прощаясь, махали маленькими огненными платками. Мрак по углам храма от этого казался еще более темным, а слова священника угрожающими... Хотя он говорил о вечной любви и единстве душ. Что Бог соединил, того человек не разъединит.

Балтромей Лёдник и Соломея Ренич тоже не выглядели беззаботно счастливыми, как следовало жениху и невесте. Они скорее напоминали тех, кто собирается на смертельный бой... Хотя ведь так и было – поведение магнатов, которые позволяли маленьким людям удовлетворять свои капризы, да одаривали их неслыханными щедротами, напоминало поведение поваров, кормящих рождественского гуся марципанами, изюмом и другими вкусностями, что должны придать мясу особенный привкус. Вот, пожалуйста, – позволили полочанам обвенчаться, когда Лёдник потребовал. И Прантиш, который выполнял роль дружки у своего бывшего слуги, догадывался, почему Лёднику невтерпеж под венец. Чтобы, если что, Соломея осталась шляхтянкой, так как жена перенимает звание мужа. Это «если что» Вырвичу не нравилось.

Над Соломеей держала венец пугливая прислуга панны Богинской. Ганулька время от времени бросала на Прантиша встревоженный взгляд, но Вырвич делал вид, что этого не замечает. Тени делали лицо Лёдника совсем мрачным, и Прантиш по-прежнему не мог понять, что в облике доктора притягивает женские взгляды. Куртуазный мужчина должен быть с аккуратными светлыми кудрями, ясноглазый, с улыбкой на губах и румянцем на щеках. И уж никак не такой клювоносый...

Соломея в простом светлом платье повернулась к жениху, и чуть-чуть улыбнулась, ямка возникла только на левой щеке, и за эту ямочку каждый не слепой мужчина готов был отдать... ну, если не жизнь, то все остальное. За что доктору досталась такая женщина? Барон Герман Ватман, видимо, подумал об этом же, потому что громко вздохнул и вышел из маленькой церкви в глухой деревеньке между Менском и Полоцком.

...И ложе, и напасть одни на двоих...

И подземелья.

На полках полоцкой аптеки бутылки и сосуды громоздились так тесно, что между ними нельзя было и палец просунуть. Что темнело в некоторых банках, свернувшись в кольца, извинаясь бурными водорослями, Вырвич даже и знать не хотел. А острый взгляд светлых, как голубой лед, глаз аптекаря Лейбы не придавал уюта, ибо казалось, что аптекарь видит насквозь твои смешные недостатки, и снисходительно над ними посмеивается. Ясно теперь, где Лёдник набрался язвительности. Хотя нет, у Лейбы была не язвительность, а скорее мягкая насмешка – и над миром, и над собой, перемешанная с грустью и извечным фатализмом. Будто человек раз и навсегда сказал себе: я знаю, что вокруг дерьмо, но я же ничего не изменю, поэтому остается только горько посмеяться.

Но на Лёдника и Соломею аптекарь посматривал со слезами умиления.

– Бутрим! Деточка! Ты жив! И ты, дорогая моя! Господь вступился, не иначе! Прости, прости старого труса – я не смог за тебя толком заступиться... Кто я такой? Прикрикнули, и у меня язык прилип к зубам... А на тебя, бедная девочка, обрушились такие силы, что я думал – все... Не увижу больше твоего ангельского облика... Боже великий, Боже всесильный... Вступился!

Аптекарь долго обнимался с Соломеей и Бутримом, потом хитро улыбнулся:

– Как я рад, что вы вместе. Наконец ты, Бутрим, смекнул, что самое чистое золото не в тигле, а рядом, в волшебном облике Соломеи Ренич.

– Она – пани Лёдник, – важно молвил Бутрим. И Лейба едва не расплакался, приговаривая, каким счастливым был бы его друг Иван Ренич, если бы только мог дожить до этой минуты. Потом окинул взглядом довольно скромные одежды бывших учеников и осторожно уточнил:

– Ты сказал, Бутрим, она – пани? Это значит, ты очень высоко взлетел, хлопец?

– Воздушный змей на веревочке тоже взлетает высоко, дядька Лейба, – сдержанно ответил Бутрим, и аптекарь перевел умный взгляд на окно, за которым на фоне бледного зимнего утра темнела высокая фигура Германа Ватмана, а где-то еще скрывались и жолнеры Богинского. И Вырвич подумал, что аптекарь вообще понимает намного больше, чем показывает. И насчет Прантиша тоже, которого доктор представил как «благородного пана Вырвича», что соблаговолил в тяжелую минуту приютить бывшего алхимика.

– Значит, твои приключения не закончились, Бутрим... – с осуждением промолвил аптекарь и от огорчения даже смешно дернул себя за седые с остатками рыжих волос пряди, которые свисали из-под черной шапочки. – А я надеялся, что ты взялся за ум! Когда узнал, что ты к Мартину Радзивиллу подался, просто пожалел, что больше никто не может оттаскать тебя за волосы, чтобы не лез, куда не нужно. Как я услышал, что высокородный шут решил, будто евреи обладают разными желанными ему секретами, да начал изучать каббалу, раввинов к себе натащил – вместе с алхимиками да разными мошенниками, мне сделалось страшно... Ты же сам должен был видеть, он приказывал готовить наши блюда, посвящать его в таинства, как он это понимал... Нашего рэбе тоже по его приказу в Черновчицы возили. Разве можно играть в веру! Разве можно обмануть Бога, пусть сотни льстецов тебе говорят, что ты – святой и мудрый, как Соломон! Тьфу... А ты и такие, как ты, в тот же час вызывали ему духов, показывали мир мертвых или заоблачные города, добывали из меди золото да пророчили сумасшедшему всемирную власть... А потом снова во всем обвинили евреев!

Аптекарь осуждающе потряс головой.

– Бутрим сам пострадал, дядька Лейба, – тихо проговорила Соломея. – Едва живым оттуда вышел... Он отказался от алхимии и всяческой магии.

– Но последствия своих поступков распутывать придется долго... И, к сожалению, не только самому, – мрачно проговорил Лёдник.

– Боюсь, то, что происходит с нами сейчас, последствия не столько твоих поступков, Бутрим, как моего отца, – сокрушенно вздохнула Соломея.

– Вот оно что... – задумчиво обронил Лейба, снова бросив быстрый взгляд за окно, потом почему-то на Прантиша. – Давайте пойдем в комнату, посидим, поболтаем...

Аптекарь приглашающе махнул рукой в сторону двери во внутренние помещения дома. Лёдник задержался у полок, потрогал бутылочки, даже нежно погладил маленький столик в самом углу...

– Да, Бутрима, именно здесь ты учился толочь зелья... – улыбнулся Лейба. – Кто бы мог подумать, что из маленького почемучки вырастет настоящий дипломированный доктор...

– Дядька Лейба, – Бутрим кивнул на полки, – зачем ты хранишь всякие бесполезные вещества, вроде настоя на крыльях летучих мышей?

Хозяин хитро улыбнулся.

– Пока их заказывают и покупают, буду держать. А почему нет? Вреда от таких веществ нету, а польза в виде живых денег есть. К тому же, парень, ты так и не усвоил, что больному помогает только то, во что он верит, пусть это будет даже чистая вода.

Лёдник неодобрительно нахмурился, но дискутировать не стал.

Комната была маленькая, освещалась не свечкой, а масляной лампой, и дышалось здесь тяжело из-за бумажной пыли: все стены увешаны полками с книгами, от толстенных фолиантов до папирусных свитков. Вырвич подозрительно осмотрелся вокруг: ему не приходилось гостить у евреев, вообще было удивительно, как Лёдник и Соломея свободно и уважительно обходятся с аптекарем, и он к ним с откровенной приязнью... Лейба заметил его взгляд:

– Пусть простит ваша мосьть скромность моего жилья. Но здесь вам ничего не угрожает. Поверьте, временами на меня эдак же косо поглядывали мои единовверцы за дружбу с Иваном, как и на него – православные... Просто в каждом народе есть свои дураки и свои мудрецы, предатели и герои, вожди и чудаки... Процентчики братья Ицковичи, из-за которых восстал Кричев, обирали всех, не смотрели на веру. Так же, как и другие арендаторы – литвины, братья Волковыцкие, которые тех же кричевцев мордовали. А мы с Иваном Реничем были именно чудаками. Он – среди своего народа, я – среди своего... А чудаки, которые жаждут знать намного больше, чем позволяют обычаи, никому не нравятся, над ними смеются, их боятся... Зато они могут узнавать друг друга во всем мире, и сходятся на пути к познанию, на котором нет разницы даже между шляхтичем и мещанином, пусть простит меня ваша мосьть, но разница только в глубине и смелости мысли.

– Не каждое знание одобряет Господь, – твердо промолвил Лёдник. – Не все, что мы познаем, идет на спасение души.

– Тебе лучше известно, «бедный Фауст», – неожиданно жестко сказал аптекарь и откинулся на высокую деревянную спинку кресла. – Слышал о том, что Иван тебя так называл? Писали мне из Праги, в какие ты компании был вхож... Хорошо, что остановился. Но сюда вы пришли именно за опасными знаниями, не так ли?

– Да, дядька Лейба, – Соломея бросила взгляд на Балтромея, будто хотела набраться от него смелости. – Мы должны пойти туда, куда... ходил отец. Я нашла в его вещах вот этот ключ.

Тяжелый, потемневший, грубой работы ключ лег на стол. Улыбка исчезла из светлых глаз аптекаря, он строго поджал губы, помолчал.

– А твой отец хотел, чтобы ты сделала то, что собираешься?

Пани Лёдник опустила голову в короне темных кос, которые по-хорошему должны были бы, как у замужней женщины, скрываться под намиткой-платком – но у молодых не хватало ни времени, ни сил придерживаться обычаев...

– Он не хотел бы этого, дядька Лейба. Но у меня нет выбора. Я присягнула, что сделаю это... Именем своего Господа. В обмен на жизни дорогих мне людей...

– И на свою жизнь, не так ли? – спросил-утвердил аптекарь. – Вот почему тебя отпустили...

– Мы не дадим, чтобы с пани Соломеей случилось что-то нехорошее! – горячо заверил Прантиш. – И ничего бесчестного не сотворим.

– А что считать бесчестным, а? И как измерить жертву и пользу от нее? – невесело улыбнулся Лейба. – Когда царь Давид послал своего военачальника Урию на гибель, он руководствовался самым благородным чувством – любовью. А позор какой получился – едва отмолился. Но от брака Давида с вдовою Урии, ради которой и совершил царь преступление, родился мудрец Соломон... Значит, Урия погиб не зря, а? И грех Давида пошел на пользу?

Вырвича даже дрожь пробилась: он понял, что старый аптекарь по канонам всех религий кощунствует... Не сверкнет ли здесь и сейчас молния Божьего гнева?

– Мы доверимся Божьей воле, – твердо промолвила Соломея.

– Все равно нас в покое не покинут, дядька Лейба, – тихо проговорил Бутрим. – Не дадут ни убежать, ни спрятаться. А так есть шанс, что хоть кто-то из нас выживет.

Лейба молча повернулся и вышел в соседнюю комнату, плотно закрыв за собой дверь. В стеклянной банке, что стояла на нижней полке между фолиантами, в мутной жидкости что-то вдруг зашевелилось и снова замерло, только в пыльном воздухе растаял такой звук, будто кто-то бросил камень в глубокий колодец.

– Твой отец оставил разгадку пути к христианской святыне здесь? – не выдержал Прантиш, обернувшись к Соломее. Та пожала плечами, прошептала:

– Отец доверял дядьке Лейбе. К тому же здесь никто бы не додумался искать, даже иезуиты.

Аптекарь вернулся, держа в руках сундучок из темной древесины. Прантиш ожидал увидеть там что угодно – но не то, что достала Соломея: клубок тонкой веревки, завязанной узелками.

– Что же, отговаривать вас – зря тратить свое время, а его у меня не так много осталось до встречи с праотцом Авраамом... Мало я натерпелся за последние три года, благодаря Ивану... И снова проклятое подземелье меня достает. Чтоб им Левиафан воспользовался да хорошо обрушил. И когда думаете идти? – мрачно проговорил Лейба.

– Сейчас же! – выкрикнул Вырвич, положив руку на Гиппоцентравра.

– Ваша правда, благородный пан, оттягивать мгновение, когда на тебя упадет подвешенный на волосе меч – продолжать свои мученья... – покивал головой аптекарь. – Все, что я могу – проводить вас до входа, как Харон.

Вырвич ожидал, что вход в полоцкие подземелья окажется где-то в романтическом, святом месте... Но выяснилось, что он... в погребе полоцкого аптекаря Лейбы.

Тот просто однажды зашел туда после весеннего половодья, когда подземные воды пробивали во влажной земле свои капризные пути, и... провалился. Еле выкарабкался наверх. Оказалось, дед Лейбы, который воспользовался милостивым позволением великого князя иудеям селиться в городах и заниматься ремеслом, выкопал погреб точно над подземным ходом. Сам Лейба больше туда не спускался, и, скорее всего, завалил бы страшный прогал и двери в подвал заколотил гвоздями... Ясное дело, подземелья связаны с храмами, а когда кто-то решит, что еврей тайно пробовал проникнуть в христианскую святыню!.. Нет, лучше подальше от греха... И так живешь словно между острыми клинками...

И забылось бы все, если бы не Иван Ренич, с которым Лейба поделился бедой. А книжник куда только свой любопытный нос не совал в поисках тайн! Полоцкие подземелья были его любимой загадкой. По тому ходу, что начинался под церковью святой Параскевы, ему удалось дойти только до первого поворота – дальше был земляной завал. В подвалах Святой Софии – то же самое, обрушился свод. Когда иезуиты строили костел Святого Стефана, тоже на подземные ходы напоролась – и Ренич тут как тут, вертеться начал, выведывать. Но ход, каменный, высотой как руку поднять, оказался затопленным.

А в погребе аптекаря неожиданно открылся прогал в нетронутую часть подземелий.

Что Иван Ренич там нашел – Лейбе не рассказывал, но когда он первый раз оттуда выбрался, будто в смертельном бою побывал – избитый, грязный, да еще хромой... Это, однако, охоту не отбило, Ренич начал таскаться в погреб, как на работу. Приостанавливался только, чтобы залечить раны, однажды даже руку сломал в земляных дебрях. Сколько свечей извел, веревок! А заодно перечитывал летописи, добился доступа до сохраненных остатков архивов Софийского собора, опрашивал старых людей, что они слышали...

Аптекарь не в свое дело не лез. Сначала, конечно, пробовал приятеля от пагубного увлечения спасти. Но убедился, что привести к уму-разуму книжника никак не получается, и если ему перекрыть ход в подземелья, может вообще наделать глупостей и еще беду на хозяина погреба накличет. Ренич даже деньги начал соседу за каждый свой визит на его двор платить,

только бы не вякал. Тогда Лейба отдал одержимому ключ от проклятого места и постарался забыть о дыре в прорву. Больше, собственно говоря, туда даже не подходил, спасибо праотцу Аврааму, погреб на заднем дворе.

Но бедняга даже спать по ночам перестал. И каждый раз, когда Ренич залезал в погреб, садился за молитву... А что, если этот одержимый не вернется, не выберется? Пришел честный христианин в дом к еврею и исчез! Конец тогда и аптекарю, да и все евреи города пострадают.

Через год Ренич засиял, как новый талер. Однажды показал пару древних книг, не сказав, откуда взялись... Лейба не был таким сведущим, как друг, в книжном деле, но понял, какая ценность перед ним, и догадался, откуда такое богатство. Библиотека Софийского собора, утерянная во время Ливонской войны, похоже, дождалась своего открывателя.

Но тайна выглядела достаточно опасно, чтобы не возникало желания ею поделиться. Лейба хорошо представлял, сколько имеется охотников до подземных сокровищ, и что они могут сделать с их владельцем. К тому же и Ренич взял с аптекаря слово, что тот не только сохранит тайну погреба, сам туда не сунется, но и никого не пустит, ибо дело опасное, никто оттуда живым не вернется.

Но сам Ренич держать рот на замке был не способен... Вот и пошли слухи о новом хранителе полоцких сокровищ, которого избрали призраки подземелий. Кто-то крутил пальцем у виска, кто-то переходил при встрече с книжником – чернокнижником на противоположную сторону улицы... Хорошо, что никому и в голову не пришло, где вход в подземное хранилище. Ну, таскается раз в неделю книжник к аптекарю в гости... Книги изучают.

Но, наверное, добрались бы вскоре до Ренича любители кладов... Иезуиты начали уже понемногу расспрашивать соседей да прислугу, чем занимается книгарь кроме того, что книги продает, где бывает. От полоцкого воеводы Сапеги разведчики приходили... А его милость Мартин Радзивилл даже лично приехал – и навряд ли смирился бы с отказом. Хорошо, Иван Ренич сумел что-то такое князю наговорить, что тот согласился подождать. Соломея помнит, что отец начал нервничать и что-то говорить о переезде в Прагу.

Но пришел мор. Книжник успел еще передать на сохранение другу сундучок с клубком и купить у него лекарств...

Они смотрели в черный прогал. Оттуда тянуло влагой и плесенью. Ватман плюнул вниз: – Погреб, в котором нет вина, не стоит и ладунки без пороха.

Князь Богинский нервно вскинул голову.

– Хватит разглядывать! Если боитесь, могу послать с вами людей.

Соломея, одетая в мужское платье, – невероятно красивый юноша получился, – твердо взглянула на князя:

– Это невозможно, ваша мосьт. Двери открывают двое... И хорошо, если за ними след в след успеет пройти по человеку

– Так, или не так – не думай, что вам удастся нас перехитрить, спрятаться – жестко промолвила сестра князя Алена, кутаясь в волчий мех. – Наши люди по всему городу.

Полоня Богинская стояла в дверях погреба, так как пройти внутрь уже было невозможно, и казалась совсем мелкой в сравнении с гренадеркой-сестрой. На Вырвича даже не посматривала.

– Я не собираюсь прятаться, ваша мосьт, – ответила Соломея. – Я присягнула... Предав память отца.

Голос ее дрогнул. Лёдник тревожно посмотрел на жену и спросил у Богинского:

– Ваша мосьт, а если рамфею добыть не удастся? Если это просто будет не в силах человеческих? Прошу в таком случае вашей пощады к моей жене.

– Без рамфеи лучше вам не выходить из-под земли, – ответила за брата Алена Богинская.

Но Михал покривился:

– Ну зачем так... Женщину мы пошадим, даю слово.

– Не волнуйтесь, ваша мось, – мягко промолвил Ватман, и в этой мягкости была сила смертельной отравы. – Я за всем прослежу.

При этих словах Полоней вдруг бросила на Вырвича странный взгляд, и тот почувствовал, как его сердце оборвалось вниз со сладкой болью, будто он прыгал с обрыва в воду. Она тревожится за него! Рука сама нащупала в кармане перепачканный платочек, который все еще сохранял аромат вербены и померанца.

В свете фонаря казалось, что они находятся в пасти дракона. И не хотелось даже думать о дальнейшем пути, и на что он будет похож. Когда-то, наверное, это были очень приличные, добротные подземелья, по которым можно было ходить в парадной чуге, гордо задрав голову и цыкая на запуганных призраков, которые знали свое место и покорно прятались в щелях между камнями. Теперь же торжественного прохода не получалось: кое-где кладка обвалилась, и на полу лежали завалы из ила и кирпичного щебня, и полностью ясно было, почему пани Лёдник надела порты, еще раз подтвердив, что ученая женщина – оскорбление для приличного общества. Правда, замечалось, что путь через эти завалы ранее расчищен, виднелись даже следы от колес маленькой тачки. Здесь проходил Иван Ренич, и страшно представить, сколько ему пришлось ковыряться, каким одержимым нужно быть, чтобы это дело не бросить.

Правда, через некоторое время путь стал более свободным... Теперь было просто страшно. Особенно когда дошли до перекрестка, от которого отходили одинаково неуютные ответвления направо и налево. Соломея достала дурацкий клубок, отмотала до первого узелка, зажала его в руке.

– Налево.

Вот оно как... Прантиш догадался, что Иван Ренич с помощью специальных узелков отмечал, куда повернуть. От любопытства Вырвич пристроился поближе к Соломее, чтобы следить, какими именно узелками Ренич обозначал повороты направо, налево и направление прямо. Надо же, сам книжник такое изобрел или в книгах вычитал? Потому что в этих лабиринтах безо всяких пометок невозможно ни дойти куда-то, ни выбраться. Вырвич с досадой должен был признать себе, что и он точно бы заплутал.

А Ватман даже не скрывался – подошел, пощупал веревочку в руках пани, не обращая внимания на неприязненный взгляд Лёдника, спросил об узелках, похвально поцокал языком.

Наемник был вооружен как на большую войну. На боку – турецкая серпантина, с другой стороны – чекан. В голенищах, наверное, кинжалы... А вот Лёднику и Прантишу позволили взять с собою только сабли, и то потому, что Прантиш уперся. Наемник заверил, что защитит спутников, если что, наилучшим образом, а лишний груз в путешествии помеха.

Время от времени на головы начинала литься холодная вода. Пару раз подул свежий воздух – если бы свеча не была защищена стеклом фонаря, погасла бы. Случалось, под ногами открывались провалы – но прикрытые досками, видимо, притащенными Иваном Реничем.

Они шли и шли... В темных ответвлениях, в которые они не сворачивали, чудились призраки, чьи-то красные глаза, и, казалось, сейчас оттуда кто-то выползет, бросится... Но бросались только крысы. Они пробегали просто под ногами, будто ослепшие и оглохшие, не имея совершенно никакого страха перед пришельцами, да им и не стоило бояться – так как здесь был их город, со своим королем, миллионной армией, своими законами и обычаями. И, возможно, те, которые выбегали на свет, были разведчиками, шпионами, и сейчас где-то в крысином дворце военачальники с белыми слепыми от вечного мрака глазами принимали решение, как наиболее быстро, с какой подлой хитростью сгубить чудовищ, что принесли в их царство огонь и надземную жадность.

Наконец путь преградила стена из плотно пригнанных камней. Тупик? Соломея свернула клубок до конца и передала школяру.

– Берегите, пан Вырвич. Вы же запомнили, как объяснить тот или иной узелок?

– Мы что, заплутали? – подозрительно спросил Ватман, как бы между прочим положив руку на эфес сабли и скользя вокруг взглядом. Старый воин в каждом тупике не может не ждать нападения.

Пани Лёдник даже не ответила. Она сосредоточенно смотрела под ноги. Вместо брусчатки здесь были широченные каменные плиты, которые напоминали надмогильные. По ширине прохода их умещалось четыре. На последних плитах, которые упирались в стену, преградившую путь, можно было заметить почти стертые буквы. Вырвич разобрал только два слова: «ближнего своего». И еще одна странная вещь – у левой стены на примитивно сколоченной тачке торчал обрубок дерева, комель почти в человеческий рост. К тачке была привязана веревка. Не похоже, чтобы это притащили сюда столетия назад... Значит, привез отец Соломеи. Интересно, зачем? Стены таранить?

– Пан Ватман и пан Вырвич, я попрошу вас отойти подальше. Вот так, достаточно. И не двигайтесь с места, пока я не позову. А ты, Бутрим, передай фонарь пану Ватману.

Голос пани Лёдник был таким властным, что никто не стал ни возражать, ни переспрашивать. Соломея повернулась к мужу.

– Стань вон на ту плиту...

Доктор послушно отошел в самый угол. Соломея очутилась напротив, в правом углу... Теперь между ними были две плиты. Это было похоже на то, как расставляют фигуры в игре под названием шахматы: Вырвич ее так и не освоил, но видел, как богатые ребята со старшего курса важно передвигают фигурки, вырезанные из слоновой кости и украшенные серебром, по клеткам деревянной доски. Прантиш помнил, что большинство фигурок обязательно будет «съедено» другими. На минуту наступила тишина.

Дальнейшее произошло стремительно, будто древний скандинавский бог Тор врезал кузнечным молотом по времени так, что оно сплющилось, истончилось до одного мгновения. Плита, на которой стояла Соломея, вдруг провалилась, и та, что рядом, начала проваливаться... Лёдник сразу же прыгнул за женой, и под его тяжестью вторая плита обрушилась вниз, никто не успел даже вскрикнуть.

Вырвич и Ватман бросились к провалу, осознавая, что безнадежно опоздали... Но ужасной бездны не увидели – наоборот: плиты медленно подымались вверх, перепуганный доктор (а Прантиш впервые видел доктора перепуганным) держал в объятиях Соломею, а на ее губах витала мечтательная, немного грустная улыбка... И вместе с тем, по мере того как плиты понемногу возвращались на свое место, в глухой стене, которая перегородила путь, начала возникать ровная щель, которая со скрежетом – камень о камень – расширялась, будто кто-то разрубал, раздвигал кладку богатырским мечом.

– Быстрее! Дверь сейчас закроется! – крикнула Соломея и потянула Лёдника за руку в черную щель. Вырвич и Ватман двинулись за ними... Только странники забежали в потайные двери, страшный грохот за их спинами сообщил – проход захлопнулся.

Ватман высоко поднял фонарь, который не выпустил из рук, несмотря ни на что. Они очутились в помещении, где, однако, не было ни библиотеки, ни рамфеи – только фрески на стенах. Ясно, что очень старые, но даже в тусклом свете фонаря было видно – краски не потеряли яркости. Прантиш узнал изображения Бориса и Глеба, Христа Вседержителя и даже святого Вацлава. Надписи на стенах вились старославянской вязью. Еще одна странность – сложенные в углу камни, будто маленький курган, под которым похоронено какое-то маленькое существо.

– И как же назад? – подозрительно спросил Ватман. Соломея небрежно махнула рукой:

– Назад проще... Нажать одновременно двумя руками вон те камни, что выпирают из стены.

– Это в знак того, что ничего с собою не выносишь, – насмешливо и сердито объяснил Лёдник, который все еще не пришел в себя от пережитого, потому что глаза у него так и горели

черным гневным огнем. – Ты что, предупредить меня не могла? Обязательно было, чтобы я пережил твою смерть?

Соломея виновато опустила глаза.

– Обязательно. Так делали все, кто приводил сюда неофитов. Прости, но отец сказал, чтобы я, когда приду сюда впервые, сделала все по правилам. В подземелья могут пройти только чистые сердцем, а люди, которые готовы спасти один другого ценой собственной жизни, совсем плохими быть не могут.

– Значит, если бы я не прыгнул за тобой... – в голосе доктора все еще слышался гнев.

– Двери бы не открылись. Мы бы не погибли, но и не прошли бы дальше, – спокойно объяснила Соломея.

– Подождите, – заволновался Прантиш. – А как же Иван Ренич один сюда ходил?

– Ренич был изобретателем, – мрачно промолвил Лёдник. – А я думал – зачем ему сюда притаскивать то бревно? Как-то он узнал о системе с плитами. Нажать сначала одновременно на две крайние плиты. А когда правая начнет опускаться – переместить вес с крайней левой плиты на вторую справа. И приводится в действие механизм, который открывает проход. Вот и вся жертвенность. Не мистика, а механика.

– Для того и нужны тайны и таинства, чтобы не сводилось все к простой механике, – раздраженно ответила Соломея.

– Может, пани сразу объяснит, какой холеры нам ждать еще? – вежливо спросил Герман Ватман. – А то от неожиданности кто-то штаны свои испакостит, оскорбит святое место.

Пани Лёдник горделиво откинула голову.

– Вы не в шинке, чтобы заказывать блюда на свой вкус. Я связана присягой не только с паном Богинским. Просто делайте то, что я вам говорю.

– Никогда не слушайся женщин, – проворчал Ватман, но умолк. А Соломея прошла в дальний конец помещения, к стене, тоже расписанной фресками. Там был изображен Страшный Суд. Особенно пугали бесконечные толпы грешников, мелких, с мизинец, которые сходили в огненное море, на муки... На маленьких невыразительных лицах виднелись раскрытые в отчаянном крике рты. Внизу фрески вилась надпись: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве».

Ватман подошел близко к стене, пощупал ее, осмотрел, подымая фонарь во все стороны, но никакой щели, что показывала бы на скрытые двери, не нашел. Зато пол тоже был сложен из знакомых каменных плит, и наемник осторожно отступил назад.

– Там испытывалась любовь к ближнему. Здесь испытывается ваша вера в Господа, – тихо проговорила Соломея. – Когда мы принимаем святое крещение, то отрекаемся от нечистой силы, трижды плюем в сторону ее мерзкого изображения...

– О, мы должны плевать? – обрадовался Ватман. – Это я могу! Как соломину сломать, доплюну куда скажешь. И школяр в этом должен быть натренированным, правда? Мы в школе, помню, через стебли тростника так сухим горохом плевались! Вот с доктором проблемы... Слишком чопорный, начнет плевать – еще собственной слюной отравится.

Лёдник хотел уже сказать что-то резкое, но Соломея сама раздраженно прервала шутника.

– Не стоит смеяться над предками, которые не могли превзойти нас в цинизме, а нам кажется – что в разуме. Тот, кто хотел войти в место, где хранятся святые христианские вещи, должен был бросить камень в изображение нечистого, вон там. Монахи верили, что человек, который общается со злом, не сумеет этого сделать.

Действительно, в углу фрески, там, где был написан ад с лесом языков пламени, виднелось мерзкое изображение с рогами и харей, похожей на рыло дикого кабана, немного обшар-

панной – видимо, именно от швыряния, а, может, и плевков в нее. Вырвич послушно пошел за камнями – теперь ясно было, зачем в углу эта кучка... А Ватман подмигнул Лёднику:

– Механика, говоришь, доктор? Значит, если подумать, все это плевание-швыряние, испытание истинности веры имеет целью одно: нажать на то место кладки, где нарисован Люцифер, да включить очередную машину. После путешествия в железном драконе меня ничто не удивляет.

Ватман лениво приблизился к стене, взвешивая в руке чекан, и клюнул тупым концом просто в морду нечистой силы. Всего один раз. Но в поганом облике сразу возникла выбоина, а пол под ногами сдвинулся. Искатели сокровищ отскочили от стены... Плиты медленно опускались, открывая ход вниз. Ватман осветил в черный провал фонарем:

– Ступени! Ну что, спускаемся, или еще какие фокусы нужно сотворить?

Разгневанная Соломея молча отодвинула Ватмана в сторону и полезла в ход.

За стеною, однако, снова не оказалось библиотеки. Узкая длинная комната без окон, без дверей, однако воздух почему-то свежий, ясно, что есть голосники, связанные с поверхностью. Здесь весь пол был выложен каменными плитами. Посередине шла узкая, не шире локтя, полоска из узких плит красноватого цвета.

– Так кто же все это построил? – вырвалось у Прантиша. – Неужто наши полочане?

– Думаю, это появилось задолго до Инфлянтской войны, – задумчиво сказал Лёдник. – Возможно, еще и до того, как построили Софию, и кроме полочан здесь постарались приезжие мастера. Похожее есть в катакомбах Константинополя... Конечно, лабиринты Египта и Кносса намного более ранние и большие, сравнение с ними слишком фантастично выглядит. Но принцип повсюду один и тот же.

– Ты хочешь сказать, сюда египтяне приходили? – удивился Прантиш.

– Египтяне навряд ли... А византийцы здесь точно бывали. Кстати, ты же сам веришь, что ведешь род от древнеримского аристократа Полемона, – непочтительно молвил Лёдник и повернулся к Соломее.

– Сначала испытывалась сила нашей любви к ближнему своему... Потом – наша христианская вера. Теперь, согласно логике и Святому Писанию, время испытывать нашу надежду? Последнее, что остается человеку?

Соломея, вдруг ослабев, закрыла лицо руками и прошептала:

– Отец, прости...

Всмотрелась в лицо Лёдника, жадно, будто что-то там искала – например, подтверждения, что он стоит такой жертвы – и решительно отвернулась.

– Да, теперь испытание надежды. Потому что вам придется надеяться только на милость Божию и на меня. Шагайте за мной след в след. Слышите? Зажгите факелы... Они должны быть вон там, справа от входа. Нам понадобится свет. Смотрите внимательно под ноги.

В углу действительно были подготовлены с десятков факелов, хорошо просмоленных. Мрак подземелий это не разогнало, но все-таки от живого огня сделалось веселее. Соломея перекрестилась, прошептала короткую молитву и поставила ногу – осторожно, как на лед – на красную полосу. Шагнула раз, второй, третий, не выходя за границы красноватых плиток... Тихо. Но как только за ней на красной полосе очутился Лёдник, плиты по обе стороны даже не опустились – провалились с глухим грохотом так, что все задрожало, и Лёдник придержал за локоть Соломею, которая немного пошатнулась. И вот уже по обе стороны зияла пропасть. Осталась только узкая каменная дорожка шириной в локоть, упиравшаяся в противоположную стену. Ватман многозначительно кашлянул:

– Хорошее средство избавиться от нежелательных посетителей, не так ли, ведьмочка? Спасибо, что не воспользовалась, я этого не забуду.

Лёдник оглянулся на Прантиша, который должен был идти за ним, протянул руку:

– Держись!

– Еще чего! – горделиво вскинул голову школяр. – Да я по этой тропинке с закрытыми глазами пробегусь!

– А вот бежать не стоит, – рассудительно подсказал последний в их чередѣ Ватман. – Только дурак рискует ради пустого хвастовства. Давайте, давайте... Топайте... А то еще что провалится, свалится или кошельки отберет.

Лѣдник отвернулся и не спеша двинулся за Соломеей, которая уже стояла у противоположной стены, и ее факел казался спасительным маяком.

Нельзя сказать, чтобы Вырвичу не было страшно. Еще как было. Но он скорее загремел бы вниз, чем в этом признался. Он видел, что бывший слуга специально старается не отходить далеко от господина и все время настороженно прислушивается, косится – двигается ли за ним школяр, не оступился ли, чтобы успеть ухватить... От злости, что его считают недотепой и ребенком, Прантиш даже не запомнил, как прошел последнюю часть дороги.

– Ну и что, какой-нибудь святой, но немощный старик через эти фокусы прошел бы? – проворчал Ватман, пробуя рассмотреть дно в пропасти.

– Думаю, что для святых существует более прямая дорога, – сухо ответила Соломея. – Каждому – такая, какую заслужил.

Они стояли на небольшой площадке перед очередной стеной... Серой, как неизвестность. Волновался даже Ватман, потому что шумно дышал и вытирал взопревший лоб рукавом, от его вздохов даже колебался огонь факелов.

– Вера, Надежда, Любовь... – задумчиво промолвил Лѣдник. – А мать их – София, небесная мудрость. Думаю, мы где-то недалеко от храма Святой Софии.

– Который собираемся лишить великой святыни, – горько промолвила Соломея, и Лѣдник еще больше нахмурился.

– Что же, остается лишь помолиться... – прошептала женщина и встала на колени. Требовательно оглянулась: мужчины поняли и тоже преклонили колена. Прошла минута, две... Послышалось знакомое скрежетание, часть стены опустилась. Но в низкий проем действительно можно было пролезть только на коленях.

– Путь к высшей мудрости лежит через смирение, – пробормотал Балтроей.

И они вошли... точнее, вползли в сокровищницу полоцких подземелий.

Глава пятнадцатая

Возвращение Рамфея

В «Бестиарии» Леонардо да Винчи упоминается загадочное существо под названием ихневмон. Этот ихневмон живет в Египте и является врагом другого чудовища, аспида. Борется он с тем аспидом, укус которого смертелен, достаточно оригинально: бегаёт к Нилу и валяется в грязи. Обсыхает – и снова пачкается. И так из трех или четырех слоев грязи делает себе панцирь. Вот тогда и хватается аспида за горло...

Отряхивая со своей одежды песок и глину, Прантиш чувствовал себя ихневмоном, и очень хотелось схватить за горло какого-нибудь аспида... Например, того, который придумал эдакий путь к святыне. Смирение, по суждению архитектора этого лабиринта, выявлялось не только в ползании на четвереньках, но и в вываливании в тлене и прахе, это значит, песке и мокрой глине, через которые вел узкий ход, больше похожий на нору.

Но вот Лёдник зажег факел, мрак неохотно расступился, и даже безразличный к книжной мудрости школяр задохнулся от восхищения. До самых высоченных сводов стены комнаты были заставлены полками из тяжелого, мореного дуба, который и за тысячу лет не истлеет. А на полках были книги. В добротных обложках из кожи, украшенных драгоценными камнями, окованных серебряными полосами, как сундуки... Более скромные тома, без всяческих украшений, но тоже дородные и важные... Свинцовые футляры с завитушками... Лёдники только с придыханиями проговаривали названия: «Codex Sinaitikus», «Иоанн Златоуст», «Хождение Богородицы по мукам»...

Были здесь и два стола с креслами – тоже из тяжелого дуба, даже с чернильницами, песочницами и перьями, как в любой приличной канцелярии, хоть, конечно, чернила давно превратились в черную пыль, а перья ссохлись и посерели.

Оглядываясь, Прантиш заметил, что у входа справа на вбитых в камень металлических крюках висят серые одежды, похожие на рясы, а внизу, под скамьей, лежат кожаные поршни, которые от времени покоробились и потеряли форму. На скамье пустая медная миска позеленела от времени так, что в ней можно было настаивать отраву. Ясно – здесь следовало переодеться и вымыться, чтобы не подходить к святым книгам грязными. Для факелов были предусмотрены специальные стойки, имелся и запас факелов. Возможно, еще со времен Ливонской войны. Помещение было на удивление сухое, и ни следа крыс – будто здесь существовала независимая от них подземная держава. Иначе разве книги уцелели бы?

Факелы освещали пестрые ряды вековой мудрости. Семейная пара Лёдников так бы, видно, и прилипла к ним... Но Ватман безразлично скользнул взглядом по полкам, выискивая самое главное, ради чего они сюда пришли, и потребовал от Соломеи, чтобы предъявила...

А главное далеко не всегда бывает таким, каким его ждешь... Вот ждали когда-то в Иерусалиме мессию-царя, в золоте и алмазах, с огненным мечом, впереди могучего войска, а приехал нищий на ослике, который говорил не о том, как захватить земную власть, а о спасении души и любви к ближнему...

Рамфея, копье святого Маврикия, лежало в простом деревянном сундучке, который даже потрескался от времени. Наверное, серая древесина этого сундучка была тоже из какого-то святого дерева, может, того самого Перидексиона, плодами которого питаются голуби, а змеи убегают от его тени, но, возможно, была она от здешней простой липы, которая только и умела, что дарить тень усталым путникам и мед цветков – здешним пчелам, что обороняют улья свои.

Соломея опустила на колени перед неглубокой нишей в стене, в которой стоял сундук.

Мужчины тоже встали на колени. Прантиш и Ватман обнажили сабли, как испокон веку делала шляхта во время чтения Священного Писания, пусть за этот обычай и совестили священники. Лёдник оголять саблю не стал, просто опустил голову и шептал молитву.

Ватман поднялся, подошел и осторожно отворил крышку сундучка, который не был заперт. Зачем запирать вещь, которая охраняется силами намного более могучими, чем железо? На выцветшей ткани лежал обычный металлический наконечник копья, перетянутый серебряной проволокой.

– На силу этой реликвии надеялись священники и монахи Святой Софии... – дрожащим голосом проговорила Соломея. – Верили, что пока она здесь, не исчезнет вера, не исчезнет храм, будет процветать Полоцк...

– Но ведь как подняли на воздух Софийку солдаты Петра, когда взорвался заложный ими в храме порох, не спасла рамфея, – заметил Ватман.

– Может быть, потому, что к тому времени храм уже изменил веру, и люди изменились? – тихо спросила Соломея. – И кто мы такие, чтобы спрашивать о намерениях Господа?

– Вот и не спрашивай, – Ватман закрыл сундучок и осмотрелся вокруг.

– А, кстати, назад как? Снова испытания?

Соломея, все так же стоя на коленях, проговорила:

– Я же показывала... Назад просто. Обеими руками нажимаешь выступы на стене.

– А волшебный клубок ты, школяр, не потерял? – Ватман смотрел теперь багровыми глазами на Прантиша. Вырвич горделиво ответил таким же взглядом.

– Не потерял.

И как-то тревожно сделалось школяру. Прантиш всегда предчувствовал, когда учитель собирается задать ему жару, разоблачив очередную аферу. Сейчас предчувствие просто кричало, что не нужно было Соломее рассказывать наемнику, как отсюда выходить.

Между тем плечи полочанки затряслись, она силилась сдержать плач... Лёдник прижался к ней, обнял:

– Скажи, а если бы не нужно было меня спасать, ты отдала бы им рамфею? Только честно признайся...

Соломея всхлипнула и покачала головой.

Лёдник приподнялся с колен и посмотрел на Прантиша. Недобро как-то посмотрел, тоскливо, будто прощаясь.

– Значит, и я должен сделать так, чтобы рамфея осталась в Полоцке.

Неизвестно, что пришло в голову доктору и что он намеревался отчаянное сделать с собою и как спасти от магнатских рук реликвию, но Ватман шагнул к нему из-за спины и негромко промолвил с мягкой такой усмешкой:

– Прости, доктор, ничего личного...

Лезвие кинжала будто выросло из руки, которой он обнял доктора. И нормальный человек лежал бы уже, улыбаясь смерти перерезанной шеей.

Но бывшего алхимика никто не назвал бы рядовым человеком, в бою его вполне можно было сравнить с аспидом – упругой ядовитой змеей, с которой боролся ихневмон с помощью четырех слоев грязи. Прантиш знал способность доктора при внешнем каменном спокойствии быть наготове, как натянутая тетива. И если Прантиш только теперь заподозрил неладное, то Лёдник, очевидно, ждал нападения всю дорогу. Ватман вскрикнул и выругался, выпустив кинжал: в его ладони торчало древнегреческое стило. Вещь обычная среди рукописей, некоторые из которых, возможно, были написаны родственниками этого стила, снова использованного не по назначению.

– Соломея, береги фонарь! Он видит в темноте!

Лёдник уже держал саблю, Прантиш с Гиппоцентавром встал рядом. Видит в темноте... Это доктор о Ватмане сказал, не о фонаре же? Вот почему у него глаза странные...

Между тем наемник вытащил стило зубами, даже не поморщился. Ухватил раненой рукой чекан. В здоровой, левой – никто не сомневался, что ею барон владеет так же ловко, как правой – жаждала отведать красного теплого напитка серпантина.

– Доктор, ты просто жить не можешь без своей спицы. Не в тебя воткнул, так ты в другого ее воткнешь. Вот, хотел подарить тебе да хлопцу твоему легкую смерть – я же тебя уважаю, у тебя два диплома, свежее шляхетство, жена-красавица. Но по справедливости получается, примешь ты смерть жуткую, лютую.

И вдруг сбросил на пол факел, который держался в железной стойке, топнул по просмоленной пылающей вершине... Пламя умерло в последних вонючих извивах дыма. Вырвичу стало страшно: а если Ватман погасит последний факел и свечу в фонаре? И они останутся в темноте один на один с беловолосым Минотавром? А что, если глаза его в темноте начнут светиться, как у зверя? А что, если он не человек, а оборотень? Не может человек быть таким сильным, безжалостным и видеть в темноте.

Они дрались вдвоем против одного, и бой был действительно неравным... Для них двоих, так как они дрались отчаянно, как могли, а Ватман отбивался даже лениво, не теряя своей обычной улыбки, будто играл, как кот с двумя мышками. Не наносил смертельных ударов, только царапал, резал одежду, кожу... Так, чтобы осознавали: могу достать до души в любой миг. Хотя Лёдник уж точно не был слабым воином – в Слуцких воротах он один сдерживал десяток жолнеров.

– Как там поется в песне о покойнике, который явился к невесте, а, доктор? «А что, если все развалится? Тогда из костей бульон сварится!»». К счастью, женщины отдают предпочтение живым героям перед мертвыми. Не правда ли, пани Лёдник? Я ничего никогда не имел против вдов. Вдова – это еще лучше, чем девственница, она женщина опытная, ценит мужскую ласку...

Лёдник разъяренно бросился на Ватмана, на пол грохнулся задетый бесценный фолиант. На кожаную обложку тут же наступил сапог наемника, а доктор отлетел назад с разрезанным рукавом, на котором проступило красное.

– Бутрим! Факел! – вскрикнула Соломея, но ни Лёдник, ни Прантиш не смогли воспрепятствовать беловолосому приблизиться к последнему факелу и тоже свалить его на пол.

Теперь комната освещалась только дрожащим огоньком свечи в фонаре, который охраняла Соломея. Полочанка отошла в угол и лихорадочно зажигала еще одну свечу, понимая, что остаться в темноте означает гибель. Прантиш заметил, что сундучок с рамфеей пани Лёдник прихватила с собою, теперь он стоял рядом с фонарем на полке, около фолиантов. Вырвич в мелькании последних минут так и не решил для себя, чего он хочет сам – вручить святыню Полонее Богинской или подействовать, чтобы она невидимой силой осталась охранять город, а вместе с ним и всю Беларусь? Как более достойно поступить шляхтичу?

– Подожди меня еще немного, ведьмочка, сейчас только расчищу дорогу, а то набросано здесь каких-то коряг с колючками, – бодро говорил Ватман, который даже не запыхался. – Уверяю, мы с тобою пойдем друг друга. Доктор твой – зануда, ртутными парами поеденный, а я – веселый... Смелых женщин люблю.

И подбил ногой неподъемный дубовый стол, который с глухим стуком упал. «Коряги с колючками», это значит Прантиш с Лёдником, разлетелись по сторонам, пытаясь уклониться от удара чекана, который мог бы, наверное, не только череп, но и стену пробить. Сабля Лёдника мелькала так, что казалась серебряным туманом, ее очертания расплывались. Но Ватмана он смог достать только раз, поцарапав ему щеку, чего гигант будто и не заметил. Вырвич начинал думать о серебряных пулях и осиновых колах, с которым следует ходить на оборотней. А тут еще Гиппоцентавр, встретившись с чеканом, отлетел в сторону, и лязг старой стали о камни показался школяру похоронным звоном. Лёдник сразу же закрыл бывшего господина:

– Отступай к Соломее!

Ни пистолета, ни ножа... Прантиш с отчаянием смотрел, как Лёдник шаг за шагом отступает назад под натиском Ватмана. Добраться до Гиппоцентавра, который наемник отшвырнул ногой далеко от входа? Соломея прижимала к сердцу маленький нож, береженный от досмотра, ее глаза горели решительностью и болью. Вырвич не сомневался, что она думает сделать, если ее муж погибнет. Школяр схватил свечу, которую Соломея, запалив, закрепила на левой полке, и вскочил на не перевернутый еще стол:

– Эй, самозванный барон!

Ватман бросил ленивый взгляд и злобно выругался: Прантиш держал над огнем свечи клубок Ивана Ренича. Конец веревки уже облизывало пламя.

– Ну что, останемся здесь все вместе? Как говорят – ни вашим, ни нашим!

Ватман опустил оружие, его широкое лицо искривилось ухмылкой.

– Напрасно я позволил вам пожить эти лишние минуты. Ты, значит, готов умереть, школяр?

– Настоящий шляхтич всегда готов к смерти! – выкрикнул Вырвич, и огонек поднялся по веревке выше. – Нормальная компания, святое место, хорошая драка... Умираем, панове!

Лёдник утер рукавом пот и кровь со лба, к которому прилипли спутанные темные волосы.

– Ватман, предлагаю договор... Без веревки ты не пройдешь лабиринт. Пусть женщина и хлопец выйдут отсюда живыми, а здесь останемся я, ты и рамфея. Положимся на Божий суд.

– Я тоже останусь! – выкрикнул Вырвич, не давая веревке разгораться, но держа клубок в опасной близости от огня.

Барон захохотал.

– Да мне все равно, в какой очередности вас убивать. Лабиринт – это серьезно, могу заблудиться... Но могу и выбраться, память у меня хорошая. Женщину я и так возьму себе живой, хочет она этого или нет. Опустит, опустит свой ножичек, моя красавица, а то порежешься!

– В обмен на меня ты тоже не оставишь в покое рамфею и их? – горько проговорила Соломея.

– Какой тут может быть торг? – нарочито оскорбленно проговорил Ватман. – Любовью не торгуют, моя пани, ее завоевывают! А ваше волшебное копье – это просто моя работа. Герман Ватман славится тем, что всегда выполняет поручения.

– Частью твоего задания было убить меня и Вырвича, как только найдем рамфею? – уточнил Лёдник, который стоял в обманчиво расслабленной позе, опустив саблю, но это был покой змеи, свернутой ленивыми кольцами, и готовой в любое мгновение броситься на врага черной молнией. Ватман по-шутовски развел руками.

– Работа есть работа, уважаемый.

– Соломея, ты слышишь? – неожиданно победно проговорил Лёдник. – Ты свободна от своего слова, милая!

Наймит презрительно хмыкнул:

– Ну что же, тогда шутки кончились. Готовься, доктор, первым будешь у смерти на блинах, тварь ты скользкая.

Но первым оказался окованный железными полосами фолиант, который Вырвич точно швырнул в голову наемника. Что-что, а швыряться школяр умел в совершенстве. Книжки легендарной Полоцкой библиотеки, эти вместилища высшей мудрости и морали, уважаемые и важные, летели, как самые лучшие снаряды, тем более, что запас их был солидный. Летел могучий «Codex Sinaitikus», отчаянно взмахивали пергаментными крыльями «Месяцеслов» и «Житие святой Февронии», со свистом прорезала воздух трогательная история о Тристане и Изольде... Ватман зарычал, кровь из рассеченной брови заливала его глаза оборотня. Сабля Лёдника ударила его в бок, правда, доктор сразу же сам получил чеканом по плечу и перекинул саблю из правой, онемелой от боли, руки в левую.

Вдруг послышался каменный скрежет.

– Хочешь выполнить свою работу, Ватман? – голос Соломеи послышался из противоположного конца помещения, у выхода, который снова был открыт. Женщина в одной руке держала фонарь, второй подымала кусок металла, перетянутый серебряной проволокой. – Прости меня, Господи! – и полезла в узкий ход. Ватман отбросил Лёдника одним ударом чекана, так, что тот ударился головой о полку, и побежал за Соломеей.

В помещении царил темнота, в которой угасало красное око поваленной свечи и догорал клубок Ивана Ренича. Школяр поднял свечу, которая, к счастью, разгорелась снова, и побежал к доктору. Лёдник лежал на полу ничком, у его левого виска натекала темная лужица.

– Бутрим... Слышишь, Бутрим, ты живой?

И понял, что спрашивает зря, оружие в руках Ватмана сбоев не давало. Школяр поставил свечу, дрожащими руками перевернул тело. Тело глубоко вздохнуло и сдержанно застонало.

– Живой!

– Частично.

Бутрим с трудом сел, потряс головой, утер с лица кровь.

– Успел вывернуться в последний момент. Я же тварь скользкая... Хотя пару ребер Герман мне сломал. Он где?

– Пошел за Соломеей.

Лёдник поднялся, опершись на саблю, постоял, опустив голову, чтобы разошелся туман.

– Бери факел... Идем! Быстрее!

В зале Надежды их ждало страшное зрелище. Соломея стояла на узкой дорожке, держа руку с рамфеей над пропастью. Перед ней, на расстоянии трех шагов, высился Ватман с саблей, которая тянулась к женщине как гадюка.

– Подойдешь – брошу вниз! – твердым, хотя и задыхающимся, голосом говорила Соломея. Лёдник также ступил на красноватые плиты.

– Ватман, угомонись! Давай договариваться – я же вижу, ты, может, впервые в жизни не хочешь убивать!

– Мало что не хочу, есть такое слово – надо! – мрачно проговорил Ватман. – А ты, доктор, просто как блоха: кажется, прижал ногтем, раздавил – и на тебе, дальше прыгает. Без рамфеи я отсюда не выйду! И вы не выйдете.

– Послушай, ну, представь, что будет, если эта реликвия окажется в руках даже такого мягкого человека, как князь Богинский... Разве есть магнат, который не воспользуется ею в пользу своего самолюбия? Снова свои начнут резать своих же, присоединятся чужие, сожгут города, вытопчут поля... – Лёдник говорил мягко, поучительно... Будто бы во время душевной беседы. И понемногу продвигался вперед.

– А тебе что до того, Фауст? – насмешливо спросил Ватман. – Кто ты такой? Недоделанный астролог, неудавшийся алхимик, недопеченный шляхтук? Давно ли тебя продавали как телка на рынке? Давно ли этот боевитый хлопец об тебя сапоги вытирал? И вдруг – государственные хлопоты. Ой, не верю. Это ты перед любушкой своей выделяешься. Будто не знаешь, что и без рамфеи здесь будут резать друг друга. А так хоть бы один более сильный властитель возникнет, вокруг которого объединится шляхта. И не двигайся дальше, я все вижу.

Лёдник прекратил свое продвижение по дорожке. Лицо у Ватмана было страшное, как на старинной иллюстрации к «Бестиарию». Ему тоже досталось: голова и лицо побитые книгами, на боку неглубокая, но все же рана, одежда потрепана клинками. Но он все еще был невероятно силен и ловок, казалось, об него можно только разбиться.

– Пан Ватман, я вызываю вас на дуэль! – выкрикнул Прантиш. – Вы негодяй и мужик! Если откажетесь – вам позор!

– Позором больше, позором меньше, а покойники не сплетничают, – безразлично промолвил Ватман, даже не оглянувшись, и подвинулся к Соломее.

– Милашка моя, отдай копье! Разве ты не боишься, что за такое вольное обращение со святой вещью Бог тебя покарает?

– Бог видит мои намерения! Не подходи! – проговорила Соломея и отступила дальше. Ясно было, что бой на этом мостике над пропастью, где двоим никак не разойтись – настоящая смерть. Вывич положил факел на край плиты, подошел к Лёднику, который застыл на тропе, тронул за плечо, зашептал:

– Ты ранен... А я смогу! Подскачу к нему со спины... Пропусти!

Ватман, не глядя, протянул в сторону доктора и школяра руку с чеканом, в то время как сабля в другой руке по-прежнему целилась в Соломею:

– Даже не думайте!

Школяру стало страшно: неужто Ватман еще имеет и звериный слух?

Соломея сделала еще шаг, отступая спиной к выходу... Ватман засунул за пояс чекан, сжал и разжал пробитую стилем руку... А дальше снова было, как во время ночной грозы, когда в свете частых молний успеваешь рассмотреть только отдельные изображения, которые не сразу складываются в единый сюжет. Наемник бросился к женщине, надеясь перехватить рамфею... Но пани Лёдник очень точным, можно сказать, отработанным движением дала ему ногой в то место, в которое мужчине получить удар страшнее всего. По крайней мере в этом беловолосый ничем не отличался от других представителей посполитого люда, которые в соответствии с законом носят порты, потому что завыл от боли и скорчился, а еще разъярился... А Соломея с криком «Прости, Господи!» разжала пальцы. Ватман устремился схватить рамфею – и получил от Прекрасной Дамы такого пинка в еще одно не самое приличное место, что полетел вслед за реликвией. Даже не вскрикнул. Вслед за ним упал фонарь... И почти сразу же упал факел, который Прантиш задел ногой.

Случилось то, чего они так в последнее время боялись: господство мрака. Страшного, всемогущего мрака подземелий.

Темнота... И тишина. Только слышались судорожные вздохи Соломеи.

– Залфейка, ты как? – тревожно спросил Лёдник тихим голосом, будто боялся, что на шум придут новые беловолосые, а, может, чернявые или лысые Минотавры, не такие снисходительные, как их недавний спутник.

– Живая. В отличие от... Огниво не потерял? Здесь рядом факелы.

– Подожди, сейчас я подойду... Точнее подползу. Вывич, а ты не думай трогаться с места, пока света не добудем!

Когда факел наконец запылал, странники увидели друг друга. Присутствие в мире живых, естественно, радовало. Внешний вид – не очень. По традиции особенно досталось Лёднику – видимо, у него действительно была такая планида.

Прежде, чем покинуть зал – теперь они выходили, как и следовало паломникам, с чистым сердцем, с пустыми руками – Соломея подошла к краю плиты и взгляделась в пропасть, в которой исчез Ватман.

Только поднявшись по ступеням в зал Веры и услышав, как за их спиной с грохотом и скрежетом опускается стена, они немного передохнули. Лёдник обессиленно лег на пол, пробормотав свое излюбленное «не понос, так золотуха». И Соломея снова занялась лечением мужа. Перетянула ему сломанные ребра полосой, оторванной от рубахи, пощупала плечо, на которое тоже обрушилось оружие Ватмана – здесь кости были целые, хотя синяк наливался огромный. Доктор заверил встревоженную жену, что выживет... Если, конечно, не получит от нее в будущем таких ударов по чувствительным местам, которые она, оказывается, так искусно умеет наносить.

Если бы у него голова и так не была разбита, Соломея показала бы, по какому еще слабому месту умеет лупить неделикатных мужчин. Потому что убийство – не самая легкая ноша для души, не привычной купаться в крови. Тут не до шуточек.

Они втроем сидели на каменном полу, смотрели на фреску с изображением Страшного Суда, в полумраке казалось, что изображения шевелятся, и глаза Великого Судьи заглядывают просто в душу... И Прантишу не хотелось даже думать, что делать дальше. Потому, что выхода особенно и не виделось.

– Доктор, а клубок сгорел...

– Неважно, – пробормотал Лёдник, который пристроил побитую голову на колени Соломеи и теперь млел от прикосновений ее прохладных пальцев к своему ученому лбу. – Я дорогу помню, не труднее, чем запомнить расположение созвездий. Но вот стоит ли нам ею возвращаться?

Прантиш не знал, что ответить. Он смотрел на изображения грешников, которые шли в огненное море, хотя, наверное, каждый из них при жизни совсем не надеялся на такой приговор, а кто-то и не задумывался о судьбе своей бессмертной души. А, может, были и такие жалкие чудачки, которые горделиво отрицали наличие той самой души, «бестелесной субстанции», придумывая «животный магнетизм» или «всемирную механику». И вот вам – ангел с огненным мечом... И не убежать, и не приостановиться.

И не получит теперь Полонея Богинская из рук своего верного рыцаря Прантиша Вырвича рамфею, и не станет сестрой короля, благословленного самим Небом...

Но святыня осталась в Полоцке. Навсегда...

– Нужно идти, пока не догорели последние факелы и свечи. У нас же нет таких глаз, как у Ватмана... – пробормотал Лёдник. – И воды нет... И еды...

– Куда же нам идти? – тихо проговорила Соломея. – Разве поискать другие выходы из лабиринта? Но около всех храмов люди князя. Нет для нас места на земле...

– Ага, осталось есть крыс, приучать глаза к темноте и здесь поселиться, – сердито промолвил Вырвич. – Шляхтич не должен ничего бояться! Даже когда проиграл бой, а самому не удалось погибнуть с честью на поле, убежать – позор. Нужно явиться к своему хорунжему или самому гетману и с достоинством принять наказание. И, если тебе оставят жизнь, идти в новый бой.

Вырвич вскочил на ноги, растрепал русый чуб и победно улыбнулся. Гиппоцентавр с нами!

– Что вы киснете, как тесто в квашне? Пани Соломея обещала рамфею в обмен на жизни меня и Лёдника? Богинский первым нарушил слово, приказав Ватману убить нас. Значит, хоть не выполнили свою часть договора, позора на нас нет. Рамфеи не будет у Богинского – но ее не будет и ни у кого из его соперников, пусть этим удовлетворится. Надеюсь, он сдержит хотя бы слово, что не будет трогать пани Лёдник.

– Не называйте меня пани, пан Вырвич, – тихо промолвила Соломея. Ариадна, которая без помощи Тезея завалила Минотавра, и ее синие глаза казались огромными, как рисуют на иконах. – Вы – пан... Вас вырастили благородным и бесстрашным воином. А мы – полоцкие мещане. Патент на шляхетство – это просто игра... Которую никто всерьез не принял.

Лёдник нежно поцеловал узкую ладонь жены.

– Во Франции любят ставить пьесу Мольера, которая называется «Мещанин во дворянстве». Там такой купец, Журден, человек неплохой, очень богатый, но соблазненный славой: ему хочется иметь герб и приставку к фамилии. Но он только выставляет себя на смех, пробуя вести себя «благородно». Высокий род бумагой не дается. Вы сказали правильно, пан Вырвич. Мы не крысы подземельные, чтобы бесконечно прятаться. Мы вернемся. Расскажем все, как было. И пусть решает Господь.

– Знаешь, Лёдник, – твердо промолвил Вырвич, – рассказывать буду я. То, что нужно рассказать. А ты лучше помолчи. Одно дело – идти навстречу смерти, другое – заниматься самоубийством. Уловил?

Прантиш сам не заметил, как снова заговорил голосом господина с бесправным слугой. Но Лёдник только пробормотал что-то типа «Бог не Тимошка, видит немножко...» и сокрушенно застонал:

– Е-мое... А книги какие бросаем, Залфейка! Ты видела – Полоцкая летопись! Кирилл и Мефодий! Хоть бы что прихватить... Если вдруг выживу – не прощу себе...

Соломея также тяжело вздохнула, но промолчала – ясное дело, не до книг сейчас.

И подземелья молчали, получив жертву и храня свои тайны. А Вырвич не мог сдержать улыбки, когда подумал, какую кощунственную картину увидят их последователи – кладоискатели в комнате мудрости, которую они сегодня так расколошматили.

Глава шестнадцатая

Как Соломея и Полонья подземелья взорвали

В старинных рукописях иногда можно увидеть удивительную тварь: верхняя половина туловища – настоящий рыцарь, в доспехах, со щитом. В руке вместо меча – плеть. Голова – петушиная, вместо ног – два змеиных туловища.

Тяжело представить жизнь этого нескладного существа. Но название оно имеет звучное: Абракасас. Не хуже, чем Гиппоцентавр. Петух встречает солнце, объявляет начало дня и конец господства темных сил. Щит обороняет от соблазнов, плеть – наоборот, дает соблазн власти. А две змеи так и метят разползтись, вернуться в привычный мрак и тлен.

Все есть в душе человеческой, которую символизирует Абракасас. И искатели рамфеи с трудом преодолевали стремление своей «змеиной» составляющей спрятаться, не выползая на губительное солнце, к которому, однако, также не могли не тянуться.

Первая, кого увидел Прантиш, подымаясь по приставным лестницам в погреб Лейбы, была Полонья Богинская, которая даже вскрикнула от удивления, увидев Вырвича. Как могла бы исполниться мечта! Все декорации готовы... Но...

– Ни слова о рамфее! – быстро и тревожно прошептала Полонья, встала. Прозвучал ее звонкий голос:

– Они уже здесь! Сейчас сами увидите – никакой тайны нет. Просто смелые мужчины спасали женщину, которая по неосторожности упала в погреб соседа.

Бутрим, Соломея и Вырвич шурили глаза на морозном солнце, будто ночные птицы. Солнце бросало скупые горсти лучей на черепичные, гонтовые или просто крытые соломой и аиром крыши славного города Полоцка, жителям которого, по правде говоря, все подземные ужасы казались куда как менее страшными и интересными, чем головные боли их повседневной жизни, с податями подымной, поголовной, военной, чоповой, почтовой, на соль, на дороги, с расквартированием войска и делегатов сеймов и сеймиков, да еще с бесконечными шляхетскими разборками и нападениями чужаков...

Князь Богинский с грустной физиономией посматривал куда-то в серо-голубое, как модный камзол, белорусское небо, передоверив объяснения своим сестрам. А объяснять было нужно. Потому что рядом стоял полоцкий воевода Александр Сапега, на этот раз не в парике и камзоле, а в старинном сарматском наряде – парчовый жупан, красный кунтуш аглицкого сукна с золотыми галунами, шапка с аграфом – и даже притопывал от гнева красными сапогами по тонкому снежному покрову. Еще один заметный персонаж сцены, седоусый могучий шляхтич в горностаевой дилее поверх золотого жупана, с булавой на боку, еще больше усложнял расстановку сил, потому что это был сам великий гетман Михал Казимир Радзивилл по прозвищу «Рыбонька». Естественно, каждый из магнатов был не сам-один, хотя пока и без войска и большой свиты. Эдакий частный сейм на заднем дворе полоцкого аптекаря.

– Где рамфея, уважаемые покойники? – Александр Сапега сжал руку на эфесе сабли так, что пальцы побелели, и, возможно, был на волосок от того, чтоб сделать Соломею, Ледника да Вырвича покойниками не фальшивыми, а настоящими.

– Нет никакой рамфеи, ваша княжеская милость! – злобно пояснила Алена из Богинских, которая стояла за плечом брата, будто готовясь подпереть его, как неколебимая колонна. – Эта девица ввалилась в погреб, попала в старые подземелья. Вы что, видите здесь какие-нибудь сокровища?

– Не дурите мне голову, ваша мось, – отрезал Сапега. – Мы все знаем, за чем вы послали эту женщину. Но вы не имеете права забирать святыню себе!

– Почему это не имеем права, ваша мосьт? – ядовитым голосом спросила пани Алена. – Наш род не хуже вашего!

– Пане-брате, – густым властным голосом выговорил Радзивилл. – И сестры... – он бросил насмешливый взгляд на княгиню. – Давайте не будем выяснять, чей род более могуч. Мы явились на мирные переговоры. Мы хотим узнать правду... Есть ли в Полоцке копьё Оттона, и, если есть, в чьих руках ему надлежит находиться.

– Известно, в чьих – в руках святого костела! – вежливо объявил улыбчивый пан в черном наряде, ректор иезуитского коллегиума, который, похоже, владел способностью непрямо присутствовать там, где нужно, как и надлежало представителю знаменитого шпионского ордена. – Мы должны передать святыню в Рим.

– Пусть будет позволено и мне подать голос, ваши милости, но рамфея была от начала передана православному храму! – вмешался худощавый немолодой шляхтич из свиты Казимира Рыбоньки, его глаза даже горели праведным гневом. – Ее должны хранить православные литвины! Хватит отбирать у нас последнее!

Будто чтобы остудить горячие головы, ударили колокола – на Софии, в Богоявленском храме, на звоннице храма святого Стефана... Люди начали креститься, шептать молитвы. Лица немного смягчились.

– Панове, вы делите шкуру волка, который еще спокойно воеет на луну, – промолвил Радзивилл. – Мои братья, Мартин и Героним, сдвинутые на чудесах и духах, могут сколько угодно в них верить... Чудеса – это на театральной сцене, о них моя жена-покойница пьески писала. А мне доложили, что копьё Оттона, оно же – копьё святого Маврикия, спокойно хранится себе в Вене, никто в его подлинности не сомневается, и охраняют его австрияки так, что только войной добыть. Где ваша... рамфея? Это вы той банде поручили ее добывать? Которая Слуцк волшебством едва по камешку не разнесла, если верить моему брату? Женщине-то хоть юбку наденьте, ей-Богу, срамотища!

Вот теперь все взгляды нацелились на выходцев из подземелий, грязных и побитых, как после баталии. Вырвич положил руку на эфес Гиппоцентавра, шагнул вперед, опустился на колени и с чувством промолвил:

– Ваши мости, панове, надеемся на милосердие Ваших великодушных сердец и Божью милость. Даю шляхетское слово, что мы не вынесли из подземелий никакой святыни, только наши грешные души, которые Господь позволил нам сберечь в страшных испытаниях...

– Я же сказал – у них нет рамфеи! – обиженно заявил Михал Богинский, даже на крик сорвался. – Нет никакой рамфеи!

– Вот она, мой князь! – послышался вдруг громкий хриловатый голос, и из погреба вывалилась, пошатнувшись, огромная устрашающая фигура.

– Хол-лера... – пробормотал Лёдник и покосился на жену, которая закрыла лицо руками.

Но это была не холера. А в этих обстоятельствах гораздо худшее явление. Прантиш вскочил на ноги и схватился за Гиппоцентавра. Иезуит начал вслух читать молитву против нечистого духа. А окровавленный и грязный пришелец, который с довольной улыбкой на побитом лице протягивал хозяину железный наконечник копья, обвел бездонными глазами, которые понемногу начали привыкать к дневному свету, пейзаж с фигурами, оценил стратегическую обстановку, перестал улыбаться и смог вымолвить только одно слово, удивительно созвучное выводу доктора:

– Холера.

Сапега разъярился:

– Ну, что, будете, ваши милости, мне еще в глаза пыль пускать?

Ватман держал рамфею в руке, будто она была бомбой с запаленным фитилем, вот только в какую сторону ее бросить?

Соломея бросилась вперед, оттолкнув мужа, упала на колени, перекрестилась:

– Ваши мости, эта святая вещь столетиями охраняла нашу землю! Она не должна покидать своего места! Подумайте, ваши милости, призываю именем Господа нашего Иисуса Христа, нельзя из-за такой святыни совершать грех братоубийства и честолюбия! Пусть она продолжает храниться в Полоцке! А чтобы реликвия не попала во вражеские руки, позвольте, мы вернем ее на место и закроем путь так, что никто больше не отыщет!

Радзивилл задумчиво погладил седые усы:

– Что-то в этом есть, рыбонька... Ни вашим, ни нашим, но родной земле...

– Рамфею принес наш слуга! Значит, она наша! – крикнула Алена Богинская, толкнув брата в спину. Тот нахмурился.

– Действительно, давай ее сюда, Ватман!

– Ни с места! – крикнул Сапега. – Ваша мость коварно обманул меня, забрав эту женщину, которую я спас от несправедливого суда его милости, брата великого гетмана, да еще ваша мость подделал следы, будто она выбросилась из окна в реку и утонула. И вообще, его мость князь Богинский сейчас должен быть, кажется, в Цюрихе? Музицированию учиться, не так ли? Раз тайно вернулся, значит, готовит заговор. Я требую, чтобы князь Богинский передал рамфею мне!

Двое здоровенных паюков, которые стояли за спиной воеводы, наполовину вытащили сабли.

– Я тоже могу припомнить, что эта женщина была арестована солдатами моего брата за искалечение его слуги, и предъявить свои права на рамфею, – грозно крикнул Радзивилл, и все умолкли. – Ваше счастье, что у Геронима почки прихватило. Так что ему сейчас до короны не дотянуться, даже если бы ее и за аршин от него положили. А то здесь бы уже шестоперы краковяк по головам выстукивали, да пушки гавкали. Тайна, тайна... Если бы не верный судья Юдицкий, который узнал, что один из этой банды жив, мы бы и не знали о ваших заговорах. Но ведь узнали! А вдруг дойдет и до короля? Его королевская милость тоже не будет против завладения таким трофеем. А если до Вены дойдет? Тогда – где рамфея очутится?

– Может быть, Божьи судом все решить? – предложила пани Алена. – Каждый из претендентов выставит бойца...

– А вы, конечно, своего Ватмана! – злобно промолвил Сапега. – Он хоть и потрепанный сейчас, но уложит любого. Несправедливо.

Ватман не стал более радостным от известия, что его могут выставить на дуэль.

Солнце скрылось за силуэтом Софии, и храм казался кораблем с двумя мачтами, на который мог сесть любой, но удосужились прийти только единицы, вот они сейчас и отплывут вслед за солнцем в мир света, а здесь останутся грешники смаковать мгновения смерти. Абракаса рвался в разные стороны своей противоречивой натуры, кукарекал, шипел, и хлестал, и никто не знал, чем это закончится.

Сейм перенесли с улицы в опустелый дом Ивана Ренича. Чтобы не было споров с рамфеей, ее доверили хранить Соломее, потомственной хранительнице. Святыню положили в самую красивую шкатулку, которую смогли найти, из красного резного дерева, безразлично вытряхнув из нее чьи-то бусы и сигнеты. Естественно, что пани Лёдник охранял целый набор жолнеров – от каждой партии.

Пока магнаты занимались стратегическими делами, точнее, кричали друг на друга за закрытыми дверями, Ватман утомленно присел на скамью, прикладывая к ране на боку хлеб с плесенью, самое лучшее средство для заживления. Лёдник так просто, обессиленный, улегся на пол, и Соломея лечила его раны таким же хлебом, стараясь не смотреть на беловолосого мужчину, которого почти убила. А Вырвич вертел в руках платочек Полонейки, будто раздумывая, и краем глаза следил, замечает ли это хозяйка платочка, которая была тут же. Шкатулка красного дерева стояла на столике под распятием, в углу. Три жолнера на карауле с интересом поглядывали на нее, гадая, что за ценности там могут находиться.

– Ты говорил, Герман, я живучий... Куда мне до тебя! – нарушил упорное молчание Лёдник, не открывая глаз. Ватман ощерил зубы в улыбке.

– Чтобы я позволил убить себя бабе? Скорее Вавель в землю провалится.

– Да как же ты выбрался? – искренно поинтересовался Вырвич, увидев, что Ватман пока не собирается бросаться на них, чтобы добить.

– А как два пальца в рот сунуть, – наемник зевнул и удобней вытянул ноги – скамья была для него слишком низкой. – Бездна оказалась не такой... бездонной. Когда за вами закрылась дверь, плита, на которой я лежал, поднялась. Лежал, лежал, очухался... Смотрю – и рамфея здесь же. Вот только милашки моей нет.

Соломея вздрогнула, но на Ватмана глаз не подняла.

Лёдник вежливо спросил:

– А горло мне будешь перерезать?

– Снова прикажут – перережу.

Полоня, которая будто была поглощена разговором со своей confidentкой Ганулей, прерывисто вздохнула и виновато взглянула на Вырвича. Значит, все-таки знала, что в подземелье они отправлялись на смерть. Что же, кто такой для нее бедный шляхтич... Прантиш незаметно скомкал платочек и спрятал в карман.

В комнату вбежал улан, весь взмокший, с вытаращенными светлыми глазами, не обращая внимания на охрану, застучал в дверь, за которой бурлило высокое собрание.

– Ваша мость великий гетман! Московиты в городе! Сотни три! Во главе с Алексеем Мельгуновым! Зашли с королевским разрешением на постой!

Магнаты выскочили из комнаты, на ходу вытаскивая сабли.

Сапега повернулся к Богинскому.

– Ты разрешение добыл, ты о рамфее донес, ваша мость? Не иначе, дружку Репнину рассказал?

Богинский побагровел от гнева.

– Поосторожней со словами, пане-брате. Я доносчиком никогда не был.

Княгиня Алена, единственная женщина тайной рады, злобно дернула брата за рукав:

– Намекнул, видимо, что имеешь чем заинтересовать будущую царицу... Или ей самой писульку послал, чтобы утешить? Святой Антоний, помоги сохранить разум...

Пани, видимо, собиралась сказать что-то еще более резкое, но сдержалась, вспомнив, что у разговора есть нежелательные и опасные свидетели. Иезуит тихо испарился, будто его здесь и не было. Радзивилл отрывисто спросил у воеводы полоцкого:

– Ваша мость, сколько здесь имеее воинов?

Сапега злобно блеснул серыми глазами.

– Сто гусаров королевской хоругви... Да моих людей тридцать. Я же не воевать ехал...

Радзивилл нахмурился.

– У меня всего двадцать янычаров. Хотел сохранить в тайне свою поездку сюда... В карете без герба ехал. Пока войско сюда пригонишь...

– У меня здесь сотня человек, – признался Богинский. – По городу, по окрестностям разбросаны небольшими отрядами. Но я не собираюсь воевать против московитов. Пане-брате, не будем горячиться. В конце концов, мы же не знаем целей Алексея Мельгунова! Он при дворе никакого влияния не имеет – он из ближнего круга наследника, Петра Федоровича. Я просто не понимаю, что он здесь делает...

– Приближенный Петра? – мрачно воскликнул Радзивилл. – Принца, влюбленного во Фридриха, которому русские недавно пятки поджарили? Вот вам еще один претендент на реликвию, панове – Петр Федорович. Не знаю, для себя или для прусского друга старается.

– Это совсем плохо... – пробормотал Богинский, до которого как будто лишь сейчас дошла серьезность ситуации. – Если Петр перехватил записку к Екатерине... Ее точно сошлют!

– О себе думай! – злобно прошипела княгиня Алена. – Тебе, ваша мось, что-то объяснять – как звезд небу прибавлять.

– Значит, так... – великий гетман взвешивал в руке булаву. – Девицу со шкатулкой – в ту комнату... И защищать, как собственное сердце! Запас пороха сюда, пистолетов... Ну что, пане-брате, не первый раз на поле боя!

Ватман лениво встал, расправил плечи и подошел к господину:

– Что прикажет ваша милость?

Богинский только в отчаянии отмахнулся:

– Что теперь прикажешь? Драться будем! Вылез же ты не вовремя... И этих выпустил. Полонейка ждала, чтобы тебя предупредить, а тут они... Эх... Я так и думал, что плохо окончится.

Лёдник успел крепко поцеловать жену и вышел, наклоняясь на больной бок. А Полонейка приблизилась к Вырвичу, который почтительно склонился перед магнаткой.

– Пан Вырвич... Это вам.

Прантиш поднял глаза: Полонейка протягивала ему красивый кинжал, такого он никогда не держал в руках – персидской работы, с тонкой чеканкой на позолоченных ножнах, украшенный изумрудами. А на рукоятке – большой диамант. Прантиш вытащил из ножен клинок: он засиял, как зеркало.

– Это чтобы пан Вырвич и дальше мог себя защитить наилучшим образом! – с легкой, не обидной насмешкой промолвила Полонейка и быстренько сбежала, не ожидая галантной благодарности. Прантиш догадался, что это было такое извинение за предательство Богинских. Ватман, который наблюдал эту сцену, выразительно хмыкнул, но Вырвич не обратил внимания на уцелевшего наемника. В душе школяра играл целый оркестр, как в Слуцком театре. Храбрый пан Вырвич побывал в сердце Полоцка, он прошел, как Тезей, ужасный лабиринт, его дождалась Прекрасная Дама... А сейчас осталось добыть славу на поле боя!

Кто-то из янычаров Радзивилла запел старинную рыцарскую молитву святому Юрию, которую обычно пели перед битвой:

Зброя вапалчаецца, мечэве абнажаюцца,
Агонь прэціць, кола дзярзаець.
Скары агнём ізвараемы суць,
Усё воінства ўва подзвігу ёсць...¹⁶

И бой начался.

Российский отряд не ждал сопротивления. Как доносили Мельгунову шпики, добывать реликвию будут всего несколько человек, тайно, не привлекая внимания. Задача была – не дать никому надолго задержать ее в руках, а то владелец еще приобретет небывалую мощь и небесную поддержку. Поэтому посланцы Петра и спешили, не ждали. А что у входа в подземелье будет не только Богинский, но даже и великий гетман, никто, даже сам Богинский, не предвидел.

Мостовая Полоцка не впервые была залита кровью – будто смерть надеялась, что, поливая камни, она вырастит себе преданное войско. Но зачем ей войско? Люди и так служат смерти, упорно отбирая жизни друг у друга. Металл стучал о металл, будто выбивал ужасный ритм смертельных танцев. Особенно страшно получалось, что мостовую застлало тонкое покрывало снега, и кровь просто кричала на белом фоне.

¹⁶ Оружие ополчается, мечи обнажаются, / Огонь претит, коло дерзает. / Скори огнем изваряемый суть, Все воинство в подвиге есть... (старобел.)

В битве не было магната и посконника – были воины. Прантиш видел, как обычно мечтательный, вялый князь Михал Богинский сражается с двумя пришельцами, и его лицо такое же сосредоточенное и жесткое, как у них. Как старый гетман валит врагов палашом – спокойно, аккуратно, будто хозяин выполняет привычный свой труд. А шустрый Сапега умудряется махать саблей и одновременно отстреливаться из пистолета. Там, где проходил Ватман, возникала дорога. А за Лёдником, который еще недавно еле мог стоять, Прантиш просто не успевал следить – знал только, что в минуту смертельной опасности тот скорее всего очутится рядом. Так и случилось – Лёдник выросстал за спиной Прантиша, и рядом валился чужой солдат, и доктор успевал еще выкрикнуть какое-то важное поучение...

Русские тоже не были трусами. Смерть все расширяла свой хоровод, хотя за что здесь дрались и умирали, знало всего несколько человек. А мещане просто закрылись в домах и молились Господу... Им не привыкать: что ни сеймик, то побоище. Что ни суд, кровавая ссора.

Через некоторое время Вырвич больше не ощущал себя как на празднике. По правде, он только сейчас понял, что война – это действительно тяжелый труд, который нужно выполнять очень старательно и терпеливо. Мирясь с тем, что не каждый твой геройский поступок будет замечен и оценен – не театр, панове. Но, кажется, пока не дал промашку... Живой. Только русский чуб срезан чужой саблей. Да никак не избавиться от того мерзкого чувства, пережитого, когда загнал подаренный Полонеей кинжал в бок усатому казаку, который и срезал Прантишу чуб. Биение чужой крови будто передалось на какое-то мгновение через клинок, Вырвич и убитый им человек стали одним существом... А потом глаза казака угасли, из них исчезла душа. Страшно видеть так близко, глаза в глаза, как покидает тело душа.

Вырвич опустил Гиппоцентавр, который стал вдруг невероятно тяжелым, утер шапкой вспотевшее лицо и попробовал отдышаться. Как там учил Лёдник... Контроль... А где, кстати, Лёдник?

– Гетман в опасности! – закричали рядом. Прантиш осмотрелся: на той стороне площади возникла какая-то куча... Туда уже кто-то бежал, припустил и Прантиш с Гиппоцентавром... Но пока приблизился, куча распалась. Казимир Радзивилл пробовал подняться с мостовой, снег вокруг него был весь красный. Великого гетмана заслонял собой сын полоцкого скорняка и дважды доктор, еле удерживая обеими руками саблю. А вокруг лежали несколько радзивилловских янычаров, их белые суконные жупаны щедро окрасились багровым цветом.

– Ваша мость, куда вас ранили?

К Радзивиллу бежали, подымали, спасали... Прантиш подхватил Лёдника, который уже валился с ног, помог ему опуститься на мостовую. Доктор, и без того не смуглый, сейчас был белый, как новая бумага, и весь в крови. «Ничего, он живучий...» – крутилось в голове у Прантиша.

– Да отцепитесь, я нормально... Вон тому парню помогите, – это рывкнул гетман, и к Лёднику сразу повернулись, побежали, начали перевязывать раны.

Вдруг раздался страшный свист и конский топот. Всадники с крыльями за спиной, в которых с жутким воем бился ветер, в оперенных шлемах, пронесли по брусчатке, как призраки.

– Ваша мость, гусары появились! – обрадованно крикнул кто-то. – Московиты бегут!

Теперь кровь на снегу казалась черной. Да и потоптали в основном тот снег, обнажив брусчатку, а с камней – что взять? Сколько по ним прошло уже прохожих, проехало колес, сколько на них умерло народу, не покинув следа. И следующие поколения будут ходить по этой мостовой, не подозревая, что проходят по месту чьей-то смерти.

Казимир Радзивилл Рыбонька подошел к Лёднику, тот с помощью Прантиша кое-как поднялся.

– Назовись, кто таков, – властно приказал гетман.

– Балтромей Лёдник, доктор, сын полоцкого мещанина Гаврилы Лёдника, – прохрипел тот.

– Значит, не шляхтич... – задумчиво промолвил гетман.

– Ваша мость, ему дали патент на шляхетство! Его милость князь Богинский... – влез Прантиш. Гетман перевел на школяра тяжелый взгляд.

– Патенты эти – тьфу, стыдоба! Ничего они не значат. Я бы таких новых шляхтичей в балаган отправлял, вместо медведей. А ты кто есть?

– Прантиш Вырвич из Подневодья, герба Гиппоцентавр! – Прантиш подпер плечом Лёдника, который так и метил свалиться, а сейчас это было несвоевременно.

– Оба чернокнижники? – с мрачной насмешкой спросил Радзивилл.

– Это навет, ваша мость! – горячо заверил Прантиш. – Мы оба хорошие христиане, доктор даже отказался гороскопы составлять, чтобы гаданием не грешить! Ну, скажи, что так, Бутрим!

Вокруг начали собираться уцелевшие люди, кто-то кричал «Виват!», «Победа!»

Гетман достал из ножен свой палаш и обратился к доктору:

– Значит так, рыбонька. Патент свой можешь порвать и выбросить, чести он тебе не даст. Потому что нобилитацию может осуществить либо Трибунал, либо великий гетман на поле битвы за выдающийся подвиг. Вот второй прецедент и имеем перед собой. Так, панове?

Вокруг одобрительно загудели.

– Вы все видели, как этот воин спас жизнь великого гетмана, и как дрался, не жалея себя, с чрезвычайным мастерством и мужеством. Давай, рыбонька, становись на колени...

Лёдник упал на колени, не от того, что спешил выполнить приказ, а от слабости. Гетман ударил его палашом по плечу:

– Посвящаю тебя, Бутрим Лёдник, в рыцари... Да поддержите кто-нибудь парня, чтобы не брякнулся. Пояс подайте... Обвяжите его. Возьми эту саблю, целуй и клянись, что будешь до кончины служить своей Родине, своему королю и своему пану, и без сожаления отдашь жизнь за Отчизну. Дарю тебе и твоим потомкам деревню Корабли, и владеть тебе и твоим потомкам отныне гербом «Кораб»... И еще тысячу дукатов даю на хозяйство. Дарственную подготовьте уважаемому пану...

Прантиш не столько следил за обрядом, сколько смотрел, чтобы доктор не упал, испортив торжество. Но доктор выдержал все до того момента, когда шляхта начала кричать: «Виват пану Лёднику!» Вот тогда он и приложился щекой к полоцкой брусчатке. Гетман удовлетворенно пригладил усы:

– Отважный боец! Как саблей владеет! Никогда такого не видел. Ну, если помрет – то похороним, как шляхтича.

И двинулся дальше.

Прантиш позвал двух янычаров, доктора положили на чей-то плащ и понесли к дому Реничей. Место нашлось в переплетной мастерской, которая была рядом с домом. Здесь тоже побывали солдаты, о чем свидетельствовал истоптанный пол и перевернутые верстаки.

Беспамятного Лёдника положили на скамью. Прантиш послал какого-то почтового по воду, и когда тот принес ведро, обтер лицо раненого мокрой тряпкой. Доктор вздохнул, открыл налитые кровью глаза.

– Воды...

Напившись, доктор нашел в себе силы приподняться и осмотреть помещение.

– Где Соломея? Где все?

– О пани Лёдник не знаю. А все – там, на улице, слышишь, ревут, вино пьют в честь виктории. Ты хоть помнишь, что ты теперь не только дважды доктор, но и дважды шляхтич? И теперь твое шляхетство никто не оспорит! К тому же, ты богаче меня на целую деревню. Счастливый конец, пан Лёдник!

На улице действительно ревели победные песни:

Гой-гой, вайна рыхла, покуль сціхла,

Распачаці святкаваці!
Келіх пенна піва,
Піва яно жыва!
Гой-гой, ад суседа няхай беда,
Выпі ныне – хвора згіне,
Ліся, піва, ныне
У шчаслівай гадзіне!¹⁷

Дважды шляхтич снова в изнеможении улегся.

– Это только начало, парень. Ничего еще не окончено, и будет еще хуже, пока...

Вдруг дом содрогнулся... Да что там – мир содрогнулся, и что еще не попадало с полка – то упало. Прантиш бросился к окну, но через маленькие слюдяные стеклышки ничего не было видно. Пушки, что ли? Лёдник сел:

– Рвануло под землей... Там, где погреб... Помоги, надо посмотреть!

На улице творилось черт-те что. Снова слышались крики магнатов, особенно выразительно – тонкий голос Александра Сапеги, который будто возмущенно хлестал воздух:

– Воры! Где рамфея?

Прантиш схватил за полу радзивилловского адъютанта, юношу с красноватым носом и пышными светлыми усами, который, наверное же, был не последний выпивоха на знаменитых несвижских балах:

– Пане-брате, что случилось?

Тот махнул рукой:

– Да паны заперли в комнате какую-то девицу, а она исчезла, да еще украла что-то. Вот теперь ищут.

Прантиш и Лёдник поковыляли к погребу, который скрывал вход в подземелья. В окне дома Лейбы мерцала свеча, и Прантиш представил, как старый аптекарь за последний день натерпелся страху, и что он переживает теперь, не зная, может, пора удирать, или уже удирать бесполезно. Перед погребом снова собрались магнаты, которые подозрительно посматривали один на одного. И отец иезуит снова был тут как тут. Рядом с ним взмахивала руками закутанная в меха княгиня Алена из Богинских, и даже Герман Ватман стоял себе скалой, отхлебывая из огромного кубка вино.

– Наверное, сначала надо найти женщину, – мягко подсказал иезуит. – Наверяд ли она могла уйти далеко.

Но женщину не нужно было искать, потому что она выскочила из погреба. И не одна – за ней бежала Полонья Богинская. Обе перепачканные, и кричали самым недостойным для благородных дам образом:

– Бегите! Сейчас рванет!

И действительно рвануло. И хорошенько так. На месте погреба осталась ямища.

Богинский подскочил к Полонье, схватил за руку:

– Где рамфея?

Девушка вырвалась:

– Ах, пане-брате. Случилась такое ужасное приключение, страшное несчастье... Я не пошла с сестрицей прятаться в монастырь, так как потерялась дорогой, и попросилась в комнату к этой пани. И вдруг начали ломиться в окно казаки. Мы давай стрелять в них, отогнали, но были уверены, что к нам снова полезут... И решили спрятать рамфею в самом надежном месте.

¹⁷ Гой-гой, война скоро, пока утихла, / Так начнем праздновать! / Бокал пива пенится, / Пиво – оно жизнь! Гой-гой, от соседа пусть беда, / Выпей ныне – в хвори сгинет, / Лейся, пиво, сейчас / В счастливый час. (бел.)

– Это где? – подозрительно спросил Александр Сапега, который внимательно прислушивался к рассказу.

– Там, где она и была несколько столетий! – твердо сказала Соломея Лёдник.

– Ах ты... – Сапега даже кулаками затряс. – Додумались, куры безмозглые!

– Осторожно, пане-брате. Ты говоришь о моей сестре, – злобно напомнил Богинский и снова перевел глаза на перепачканное личико с голубыми и такими невинными глазами: – А взорвалось что?

– Ах, ваша княжеская мось, мой великодушный брат, это и есть несчастный случай! В нашей комнате оставили бочонки с порохом... Вот мы и надумали спрятать их тоже. Чтобы казаки не забрали да чего не натворили... – Полонейка доверчиво хлопнула ресницами – ай, какая наивная, но хорошая девочка перед вами... Разве она могла предвидеть, что случится?

– Ясно. Рамфея в подземельях, а подземелья обвалились, – с мрачной улыбкой высказался Радзивилл. – Обвалились как, рыбонька, хорошо? Разобрать нельзя?

– Ой, хорошо обвалились, ваша княжеская милость, великий гетман! – заверила нежным голосом Полонейка Богинская. – Никакой человеческой возможности разобрать завалы нет!

Гетман пригладил седые усы, посмотрел на изящное, величественное лицо Соломеи, на лукавое личико младшей Богинской, хмыкнул:

– Это ты, ваша мось, Чарторыйскую на дуэль вызвала?

– Каюсь, ваша мось пан великий гетман, стыдно мне за такое неприличное поведение, – скромно опустила глаза Полонейка.

– Чтоб я так вино пить стыдился... – проворчал гетман. – А ты, пани, покалечила паюка моего брата?

– Я только глаза ему содой промыла, ваша мось, присягаю своей вечной жизнью! – промолвила своим глубоким низковатым голосом Соломея.

Вокруг начался шум, звучали предложения вроде дать глупым бабам плетей и сейчас же начать разбирать завал. Но великий гетман рявкнул голосом, которым привык отдавать команды на поле боя, перекрывая любой шум:

– А ну, тихо! Хотели Божьей воли? Вот вам Божья воля! Рамфея останется там, где и была. И куда люди этой земли не поумнеют, там, наверное, и останется. Все, по домам!

Бросил на прощание Полонейке:

– Желаю тебе хорошего мужа, рыбонька! Чтобы смог тебя взнудать.

Остановился взглядом на Соломее:

– Эх, был бы я помоложе... Буду проезжать мимо вашего имения – заеду, пани Лёдник.

И пошел вместе со своею свитой. Сапега злобно пробормотал на прощание:

– Сколько денег... Хлопот... Сколько крови пролилось... И все на комариный писк сошло. Фемины... Нельзя на них полагаться... – и горько вздохнул, вспомнив, очевидно, жену, которая дарила свои милости молодому Брюлю, да так и не выменяла на них для мужа булавы польного гетмана.

А Богинский не захотел даже слушать сетования старшей сестры и заявил, что политика – ничто в сравнении с музыкой, и его изобретение педали для арфы является намного более важным для истории, чем все сестрины интриги. Лучше он мануфактуру с машинами профинансирует с помощью своего нового наемника, ученого немца.

Ватман же, прихрамывая, подошел к Лёдникам и Вывичу, допил вино, швырнул пустой кубок за спину:

– Плохим я был школяром, не лучше, чем ты, щегол... Но запомнил, как нам рассказывали, что когда победоносного военачальника провозили с триумфом по улицам Рима, за его спиной стоял человек, который шептал ему: «И это проходит», и другие гадости. Я всегда буду за твоей спиной, доктор... А хорошо все-таки, что я не перерезал тебе горло, а?

Соломея обнимала Лёдника и плакала – от жалости и облегчения. Радзивилловский адъютант подбежал, сунул доктору дарственную на имение и грамоту на шляхетство, вежливо распрощался с паном-братом. Второй шляхтич, проходя, стукнул доктора по плечу, от чего тот едва не скорчился от боли, и предложил пану-брату Бутриму Лёднику пойти в дом воеводы, хорошо выпить по случаю виктории. Третий шляхтич по всем сарматским обычаям пригласил на Масленицу его милость пана Лёдника в гости в свое имение у Дрибина... Ту самую честь оказывали и его милости пану Прантишу Вырвичу, который горделиво положил руку на Гиппоцентавр, и повертывался так, чтобы все видели драгоценный кинжал, хотя в сумерках навряд ли кто обращал внимание на его оружие. Соломея растерянно спросила доктора:

– Почему они так с тобой?

– Твой муж великого гетмана на поле боя спас, и гетман его согласно Статута и сарматских обычаев в рыцари посвятил, – с широкой улыбкой объяснил Прантиш. – Так что ты – пани Лёдник герба Кораб, владельница деревни Корабли и тысячи дукатов. Только вот что я посоветую, ваша мось пани... Давай отведем доктора в дом, пока он еще на ногах держится.

А у Прантиша был княжеский кинжал с диамантом и изумрудами и еще один поцелуй, на этот раз в губы, от Полонеи Богинской. Его невероятной Прекрасной Дамы, которая способна драться на дуэли, пробираться сквозь лабиринты и взрывать бочки с порохом. Было и обещание подождать отдавать кому-либо свое сердце, пока молодой Вырвич не станет генералом. Если, конечно, это событие не затянется во времени.

Назавтра на брусчатке снова сиял белый снег, даже жаль ступить, нарушить его чистоту, и будто не было вчера кровавой драки... Тела, правда, кое-где лежали. От тел сильно несло горелкой и слышался могучий храп. За викторию шляхтич пьет, пока не свалится с ног – если смерти не удалось его свалить. В подземельях где-то под святой Софией сияла невидимым светом рамфея.

* * *

– Когда же вы вернетесь в Полоцк, а, детки? – тоскливо спрашивал старый Лейба, всматриваясь в лица Лёдников. – И вернетесь ли? Мир велик... И вы теперь большие люди.

– Вернемся, дядька Лейба, – уверила Соломея. – Потому что мы слишком малы в сравнении с Полоцком, чтобы его забывать.

– Может, напрасно ты, Бутрим... извини, ваша мось, пан Лёдник, не согласился пойти служить в войско великого гетмана... Сразу же чин немалый обещали, – с сомнением промолвил аптекарь. – И пан Вырвич карьеру бы неплохую сделал.

– Дядька Лейба, ты можешь представить меня с утра до вечера за пиршественным столом, под который я валюсь, напившись, а потом, едва продрал глаза, лезу защищать свою честь от пана-брата, и мы рубим друг друга саблями из-за кривого взгляда или толчка в плечо? – мягко проговорил Лёдник, одетый, согласно своего нового статуса, в шляхетский наряд, хотя и без диамантовых «гузов» и броских украшений. – А мою честь «свежего шляхтича» точно будут испытывать все, кому не лень. А можешь представить, как я ору на сеймике в защиту не самого умного, но смиренного депутата, которого поддерживает мой патрон?

– Да, это тяжело представить, – улыбнулся Лейба. – А благородный пан Вырвич?

– Пока что я – с ними, – коротко ответил Прантиш.

– Ему доучиться нужно, – промолвил Лёдник. – Что толку, если сейчас он привыкнет к жизни в магнатской резиденции, и станет таким, как пан Михал Володкович? Тот ведь тоже не без соображения был, сильный, отважный... А как окончил: расстреляли свои же литвины в подземельях Менской ратуши. И никто, кроме «Пане Коханку» и его прихлебателей, добрым словом не помянет.

– Шляхтич все равно войны не избежит! – весело выкрикнул Прантиш. – *Fac et spera* – действуй и надейся! Мне генералом нужно стать!

– Будут, будут еще у тебя подвиги... – ворчливо произнес Лёдник. – На всех нас сражений хватит, времена ждут литвинов бурные. И пока есть возможность – нужно заняться чем-то созидательным. А Виленская академия – неплохое место и для научного труда, и для образования.

– Тем более у пана Вырвича там знакомый профессор теперь есть, – с улыбкой прибавила Соломея.

– Который не даст ему никаких послаблений, – строго глянул на Прантиша Лёдник. Вырвич фыркнул, поправив новую пушистую шапку с аграфом: студенты академии еще не знают, какой подарочек получили в лице профессора Бутрима Лёдника. Гонять будет, как борзая зайцев! Прантиша вон как загонял, готова к зачислению в студиозусы.

А в Академию хотелось – Лёдник обещал, что там найдутся ученые механики не хуже Пфальцмана. Прантишу не терпелось самому попробовать сладить машину, еще лучше железной черепахи, которая бы ездил быстро и далеко. Философия тоже не была самой скучной наукой, как раньше думал Вырвич. А астрономия! Посмотреть на звезды в телескоп, увидеть движение комет! Да, нынешний Вырвич сильно отличался от того школяра, который полгода назад сделал невероятно выгодную покупку за медный шелег.

Лейба утер слезы и отступил к калитке. Полоцк лениво просыпался, удивляясь тишине утра, которую никто не успел испортить криками, стрельбой и ругательствами. Молодой кучер, который ждал у новенькой брички своих хозяев, в очередной раз обошел экипаж, поправил набитые сундуки, многозначительно глянул на небо: совсем рассвело, не время ли в дорогу?

– Ну что, двигаем? – Прантиш, который уже сидел верхом, нетерпеливо оглядывался, едва сдерживая своего – собственного! – коня, пегого дрыганта, рвущегося полететь в далекие дали, где ждут новые авантюры и подвиги.

И они двинулись по дороге из Полоцка на Вильню.

Толкование некоторых исторических терминов

Амарат – сердечный друг.

Банда – так в XVIII веке называли команду, группу.

Гицель – помощник палача, слово употреблялось как ругательство.

Гуз – бриллиант, которым украшали шляхетскую шапку.

Диссиденты – так в Речи Посполитой называли верующих-христиан, которые не принадлежали к католическому вероисповеданию: сторонников арианства, кальвинизма, лютеранства, социан, анабаптистов, квакеров, менонитов, а после Брестской унии 1596 года и православных.

Дрыгант – легендарная белорусско-польская древняя порода лошадей.

Жолнер – солдат.

Казаки – не только социальная группа, но также вид легкой кавалерии.

Конфидент – доверенное лицо.

Карусель – придворный рыцарский турнир.

Кумпан – близкий друг.

Либерум вето – право каждого шляхтича отменить решение любого сейма или запретить его работу.

Лихвар – ростовщик.

Людвисарня – мастерская по производству артиллерийских пушек.

Магистрат – городской совет.

Маршалок – великий маршалок руководил великокняжеским двором и сенатом, уездный – возглавлял местное правление, вел уездный сеймик, трибунальский – руководил судебными заседаниями.

Сарматский костюм – традиционный шляхетский наряд, состоял из жупана, кунтуша, пояса восточного типа, шапки с мехом. В Речи Посполитой его носили параллельно с немецким (французским) платьем европейского образца, но приверженцы традиций «чужую моду» не одобряли.

Трибунал – главный суд Великого княжества Литовского.

Фамилия – группировка магнатов ВКЛ, которую возглавляли князья Чарторыйские.

Фортуна – удача, любимый образ куртуазной литературы.

Хоругвь – рота шляхетской кавалерии, в которой было от 30 до 200 человек.

Шелег – мелкая медная монета, равная одной трети медного гроша.

Янычары – вид войск в ВКЛ.